

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра истории СССР

На правах рукописи

УДК 94(474.2-2+474.3-2)" 14/15":342.53

МИСАНС Илгварс Янович

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГОРОДОВ НА
ЛИВОНСКИХ ЛАНДТАГАХ
В XV- ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.

Специальность 07.00.02. История СССР

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
кандидат исторических наук,
доцент Зейде Т.Я.

Рига 1987

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	с. 2
Обзор источников и литературы	с. 6
Глава I Ливонский ландтаг и города	с. 33
Глава 2 Торговая политика	с. 45
Глава 3 Денежная политика	с. 78
Глава 4 Политика в вопросе о выдаче убежавших в города крестьян	с. 102
Заключение	с. 118
Приложение	с. 123

ВВЕДЕНИЕ

Одним из характерных признаков средневековья является борьба городов с феодалами. Если до XV в. ее главную суть отражало противоборство городов их сеньерам, то к концу развитого средневековья она постепенно стала распространяться на все важнейшие сферы функционирования общества. Именно в этот период городское бюргерство¹ в противоположность дворянству, которое "становилось все более и более излишним и мешало развитию", стало олицетворять собой "дальнейшее развитие производства и торговых сношений, образования, социальных и политических учреждений"².

Содержание и формы борьбы городов с феодалами в разных странах были обусловлены местной спецификой и имели весьма существенные отличия. В Ливонии, где в политике городов преобладала забота о их хозяйственных интересах, особую остроту приобрел экономический аспект борьбы. Стремление ливонского бюргерства стать единственным привилегированным сословием в области торговли и распространить свое влияние на наиболее тесно связанные с ней отрасли хозяйства натолкнулось на сильную оппозицию со стороны местных феодалов.

Ливонские города широкого участия в политической жизни страны не принимали, и поэтому выбор средств для борьбы за достижение своих целей у них был невелик. Ряд конкретных экономических вопросов города могли решать, обращаясь к своим феодальным сюзеренам — ландесгеррам, в подчинении которых они находились. Однако, это не всегда давало нужный результат, тем более, что в условиях феодальной раздробленности власть последних была ограничена рамками отдельных местных обособленных государств. В этой ситуации в городской политике обострилась необходимость использования возможностей, открывшихся благодаря участию делегатов Риги, Таллина и Тар-

ту в работе ландтага - наиболее представительного общеливонско-сословного института. На нем они вместе с феодалами принимали участие в обсуждении всех основных проблем страны, как политического, так экономического характера. Таким образом, несмотря на то, что экономическая борьба городов на ландтаге была прежде всего нацелена на защиту своекорыстных интересов ливонского бюргерства, она, будучи направленной против феодалов, являлась компонентом прогрессивного по своей глубочайшей сути процесса.

Настоящая диссертация охватывает экономическую политику городов в период, когда ландтаг являлся общим для всей Ливонии политическим органом. В этом качестве он начал функционировать в 20-х годах XV столетия и просуществовал до конца 50-х годов XVI в., когда в первые годы Ливонской войны (1558-1583 гг.) конфедерация местных государств распалась и ее политические институты были ликвидированы.

Цель исследования состоит в том, чтобы проследить за ходом развития основных направлений экономической политики городов на ландтаге и раскрыть общий процесс ее эволюции на протяжении XV и первой половины XVI столетия.

В соответствии с этим основные задачи работы сводятся к следующему:

- 1) Раскрыть суть экономических противоречий, обнаруживающихся на ландтаге между городами и феодалами.
- 2) Охарактеризовать общие результаты борьбы городов за свои экономические интересы на ландтаге.
- 3) Оценить место и значение использования городами своего представительства на ландтаге в общем арсенале средств, доступных бюргерству для реализации своей экономической политики.
- 4) Выявить факторы, которые на каждом конкретном отрезке времени положительно или отрицательно влияли на политику городов

на ландтаге и, исходя из этого, показать динамику ее развития.

Значимость выбранной темы заключается прежде всего в том, что она находится на стыке двух крупных, маломысленных проблем - экономической политики ливонских городов и истории ландтага XV - первой половины XVI в. Это дает возможность не только расширить представление об одном из важнейших направлений в политике ливонского бюргерства, но и глубже изучить деятельность собрания ливонских сословий в области экономики.

Исследуемая в диссертации проблематика представляет немало-важное значение и в другом плане. В последнее время как в советской, так и зарубежной медиевистике увеличивается интерес к сравнительному изучению структуры, функций и разных сторон деятельности сословно-представительных учреждений различных европейских стран. Плодотворность подобных изысканий во многом зависит от разнообразия рассматриваемых вариантов. Будучи слабо изученным, ливонский материал, в том числе и отражающий деятельность городов на местных ландтагах, для сравнительно-исторического анализа пока почти не использовался.

Кроме этого актуальность диссертационной работе придает и то обстоятельство, что латвийские советские историки до сих пор крайне мало внимания уделяли специальному изучению проблем истории Ливонии XV - первой половины XVI вв., а в настоящее время углубленное исследование этого периода в республике почти прекратилось.

Таким образом научная разработка данной темы имеет и практическое значение. Содержащиеся в работе положения и ее фактический материал могут быть использованы как при проведении сравнительного изучения сословно-представительных институтов различных стран, так и при написании специальных, в марксистской историографии пока отсутствующих монографических исследований об

экономической политике ливонских городов и политической истории
Ливонии XV - первой половины XVI в.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Сведения о проводимой на ландтагах экономической политике городов можно найти в разнообразных по характеру и содержанию источниках XV и XVI вв.: рецессах собраний представителей ливонских сословий и съездов представителей ливонских городов, переписке, хрониках и др. Все они в свое время появились в разных условиях, были написаны по разному поводу и с разными целями. Поэтому работу ландтага и деятельность на нем городских делегатов эти источники освещают с неодинаковой подробностью.

Наибольшую ценность для диссертации представляют документы, которые составлялись непосредственно на ландтаге по ходу работы или по окончании собрания. Среди них особое место занимают рецессы ландтагов, дающие наиболее полную и точную информацию о порядке, содержании и итогах состоявшихся обсуждений. Этой группе источников нельзя дать однозначное определение. Необходимо в массе документов, к которым в XV и первой половине XVI вв. применялось обозначение "рецесс ландтага", различать источники двух разных видов.

В первом значении под рецессом ландтага следует подразумевать основной итоговый документ собрания, содержащий изложение его постановлений, которое представлено в форме договора между куриями (отдельные из них озаглавлены *afsprøke*, другие называются *recess und afscheydt*)¹. За рассматриваемый в диссертации период сохранилось ограниченное количество оригиналов или их копий того времени. Тексты этих источников в основном опубликованы в разных изданиях, вышедших еще в XVIII и XIX вв.

Рецессы этого вида отличает присущая, как правило, итоговым документам краткость изложения. Лишь некоторые самые важные или

те, в которых отражены наиболее дискуссионные пункты повестки дня, изложены несколько пространнее. Иногда таким образом можно установить если не сущность имевших место на собрании разногласий, то по меньшей мере различия в позициях его участников. В целом же для исследования политики городской или какой-либо другой курьи на ландтаге эти материалы дают лишь скудные отрывочные сведения.

Гораздо более подробную информацию о деятельности ландтага содержат рецессы второго вида. Они представляют собой записи дебатов, информируют также о других моментах по ходу ландтага. Эти документы по образцу рецессов городских съездов составлялись секретарями магистратов Риги, Таллина и Тарту, входившими в состав делегаций городов. По словам первого тщательного исследователя и прекрасного знатока этих источников О. Штафенхагена они "не имеют никакого отношения к настоящим рецессам ландтагов"². В отличие от последних эти городские их рецессы не имели юридической силы и в лучшем случае могли использоваться в качестве служебных документов в сношениях между городами³: Факт, что они были написаны секретарями городских магистратов, оставил отпечаток на содержании этих документов. Хотя и в городских рецессах также далеко не всегда отражен весь ход ландтага (пропускались некоторые для бюргерства невыгодные или маловажные моменты)⁴, с точки зрения нашей темы исключительно важное значение имеет обстоятельство, что в центре внимания их составителей находится деятельность именно городской курьи. Она была многосторонней и никогда не ограничивалась обсуждением официальной повестки дня. Представители Риги, Таллина и Тарту воспользовались своим присутствием на ландтаге для обсуждения и таких вопросов, которые совсем не были связаны с работой сословного органа. Нередко для этой цели они специально прибывали на ландтаг за день или несколько дней до его откры-

тия или задерживались после его окончания⁵. Соповещения по чисто городским делам организовывались и параллельно с заседаниями ландтага. Кроме того участие в работе ландтага облегчало горожанам вступление в контакт с ландесгеррами и вассалами и в случае необходимости проведение переговоров с отдельным правителем или группой феодалов по вопросам, представляющим взаимный интерес. Все эти события фиксировались в рецессе, наравне с информацией о заседаниях при участии всех курий. Для исследования политики городов на ландтаге это создает определенные трудности. Не всегда текст документа позволяет в точности установить на каком уровне обсуждался конкретный вопрос - между всеми куриями ландтага, в частном порядке между делегатами Риги, Таллина и Тарту и отдельными феодалами или на заседании с участием одних городских представителей. Это немаловажно, так как, по нашему мнению, нельзя считать, что та или иная упомянутая в рецессе проблема рассматривалась действительно на ландтаге, если нет доказательств участия в ее обсуждении всех сословий. Но этот с нашей точки зрения недостаток все же существенно не уменьшает ценности рецессов как исторических источников. Благодаря весьма подробному отражению дебатов⁶, значение этих документов для исследования городской политики на ландтаге ни с чем несравнимо. В изложении событий порой не упускаются мельчайшие детали - по дням излагается ход обсуждений до и после обеда, порядок появления участников на заседании, время их начала и др. Но главное внимание в рецессах обращается на основные вопросы, обсуждение большинства из которых фиксировалось чуть ли не дословно. Сомневаться в достоверности этих сведений, которые оставлены очевидцами или участниками событий, нет оснований.

В то же время необходимо отметить, что использование рецессов как первого, так и второго вида требует осторожного и кри-

тичного подхода. Далеко не все из отраженных в них обсуждений и решений принадлежали к таким, которые оставили видный след в экономической и политической жизни Ливонии. Итоговые постановления ландтага носили нормативный характер и многие из них не были реализованы, а некоторые из зафиксированных в городских рецессах ландтага вопросов остались нерешенными из-за разногласий между куриями. Поскольку каждое сословие старалось склонить мнение ландтага в свою пользу, многие выступления и заявления не были лишены тенденциозности и преувеличений в трактовке фактов. Поэтому для правильной оценки сути городской политики и, вообще, исторической картины XV и первой половины XVI вв. сведения из рецессов необходимо проверять, сопоставляя с имеющимися данными из других источников.

Кроме рецессов экономическая политика городов получила отражение и в других, связанных с работой ландтага документах. К ним относятся ответы городов на статьи повестки дня ландтага, которые им предварительно высылались от имени рижского архиепископа и магистра Ордена, инструкции магистратов делегатам ландтага и отчеты последних о своей деятельности. К этой группе источников следует причислить также письменные предложения горожан, с которыми они обращались во время проведения ландтага к ландесгеррам, сообщения о переговорах городских делегатов с магистром Ордена и другими участниками собрания и единственный известный нам подробнейший дневник рижских делегатов на ландтаге в Валмиере в марте 1558 г.⁷. Такого рода источники многообразны по форме и содержанию, но не систематичны по характеру. Лишь отдельные аспекты экономической политики городов на некоторых ландтагах они освещают конкретнее и нагляднее городских рецессов. Но в отношении тех ландтагов, рецессы которых отсутствуют, изучение подобных документов остается единственной возможностью реконструкции имевших место на собраниях

событий.

Некоторые необходимые для диссертации сведения можно извлечь из рецессов съездов представителей ливонских городов и переписки между магистратами Риги, Таллина и Тарту. Эти источники отображают разные стороны политики ливонских городов: внешнеполитические мероприятия, отношения с ландесгеррами и рыцарством, иностранными купцами и др. Наряду с этим на городских съездах и в переписке обсуждались и проблемы экономической жизни Ливонии — торговли и ремесла, денежного дела, отношения городов и деревни. Но во взаимосвязи с участием делегатов Риги, Таллина и Тарту в работе ландтага эти вопросы упоминаются редко. Руководствуясь логикой человека XX в., можно высказать предположение, что вопросы, связанные с разработкой тактики и стратегии городской политики против феодалов на ландтаге, было нежелательно включать в официальные документы из-за необходимости предупреждать, как сейчас бы сказали, утечку секретной информации. Однако, не исключено, что деятельность делегатов Риги, Таллина и Тарту могла не найти широкого отражения в рецессах городских съездов и переписке по совершенно иным причинам. Например, этот факт является одним из косвенных подтверждений нижевысказываемой в диссертации мысли о сравнительно небольшом значении использования делегатов Риги, Таллина и Тарту в сословном представительстве в качестве одного из рычагов экономической политики городов.

Материалы городских съездов и переписка содержат несравнимо меньше непосредственной информации по нашей теме, нежели рецессы ландтагов. Однако эти источники ничем не заменимы по своему значению для решения более широкой задачи — выяснения общих целей политики Риги, Таллина и Тарту, без чего в каждом конкретном случае невозможно правильно обосновать позицию их представителей на ландтаге.

Помощь в этом оказывают и другие источники и, прежде всего, многочисленные и богатые по содержанию рецессы ганзейских съездов, а также переписка Риги, Таллина, Тарту с главой Ганзы Любеком и другими ее членами. Эти источники также не имели прямого отношения к ландтагу, но для нас важны тем, что отражают содержание и основные проблемы международной торговой политики ливонских городов.

Источниками сведений об исторической обстановке в Ливонии и политике Риги, Таллина и Тарту являются также ливонские хроники XV и XVI вв. Наибольшую ценность для диссертации представляет хроника секретаря рижского магистрата Х.Хелевега⁸, в особенности та ее часть, где охарактеризованы малоизвестные по другим источникам ландтаги 70-х и 80-х годов XV в. К сожалению, в своем рассказе о них автор весьма лаконичен и все внимание сосредотачивает на описании борьбы между Ригой, Орденом и епископами до 1489 г. Еще меньше места ландтагам уделено в сочинениях летописцев XVI в. И.Реннера и Б.Руссова⁹, в которых они упоминаются лишь в связи с внешнеполитической деятельностью сословий накануне и в первые годы Ливонской войны.

В целом экономическая политика городов на ландтаге в охарактеризованных источниках освещена неравномерно. Меньше всего имеется сведений, относящихся к XV в. Известны лишь несколько итоговых решений самых первых ландтагов 20-х годов, которые принадлежат к выделенной в нашем обзоре первой группе рецессов. Из остальных имеющихся в нашем распоряжении источников до конца XV в. о политике городов на ландтаге можно почерпнуть в лучшем случае косвенные данные.

Гораздо богаче интересующими нас источниками конец XV и первая половина XVI вв. Их систематизации и опубликованию во многом мы обязаны прибалтийско-немецким ученым и, прежде всего, инициа-

тору издания фундаментального собрания документов по истории органов сословного представительства Ливонии XIV - первой половины XVI вв. О. Штафенхагену и его непосредственным издателям - отцу и сыну Л. Арбузовым и А. Бауеру. В конце прошлого века после тщательных архивных исследований О. Штафенхаген обнаружил и скопировал 34 городских рецесса ландтагов, а также многие другие ценные источники, касающиеся истории ливонских сословно-представительных учреждений¹⁰. Его коллекция легла в основу издания "Akten und Rezesse der livländischen Ständetage"¹¹, задуманного как четырехтомник. К сожалению, весь материал опубликовать не удалось - во втором томе отсутствует период с 1472 по 1493 г., а четвертый том (1535-1561 г.) вообще не был подготовлен к печати¹².

Восполнение недостающей части источников связано с определенными трудностями. Рукопись О. Штафенхагена, которой историки пользовались еще в 30-х годах нашего века, автору диссертации обнаружить не удалось¹³. Имеющиеся издания источников, в которые вошли интересующие нас документы последней трети XV и второй трети XVI вв., либо не систематизированы¹⁴, либо охватывают хронологически небольшой период¹⁵ или же носят специальный тематический характер¹⁶ и по ним нельзя составить столь же детальное представление о политике городов на ландтаге, как за период с конца XV в. по 1535 г. Важнейшие для диссертации неопубликованные архивные материалы в настоящее время находятся за рубежом. Автору в виде микрофильма были доступны материалы одного фонда из той части Таллинского городского архива, которая была вывезена фашистскими захватчиками во время Второй мировой войны¹⁷. Некоторые ценные источники, относящиеся к деятельности ландтага во второй трети XVI в., удалось обнаружить также в Центральном государственном историческом архиве Латвийской ССР среди копий средневековых документов, сделанных в середине прошлого столетия Г. фон Бревер-

ном¹⁸.

В совокупности использованные автором источники позволяют судить о проводимой на ландтаге Ригой, Таллином и Тарту экономической политике с весьма высокой степенью подробности.

Литература

Мысль о необходимости специального исследования участия городов в работе ливонского ландтага была высказана еще полтора века тому назад¹⁹, однако до последнего времени она так и не нашла отклика среди историков. Вместе с тем, нельзя сказать, что этот вопрос вообще не освещался в литературе. Так или иначе деятельность городов на ландтаге затрагивалась как в работах, посвященных самой истории сословного представительства в Ливонии, так и в трудах, где исследовалась ливонская торговля и торговая политика, денежное производство и обращение, отношения между городами и феодалами в связи с т.н. крестьянским вопросом. Каждая из названных тем составляет отдельную проблему и имеет свою историографию. Поэтому в целях большей наглядности обзор литературы соответственно перечисленной проблематике разбит на четыре части, которые совпадают и с главами диссертации.

Начнем с работ о самом ливонском ландтаге. Как более старая по сравнению с марксистской буржуазная историческая наука в исследовании прошлого этого органа имеет более давние традиции. Первый труд, специально посвященный истории ландтага в XV и первой половине XVI вв., был опубликован прибалтийско-немецким историком Ф.Г.фон Бунге еще в 1836 г.²⁰. Далеко не случайно эта тема оказалась среди тех, которые в XIX в. одними из первых обратили на себя внимание остзейских исследователей средневековья. Институт ландтага продолжал свое существование на территории Латвии и

Эстонии вплоть до 1920 г. Правда, ландтаги времени Бунге не имели ничего общего со своим предшественником XV в. Они представляли собой собрания дворянства Лифляндии, Курляндии и Эстляндии, и являлись одним из наиболее наглядных олицетворений его сословных привилегий. Но обращаясь к далекому прошлому ландтага, остзейская историческая наука стремилась подчеркнуть давность всех привилегий немецкого меньшинства - дворянства и буржуазии - в Восточной Прибалтике, создать иллюзию их обоснованности и как бы призывала к сохранению и укреплению старых традиций. В работе Ф.Г.Бунге ландтаг предстает перед нами как "идеальный" орган, "собравшиеся на котором" представители сословий репрезентировали всю страну, в том числе не допущенные на ландтаг сословия"²¹. Этим автор дает понять, что интересы всех слоев населения якобы были учтены, тогда как в действительности, ландтаг являлся выразителем интересов феодалов и в редких случаях патрицианской верхушки горожан. Ф.Г.Бунге не располагая большим количеством фактического материала. Во время написания работы было опубликовано очень мало источников, многие еще не были обнаружены в архивах. Поэтому с современной точки зрения статья страдает тем, что не все выводы в ней в достаточном количестве подтверждаются источниковыми данными. Но, несмотря на указанные недостатки, труд Ф.Г.Бунге оказал большое влияние на дальнейшее исследование истории ливонского ландтага и не утратил определенного научного значения до наших дней. Впервые был описан порядок работы сословно-представительного учреждения, освещены основные направления его деятельности, выявлены причины его слабости.

Другая, наиболее крупная в прибалтийско-немецкой историографии работа о прошлом ландтага принадлежит перу Ю.Эккардта²². История сословно-представительного учреждения в ней исследуется на протяжении более длительного периода - от его возникновения

до ХУШ в. Статья Ю.Эккардта появилась в обстановке, когда в связи с подготовкой и проведением реформ 60-х годов XIX в. дальнейшее существование привилегированного положения прибалтийских немцев оказалось под угрозой²³. Работа о прошлом ландтага должна была воздействовать на патриотические чувства прибалтийско-немецкой общественности, сплотить немецкие сословия и послужить доказательством права на сохранение привилегий²⁴. Таким образом статья Ю.Эккардта была призвана решать те же задачи, что и работа Ф.Г.Бунге. Ю.Эккардт также старался показать ландтаг как проверенный временем вполне законный орган, осуществляющий управление средневековой Ливонией якобы в интересах всего ее населения. В т.н. период независимости Ливонии автор акцентирует примиренческие задачи в деятельности сословного собрания. Согласно мнению Ю.Эккардта, которое не противоречит взглядам Ф.Г.Бунге, "в период независимости Ливонии ландтаг был примирительным местом, на котором рассорившиеся в связи с различием интересов ландесгерры встречались для совместных переговоров, благодаря чему по крайней мере отчасти свою деятельность могло развить центральное правление"²⁵.

В научном плане статья Ю.Эккардта во многом дополняет труд Ф.Г.Бунге. В ней более детально рассматривается организация работы ландтага, проводится интересное сравнение этого органа с рейхстагом Германской империи, характеризуются представленные на нем сословия. В связи с нашей темой особый интерес вызывает описание городской курии. Ю.Эккардт справедливо замечает, что города на ландтаге обладали значительно меньшим влиянием по сравнению с феодалами, но преувеличивает это различие. Вопреки сведениям источников из Таллинского городского архива, которые Ю.Эккардт почти не использовал²⁶, в его работе города на ландтаге отображены совершенно беспомощными, принимающими участие в его

работе "в качестве собственного сословия лишь номинально"²⁷.

По своей направленности к трудам Ф.Г.Бунге и Д.Эккардта примыкает и третья в остзейской историографии специальная работа о ливонском ландтаге - статья А. фон Гернета о возникновении этого органа²⁸. В ней подробно исследуются только собрания 20-х годов XV в. Автор не раскрывает исторических условий, при которых возник ландтаг, и рассматривает данный вопрос больше в правоведческом аспекте. При этом А.Гернет преувеличивает значение ландтага в истории Ливонии, переоценивает возможности этого учреждения. Справедлива также уже высказанная в адрес этого автора критика по поводу взгляда на ландтаг как на орган, объединявший пять мелких раздробленных ливонских государств в федеративное государство (Bundesstaat)²⁹.

Другие прибалтийско-немецкие ученые, в основном авторы обобщающих изданий по истории Ливонии, писали о ландтаге в том же ключе - как об органе, "который объединял ландесгерров со всеми сословиями для соблюдения их совместных интересов"³⁰ и с помощью которого "идеальное единство страны приобрело зримое выражение"³¹. Будучи защитниками привилегий, корни большинства из которых уходили в далекое прошлое, прибалтийско-немецкие исследователи старались завуалировать те стороны ливонской истории, которые свидетельствовали о противоречиях между разными социальными слоями немецкой общественности. Поэтому они мало и очень неохотно писали об острых разногласиях, возникавших между собравшимися на ландтаге сословиями и умалчивали о связи между его образованием и борьбой рижского архиепископа против стремления магистра Ордена подчинить своему диктату всю Ливонию.

В 20-е и 30-е годы нашего столетия, после того, как в Латвии и Эстонии привилегии прибалтийских немцев были ликвидированы, историография ландтага стала более объективной. Однако, в этот пе-

риод остзейские ученые уделяли внимание не столько дальнейшему исследованию самой истории ландтага, сколько изданию и широкому комментированию необходимых для этого источников. Особого рассмотрения заслуживает один из этих комментариев Д.Арбузова - младшего, представляющий собой по существу небольшую статью о первых ливонских ландтагах³². Вопрос об образовании ландтага здесь тесно связывается с напряженной исторической обстановкой первых десятилетий XV в., при этом не обходится стороной и борьба между архиепископом и Орденом. Немалую ценность представляют заметки автора о порядке работы ландтага, оценка возможностей участвовавших в его работе сословий.

Некоторые из высказанных в этой работе Д.Арбузова идей далее были развиты латышскими буржуазными учеными, в задачи которых не входило доказать с помощью исторических фактов необходимость сохранения привилегий прибалтийских немцев. В латышской буржуазной историографии нет специальных монографий или журнальных статей о прошлом ландтага. Однако З.Аберсом и еще одним анонимным автором, которым предположительно является А.Швабе, были написаны две сравнительно обширные статьи для энциклопедических изданий³³. Здесь было отмечено, что возникновение ландтага в 20-х годах XV в. являлось компромиссом между разными политическими силами в условиях, когда никто из ландесгерров не был способен подчинить своей власти всю Ливонию. Некоторые новые сведения З.Аберс и А.Швабе (?) приводят о компетенции и порядке проведения ландтага. Впервые было подчеркнуто отсутствие права у латышских и эстонских крестьян участвовать в его заседаниях. Оба автора не рассматривают этот факт как свидетельство политического бесправия коренного населения Ливонии. З.Аберс указывает, что крестьян как своих подданных на ландтаге представляли ландесгерры или феодальные господа латышей и эстонцев - вассалы³⁴.

А. Швабе отсутствие крестьян на ландтаге не комментирует и лишь отмечает, что во время распространения крепостничества именно по "крестьянскому вопросу" наиболее остро сталкивались интересы городов и дворян³⁵.

В целом же, несмотря на скатый объем упомянутых работ, они внесли определенный вклад в дальнейшее изучение истории сословного представительства Ливонии.

В современной буржуазной историографии история ландтага предана забвению. Сегодня ею серьезно занимаются только историки-марксисты: польский ученый Я.Кошак³⁶ и эстонский советский исследователь П.Раудкиви³⁷. В отличие от буржуазных авторов они впервые указали на классовый характер ливонских сословно-представительных органов. П.Раудкиви подчеркнул обстоятельство, что все принятые на первых ландтагах решения доказывают стремление ландесгерров прежде всего ставить свои интересы³⁸. В свою очередь Я.Кошак отмечает, что начиная с XIV в. в идеологию ливонских феодальных сословий и зажиточных верхов горожан прочно вошло представление о необходимости совместной защиты привилегированного положения немецкого меньшинства по отношению к враждебно к нему настроенному латышскому и эстонскому населению³⁹.

В работах обоих ученых рассматриваются проблемы, связанные с возникновением ландтага и его начальной историей. Основное внимание П.Раудкиви сосредоточено на генезисе этого органа в 20-х и первой половине 30-х годов XV в. Он отмечает, что формирование ландтага проходило в сложной исторической обстановке, имело затяжной характер и в основном завершилось, когда на собрании в Валке в 1435 г. образовалась т.н. ливонская конфедерация⁴⁰. Специально П.Раудкиви занимался исследованием роли и значения городов в становлении ливонского ландтага и изучением процесса консолидации курии вассалов. Многие из-за нехватки источников

здесь остается неясным, но анализ имеющихся немногочисленных данных, по мнению автора, говорят о том, что в первой половине XV в. заседавшие на ландтаге представители рыцарства действовали порознь, от имени вассалов только одного сюзерена, а не в качестве объединенной силы (т.н. *communitas vasallorum*)⁴¹.

В отношении же городов П.Раудкиви придерживается взгляда о второстепенной их роли в генезисе ливонского ландтага. Объясняет исследователь такое их положение, главным образом, тем, что произошедшие в 20-х годах XV в. неблагоприятные для Риги, Таллина и Тарту изменения в расстановке политических сил, обострили отношения городов с ландесгеррами⁴². Две последние статьи П.Раудкиви подтверждают отмеченную нами выше его мысль о доминирующей роли ландесгерров на ландтагах 1420-х и 1430-х годов.

В монографии Я.Коцака завершение формирования общеливонского ландтага также связывается с образованием т.н. ливонской конфедерации в 1435 г., но вопрос об исходных рубежах этого процесса трактуется более широко. Польский исследователь усматривает генетическую связь, существовавшую между общеливонскими ландтагами 20-х годов XV в. и возникшими на сто с лишним лет раньше региональными, внутрисословными и, в особенности, межсословными - межгосударственными представительными институтами. Я.Коцак считает, что, несмотря на их нерегулярную деятельность и слабость, уже в XIV в. в виде этих органов сложилась основа, из которой затем вырос общеливонский ландтаг. Таким образом его создание автором рассматривается как продолжение и результат развития менее совершенных формирований сословного представительства.

В таком контексте справедливым представляется и утверждение Я.Коцака о том, что историографический спор по поводу того, какое из аналогичных по уровню представительства сословных собраний конца первой четверти XV в. достойно названия первого ланд-

тага⁴³, возник в результате упрощенного подхода к проблеме его генезиса и носит чисто формально-правовой характер⁴⁴.

В целом сегодняшнее состояние исследования истории ливонского ландтага нельзя признать удовлетворительным. Многие крупные ее проблемы в историографии рассмотрены поверхностно или вообще не затрагивались. В будущем, очевидно, не обойтись и без более широкого сравнения с историей аналогичных ливонскому ландтагу органов других стран. Это может привести к интересным и неожиданным выводам.

Исследование торговой политики ливонских городов буржуазные ученые также начали раньше историков-марксистов. В отличие от проблем сословного представительства средневековой Ливонии интерес к торговой политике ее городов у историков Запада не утратился до наших дней. В результате сегодня в этой области буржуазная историография превосходит марксистскую как по количеству работ, так и по многообразию исследовательских сюжетов. Но написать работу, охватывающую одновременно весь комплекс отношений ливонских городов с Ганзой, русскими землями и между собой на протяжении всего рассматриваемого в диссертации периода пока не удалось ни буржуазным, ни марксистским ученым.

Крупный вклад буржуазные историки внесли в исследование торговой политики Риги, Таллина и Тарту в XV в. В посвященной истории Ганзы со второй половины XIV до последней четверти XV в. монографии Е.Денела и особенно в книге Л.К.Геца о немецко-русской торговле в XIII - XV вв. приводится большое количество сведений, свидетельствующих о стремлении ливонских городов усилить свое влияние на ганзейскую торговлю с русскими землями, что, с другой стороны, осложнило их отношения с остальными членами союза⁴⁵. О том, насколько проведению такой политики способствовала деятельность городов на ландтаге, оба автора не говорят, что, учи-

тывая трудности с источниками об истории сословно-представительного органа в XV в., закономерно.

Источниковая база диссертации такова, что основное внимание в нашей работе приходится сосредотачивать на экономической политике Риги, Таллина и Тарту в первой половине XVI в. Поэтому нас прежде всего интересует историография этого периода ливонской истории. Следует сразу отметить, что специально первая половина XVI в. исследовалась мало и нередко приходится опираться на работы, хронологические рамки которых намного шире. Кроме того ни один из авторов рассматриваемых работ не ставил перед собой специальной задачи исследовать развитие торговой политики ливонских городов и поэтому лишь в совокупности они помогают разобраться в ее сложном механизме на протяжении всей первой половины XVI в.

Краткий, но весьма содержательный анализ основных событий в отношениях ливонских городов с главой Ганзы Любеком в небольшой книге дал А.Дрейер⁴⁶. Хотя заглавие работы обещает освещение событий с 1551 г., треть ее объема посвящена предшествующему периоду. В этой части работы автор опирается на литературу и источники почти только неливонского происхождения — не привлечены даже соответствующие тома *Urkundenbuch* и третий том *Akten und Rezesse*... Это порой приводит к упрощенной или даже ошибочной оценке отдельных мероприятий ливонских городов. Так, например, неверно его представление о рижанах и таллинцах как инициаторах запрета продажи через Ливонию русским товаров, используемых последними в военных целях⁴⁷. Но книга А.Дрейера по существу впервые осветила развитие отношений ливонских городов с западноевропейскими городами в первой половине XVI в. во взаимосвязи с ливонско-русскими отношениями и этим во многом способствовала более глубокому изучению этой проблематики в дальнейшем.

Исследования в направлении, начатом А.Дрейером, были продолжены в 1930-х годах, когда в буржуазной историографии заметно оживилось изучение как торговли, так и торговой политики ливонских городов XVI - XVII вв.⁴⁸. До наших дней сохраняет свое значение работа Г.Холлина о складочной и гостевой политике Риги с 1201 по 1562 г. В ней впервые специально исследуются два важнейших аспекта торговой политики самого крупного и значительного из ливонских городов. При этом автор не ограничился отображением стремления рижского купечества с помощью торговых запретов добиться привилегированного положения в ганзейско-русской торговле. Во многом на основе до него почти неиспользованных источников (в их числе и неопубликованные рецессы ландтагов) Г.Холлин показал, какие изменения политика ограничения торговли внесла в отношения Риги как с заграничными купцами, так и ливонскими феодалами. Хотя и в задачи работы не входило в равной степени с Ригой проследить за ^{уча}торговой ^{уч}политикой других ливонских городов, автор не раз обращается к случаям, когда намерения Риги совпадали с устремлениями Таллина и Тарту, и все они действовали совместно. Но Г.Холлин не скрывает и другую сторону их взаимоотношений, показав существующие между ливонскими городами противоречия. Все это важно для объективной оценки деятельности городов на ландтаге как в отдельности, так и вместе взятых. Строго основанный на источниковом материале труд Г.Холлина позволяет в созвучной во всем, на первый взгляд, политике Риги, Таллина и Тарту выявить отдельные интересы каждого города.

В этом отношении с его работой переключаются две статьи Г.Енша о торговле Риги с Псковом в XVI и XVII вв.⁴⁹. В них на фоне торговых связей между этими двумя городами более широко рассмотрены отношения между купцами ливонских и северо-западных городов России. Отдельно для Риги, Таллина, Тарту и Нарвы осве-

щены основные проблемы торговой политики в восточном направлении. Это помогает выяснить позицию каждого города на нескольких ландтагах и причины имевших место внутри городской курии разногласий.

К самым фундаментальным исследованиям о истории средневековой Ливонии принадлежит книга финского историка В.Нийтемаа о внутренней торговле в политике ливонских городов (1952 г.)⁵⁰. В.В.Дорошенко уже дал обстоятельную характеристику этой монографии⁵¹. Наряду с многими достоинствами книги он обратил внимание на некоторые недостаточно разработанные в ней или с точки зрения марксистской методологии неверно освещенные моменты. В центре работы В.Нийтемаа внутренняя торговля, но ее невозможно исследовать, не показав, как это делает автор, связи с внешним рынком. Это не менее необходимо и при изучении торговой политики, рассматривая которую финский историк далеко выходит за рамки внутрививонской проблематики и ливонского источникового материала. С особой тщательностью В.Нийтемаа исследовал шаги, которые предпринимались городами для решения на месте торговых проблем, возникших в самой Ливонии. Эта политика реализовалась через разные институты, среди которых нас больше всего интересует ландтаг. Не один из важных случаев, когда на ландтаге обсуждались вопросы торговли, не остался автором незамеченным. Особенно частыми они стали в XVI в., когда активизация торговой деятельности феодалов привела к острым дебатам между вассалами и ландестеррами с одной и городами с другой стороны по самым разным вопросам (различные торговые запреты, "крестьянская торговля" и др.). Поэтому, хотя и политика городов на ландтаге специально В.Нийтемаа не выделена, рассматривается в общем контексте городских мероприятий и особому анализу не подвергается, его работа, в которой использован богатый источниковый материал из зарубежных

архивов, содержит много редкой информации, интереснейших выводов и имеет для разработки диссертации очень большую ценность.

В историографии 60-х годов появляется труд латышских буржуазных историков-эмигрантов Э.Дунсдорфа и А.Спекке об истории Латвии в XVI в., рассчитанный как на специалистов, так и широкого читателя⁵². Работа внушительна своим объемом - семьсот с лишним страниц текста для освещения исторических событий одного столетия. Но не все страницы равноценны по научной значимости. Опубликованная реакционным эмигрантским издательством и отвечающая настроениям правых кругов эмигрантской общественности книга содержит резкие выпады против Латвийской ССР, тенденциозно трактует вопрос о роли русского народа в ее истории. Подлинно научный анализ различных проблем истории XVI в. подчас отступает перед изобилием примеров и историческими экскурсами в более поздние столетия. В работе встречаются неточности при изложении отдельных фактов, делаются некоторые поспешные выводы, допускаются недостаточно продуманные формулировки. Так, например, нельзя согласиться с мнением о том, что, благодаря заключенным на ландтагах союзам с городами, в XVI в. в Ливонии определяющим политическим фактором стали вассалы⁵³. Во-первых, не бесспорно само это утверждение, во всяком случае в отношении первой половины столетия. Во-вторых, сотрудничество между городами и вассалами было лишь кратковременным. Лишено оснований также утверждение о том, что на протяжении всего XVI в. каждый ландтаг запрещал крестьянам заниматься скупкой и перепродажей товаров⁵⁴. И это не единственные примеры такого рода. Вместе с тем надо отдать должное авторам - они провели самостоятельное, основанное не только на литературе, но во многом и на источниках (в том числе архивных) исследование, сделали свои выводы и ввели в научный оборот много новых данных. Сказанное относится и к од-

ной из наиболее ценных глав в книге о торговле и ремесле, в которой можно найти также немало материала о торговой политике ливонских городов. Автор этого раздела Э.Дунсдорф в общих чертах показал, как интересы внешней торговли Ливонии в XVI в. столкнулись с торговыми интересами других стран. Ряд продуманных, обоснованных рассуждений, он приводит, рассматривая противоречия между городами и феодалами по вопросам внешней и внутренней торговли. Особенно подробно освещено развитие указанных противоречий в связи с "крестьянской торговлей", и использованы для этой цели преимущественно материалы ландтагов. Усиленный интерес автора к этому вопросу объясняется тем, что в книге вообще на первый план выдвигается исследование истории латышского народа.

В буржуазной исторической литературе 1970-х годов вопросы торговой политики Риги, Таллина и Тарту затрагивались в основном в связи с исследованием политических отношений между Ливонией, Россией и Ганзой. Из числа работ, посвященных международным отношениям XV - XVI вв., в диссертации больше других использовался труд Э.Тиберга⁵⁵, в котором торговая политика ливонских городов является существенным, первостепенным объектом исследования. Шведский ученый не только изучил условия, повлиявшие на торговлю Русского государства с Ливонией, но и показал обратный процесс - воздействие торговли на перемены в политических отношениях между обеими странами. Хотя основное внимание автор сконцентрировал на шестидесятилетнем периоде (с 1487 по 1547 г.), исследование охватывает события с середины XIV в. до начала Ливонской войны в 1558 г. Политика Русского государства относительно Ливонии в тесной взаимосвязи с торговыми и политическими отношениями на Балтике впервые рассматривается за столь продолжительный период, включая всю первую половину XVI в. В

силу того, что для этой цели Э.Тибберг в основном привлекает ливонские и ганзейские источники, его работа имеет не меньшее значение для исследования торговой политики Ливонии. Заново проанализировав опубликованные источники, автор пересмотрел ряд ставших традиционными представлений о развитии торговых и политических отношений между Ливонией и Новгородом, Псковом, а затем Русским государством. Заслуживает внимания трактовка вопроса о времени реального вступления в силу объявленного ливонскими городами запрета "гостевой" торговли. По мнению Э.Тибберга это был не строгий закон, а только принцип, допускающий отклонения. Он считает, что действительно жестким (хотя и не абсолютным) запрет стал лишь в 1540-х годах, до этого он был формальным и практического значения для торговли не имел⁵⁶. Столь же проникательно автор исследовал и некоторые торговые запреты, наложенные непосредственно ландтагом, и, прежде всего, запреты на продажу через Ливонию русским товаров военного назначения⁵⁷. Ученый проследил не только за всеми дискуссиями вокруг этого вопроса на ландтаге, но и за тем, как в зависимости от обстоятельств изменялась степень строгости запретов. Такой основательный анализ - не просто констатация принятых решений, а внимательное их сопоставление с положением в торговле - принадлежит к одной из наиболее сильных сторон работы Э.Тибберга.

В марксистской историографии вопросы торговой политики ливонских городов разработаны пока весьма фрагментарно. Тем не менее, основываясь на марксистской методологии, некоторые аспекты упомянутой проблематики советским историкам удалось исследовать глубже буржуазных авторов.

В посвященной аграрной истории Латвии в XVI в. монографии В.В.Дорошенко рассмотрен вопрос о политике городов в отношении торговли с крестьянами⁵⁸. Советский историк в отличие от

Э.Дунсдорфа особо подчеркивает тесную связь между обострением борьбы вокруг "крестьянской торговли" и экономическими процессами XVI в., прежде всего, развитием мызно-барщинного хозяйства. Значительно шире и круг привлекаемых В.В.Дорошенко источников.

В книге Н.А.Казаковой⁵⁹ исследовано историческое развитие русско-ливонских и русско-ганзейских торговых и политических отношений. Автор опирается, в основном, на анализ торговых договоров, а также источников, освещающих подробности их заключения и предшествовавшие этому события. Отношения между Русским государством, Ливонией и Ганзой отображены во взаимосвязи с международными отношениями в Восточной Европе. Для этого привлечены сведения о восточной политике Литвы, Немецкого ордена, Пруссии, Дании и др. Немало места в работе Н.А.Казаковой отводится и политике ливонских городов, которые были не просто участниками дипломатических мероприятий Ливонского ордена и Ганзы, но и стремились к самостоятельности в отношениях с русскими для защиты интересов купечества Риги, Таллина и Тарту. Остается лишь сожалеть, что наиболее активный период в их торговой политике — первая половина XVI в. — почти весь остался за хронологическими рамками монографии, которая завершается русско-ливонским договором 1509 г. и русско-ганзейским договором 1514 г.

Первая работа, вплотную затрагивающая торговую политику ливонских городов на протяжении всей первой половины XVI в., в советской историографии появилась сравнительно недавно. Это кандидатская диссертация и соответствующие публикации эстонского историка Ю.Ю.Кивимяэ о торгово-политической борьбе вокруг города Нарвы с 1494 по 1558 г.⁶⁰ К т.н. нарвскому вопросу он подошел всесторонне — исследовал правовое положение Нарвы, начиная с XIII в., рассмотрел, как и почему в первой половине XVI в.

в борьбе вокруг этого города постоянно сталкивались интересы Ливонского ордена, Русского государства, всей Ганзы и в отдельности ливонских городов, проводивших в этот период все более независимую политику. Проявленное Таллином и Тарту (меньше Ригой) внимание к Нарве объясняется прежде всего торговыми интересами. Данные В.В.Кивимяэ еще раз подтвердили высказанную в историографии мысль о функционировании своеобразного торгового треугольника, по которому русские товары в северную часть Ливонии поступали через Тарту и Нарву, сосредотачивались в Таллине, откуда осуществлялся их вывоз на Запад⁶¹. Поскольку в этом треугольнике руководящую роль играл Таллин, а Тарту и Нарве отводилось второстепенное место, первый решительно сопротивлялся изменению сложившейся системы торговых отношений. Так, в работе В.В.Кивимяэ подробно освещается, как ливонские ганзейские города (прежде всего Таллин) противились перемещению в Нарву ганзейской торговой конторы, превращению ее в складочный город ганзейско-русской торговли и принятию Нарвы в Ганзейский союз. Но нарвский вопрос в исследованиях эстонского ученого предстает перед нами не только как проблема международной политики. В Ливонии за укрепление экономического значения Нарвы выступал Орден и вассалы. В.В.Кивимяэ это объясняет, с одной стороны, военно-стратегическими соображениями, а, с другой - стремлением уменьшить политическое влияние и экономическую мощь Таллина в интересах расширения торговли Ордена и дворянства⁶². Если международный аспект нарвского вопроса нас больше интересует в общем плане, как составная часть внешней торговой политики ливонских городов, то материал о борьбе вокруг Нарвы внутри Ливонии, благодаря ее прямой или косвенной связи с деятельностью городов на ландтаге, при написании диссертации использован более конкретно.

Итак, отсутствие специального исследования о торговой политике ливонских городов в XV и XVI в. можно компенсировать совокупностью ряда работ, затрагивающих эти вопросы довольно всесторонне и глубоко. Очевидно дальнейшее усовершенствование изучения торговой политики городов теперь во многом зависит от положительных перемен в исследовании самой ливонской торговли, особенно в первой половине XVI в.⁶³. Тем не менее существующие работы общую картину торговой политики ливонских городов раскрывают достаточно широко, чтобы помочь судить о ней и в более узких аспектах, в частности, о ее развитии через призму законодательной деятельности ландтага.

Литература о денежной политике ливонских городов менее обширна. О ливонских монетах и монетном деле немало писали нумизматы⁶⁴, но в большинстве их работ, как правило, не достаёт развернутого анализа письменных источников. Если же вопросы обращения денег рассматривались на основе письменных источников, то они редко исследовались специально и обычно лишь затрагивались в обобщающих работах или в связи с освещением отдельных проблем экономической и политической истории Ливонии.

Из событий ливонского монетного дела XV – первой половины XVI в. наибольшее внимание в историографии уделено реализованной на ландтагах 1422 – 1426 гг. денежной реформе. Ее основное содержание А.фон Рихтер описал еще в 50-х годах XIX в.⁶⁵. Затем в конце века реформе в исследованиях о началах ливонского рыцарства и правовой истории Тартуского епископства несколько страниц отвел другой прибалтийско-немецкий историк – А.фон Гернет⁶⁶. Он пошел дальше своего предшественника – более подробно осветил ход реформы, указал на различие экономических интересов, а отсюда и различие денежной политики феодалов и городов.

Более основательную мотивировку причин борьбы между феодалами и городами вокруг реформы 1422 - 1426 гг. встречаем в работах А.Тендера, В.Нийтемаа, А.Швабе и В.В.Дорошенко⁶⁷. Важно отметить, что два первых автора осветили также другие мероприятия ливонской денежной политики, в том числе и события первой половины XVI в. Особенно значителен труд А.Тендера, где история денежного дела Ливонии изучается весьма последовательно, но он написан на эстонском языке и не приобрел широкой известности.

В 60-х годах нашего столетия несколько новых исследований существенно пополнили научную литературу о выпуске и обращении монет в Ливонии. Сперва появился уже упомянутый нами труд Э.Дунсдорфа и А.Спекке, в котором денежному делу Ливонии в XVI в. была посвящена специальная глава. Поскольку до выхода работы мероприятия денежной политики первой половины XVI в. по сравнению с предшествующим периодом были менее освещены, здесь приводится ряд новых сведений, затрагиваются ранее не исследованные аспекты. Э.Дунсдорф, который является автором этой главы, приводит ценные, до него малозвестные данные из письменных источников. Он часто пользуется и материалами ландтагов, ибо управление денежным делом Ливонии главным образом осуществлялось именно через это учреждение. К сожалению, ценная во многих отношениях работа Э.Дунсдорфа создает неверное представление о некоторых мероприятиях денежной политики городов и феодалов, что объясняется неправильной трактовкой вопроса о соотношении между золотом и серебром⁶⁸.

Наиболее существенный вклад в исследование сложных проблем денежного обращения и монетного дела средневековой Ливонии внесла кандидатская диссертация (1967 г.) эстонского советского нумизмата и историка А.Н.Молвыгина⁶⁹. Многие важные вопросы здесь освещены впервые. Заслугой автора является комплексный подход -

сопоставление письменных источников с данными нумизматического материала и результатами химического анализа монет, что позволило пока наиболее всесторонне раскрыть картину состояния денежного хозяйства Ливонии. А.Н.Молвыгин специально исследовал и очень подробно изложил причины, содержание и экономические последствия реформы 20-х годов XV в. Значительное внимание в работе уделено и денежной политике городов на протяжении XV и первой половины XVI в. Однако, сделанный А.Н.Молвыгиным подробный анализ источников, сообщающих о денежной политике городов и феодалов на ландтаге, почти весь остался неопубликованным. В напечатанных статьях, автореферате и тезисах доклада⁷⁰ отражается лишь результат кропотливой работы с историческим материалом в этом направлении.

Как для раскрытия причин трудностей ливонского денежного дела в XV и первой половине XVI в., так и для сопоставления нумизматического материала и письменных источников значительный интерес представляет вышедшая в 1968 г. работа нумизмата Советской Латвии Р.Цеплите⁷¹.

В 70-е и 80-е годы вопросам монетного дела Ливонии XV и первой половины XVI в. занималась К.Р.Пелда, но в основном в чисто нумизматическом аспекте⁷².

В исторической литературе о борьбе городов и феодалов в связи с т.н. крестьянским вопросом выделяется монография В.Нийтемаа⁷³. До опубликования в 1949 г. этой книги в посвященный истории ливонского крестьянства работах были затронуты лишь совсем немногие аспекты данной проблемы⁷⁴. Развитие противоречий по одному из наиболее злободневных в средневековой Ливонии вопросов - о латышах и эстонцах (их в источниках называют немцами (Undeutsche) - В.Нийтемаа освещает с позиции городов. В монографии политика городов в отношении "ненемцев", т.е.

крестьян исследуется в самом широком смысле и включает экономический, правовой, национальный, социальный и культурный аспекты. Финский историк показал, как заинтересованность городов, прежде всего Риги, Таллина и Тарту, в постоянном притоке населения из деревни, используемого для обслуживания торговли, привела к обострению отношений между городами и феодалами. В.Нийтемаа впервые подробно исследовал, как борьба между ними протекала на различных уровнях, в том числе и на ландтаге. Книга В.Нийтемаа отображает всю сложность борьбы вокруг убежавших в города крестьян, но поскольку политика бургерства включила целый комплекс мероприятий, в монографии нет специального анализа и соответствующих выводов о деятельности городов именно на ландтаге.

Появившиеся после исследования В.Нийтемаа работы, где уделяется внимание истории ливонского крестьянства, менее тесно связаны с интересующей нас проблематикой. Т.Зейдс в первом в послевоенной историографии Латвии марксистском монографическом исследовании о феодализме в Ливонии политику городов в крестьянском вопросе на ландтагах упоминает несколько раз, но детально не рассматривает⁷⁵. Х.Лиги, отдавая должное монографии В.Нийтемаа, критикует отдельные высказанные в ней суждения по поводу закрепощения ливонских крестьян, но о борьбе городов и феодалов на ландтаге новых данных не приводит⁷⁶.

Итак, в обширной литературе о средневековой Ливонии можно найти немало сведений как об истории сословного представительства, так и о развитии экономической политики городов. До сих пор эти две проблемы исследовались самостоятельно, обособленно, вопрос об использовании Ригой, Таллином и Тарту участия в работе ландтага для защиты экономических интересов ливонского бургерства не ставился.

Глава I

ЛИВОНСКИЙ ЛАНДТАГ И ГОРОДА

Завоевав земли ливов, латгалов, селов, эстов, куршей и земгалов, немецкие феодалы в XIII в. заняли господствующее политическое и экономическое положение на территории Латвии и Эстонии и подчинили, заставив работать на себя, местное население. На захваченной территории, которую с XIII в. стали называть Ливонией, утвердилась устойчивая политическая раздробленность. Ливония состояла из пяти мелких, фактически самостоятельных государств: Рижского архиепископства, Тартуского, Сааре-Ляэнеского и Курземского епископств и государства Ливонского ордена¹.

Территориальные правители этих государств - ландесгерры - нередко между собой враждовали. Разногласия почти всегда были так или иначе связаны с соперничеством между рижским архиепископом и Орденом в борьбе за верховенство во всей Ливонии. В течение XIV в. влияние последнего постоянно росло, что объясняется наличием у Ордена военной силы, наиболее обширной территорией в Ливонии, обеспечивавшей ему преимущество в экономических ресурсах, а также поддержкой, оказываемой ему Немецким орденом из Пруссии. В то же время власть рижских архиепископов все более слабела. Они из года в год вступали в бесплодные дипломатические интриги против Ордена при дворе папы в Авиньоне и Риме и даже перестали постоянно жить в Ливонии². В конце XIV столетия папа Бонифаций IX издал две буллы, поставившие Рижское архиепископство в подчиненное Ордену положение. Вскоре Сааре-Ляэнеское и Тартуское епископства возглавили приверженцы орденской полити-

ки, и когда в 1405 г. рижский архиепископ и одновременно орденский брат Иоганн Валленроде на 12 лет сдал в аренду Ордену свое государство, последний был очень близок к безраздельному политическому господству в Ливонии³.

Распространение на рубеже XIV и XV вв. власти Ордена на все пять государств отложило отпечаток на характер общественного и государственного строя Ливонии того времени. В частности, возникшие в конце XIII и начале XIV в. в Рижском архиепископстве, Тартуском и Сааре-Дяэнеском епископствах и на датских (позднее орденских) землях в Северной Эстонии региональные и межгосударственные сословно-представительные органы в конце XIV в. оказались вытесненными из политической жизни Ливонии. Ранее, в годы относительного равновесия сил между магистром и Рижским архиепископом, они являлись единственной опорой последнего в борьбе против гегемонии Ордена и, кроме того, в большей или меньшей мере выполняли функцию репрезентации всей немецкой общественности из разных государств. В условиях конца XIV столетия, когда власть Ордена возросла и ощущалась во всей Ливонии, сословные органы теряли основу своего существования⁴.

Новый этап в развитии ливонских сословно-представительных институтов наступил после разгрома Немецкого ордена под Грюнвальдом (Танненбергом) в 1410 г., последствием которого явилось ухудшение финансово-экономического положения и ослабление могущества и его ответвления - Ливонского ордена. В июле 1418 г. папа Мартин V вместо Иоганна У Валленроде назначил рижским архиепископом опытного церковного политика Иоганна Амбунди. В ноябре того же года новый архиепископ после долгого перерыва вновь переселился на местожительство в Ливонию и вскоре начал проводить политику ограничения гегемонии Ордена⁵. Важнейшей ее составной частью было создание постоянного общеливонского со-

словно-представительного органа.

С помощью более активного вовлечения сословий в политическую жизнь Ливонии Иоганн У I Амбунди рассчитывал консолидировать антиорденские элементы и ослабить власть магистра. Свою роль в усилении политического влияния сословий сыграло и другое обстоятельство. После того, как Орден был вынужден отказаться от гегемонистских планов ^и переориентироваться на политику конфедерации, острее стала ощущаться необходимость создания постоянного высококомпетентного общеливонского представительного института, связывающего пять местных обособленных государств. Он был необходим для согласования важнейших общих для всей Ливонии вопросов внешней и внутренней политики, а также в качестве высшей судебной инстанции.

В этих условиях форма, в которой в 20-х годах XV в. возобновилась деятельность межгосударственных сословно-представительных органов была более совершенной, чем относительно непрочные и нестабильные по составу участников вселивонские сословные съезды XIV в.⁶ Новый сословно-представительный орган назывался общеливонским ландтагом⁷. На нем впервые одновременно были представлены все политически активные сословия из всех ливонских государств. Принимавшиеся в результате обсуждений решения впервые начали регулярно официально документироваться в виде рецессов⁸.

Объединявший представителей разных ливонских государств ландтаг, как и аналогичные органы в других европейских странах, был организован не по территориальному, а по сословному принципу. Независимо от территориальной принадлежности участники собрания входили в одну из трех групп - духовенства, вассалов или горожан⁹. Каждая из них составляла одну из курий ландтага. Первая включала в себя архиепископа, епископов, членов домских ка-

питулов, настоятелей монастырей и называлась прелатской. Другая курия - вассалов - комплектовалась из представителей рыцарства от всех ливонских государств. В городской курии постоянно были представлены делегаты магистратов (бургомистры, ратманы и секретари магистратов) только от трех крупнейших городов - Риги, Таллина и Тарту. Представители более мелких городов на ландтаге присутствовали лишь в очень редких случаях¹⁰.

Отличительной особенностью ливонского ландтага по сравнению с сословно-представительными учреждениями других стран являлась существование специальной орденской курии, в которую входило высшее командование Ордена во главе с магистром¹¹. Наличие этой курии объясняется рассмотренными выше обстоятельствами - особенностью политического развития Ливонии и своеобразием условий, при которых образовался ландтаг. Аналогичное формирование можно найти, пожалуй, только в сословном представительстве Пруссии, но отношения между куриями и политическая обстановка там были далеко не похожими на ливонские¹².

Политически бесправные латышские и эстонские крестьяне на ландтаге не были представлены¹³. Никакого отношения к нему не имели также низшие слои городского населения, среди которых тоже было немало латышей и эстонцев¹⁴. Однако, необходимо подчеркнуть, что в эпоху господства феодализма идея полного представительства всего народа не пользовалась популярностью, и даже сторонники его участия в работе различных политических органов, как правило, считали, что беднейшие слои не нуждаются в представительстве в сословном собрании¹⁵.

На основе существующих источников довольно трудно восстановить во всех деталях организацию работы ландтага. Никакой устав или другой ее регламентирующий документ разработан не был, а в рецессах основное внимание уделяется не форме, а содержанию

обсуждений. Но, если мобилизовать все имеющиеся в нашем распоряжении сведения, общее представление о работе ландтага получить все-таки можно. Первые предварительные совещания обычно начинались сразу по прибытию его участников на собрание¹⁶. Официально же ландтаг считался открытым лишь после того, как на общем заседании всех четырех курий римский архиепископ произнес вступительную речь и было объявлено о причинах созыва и повестке совещания¹⁷. Об этом ландесгерры обычно договаривались заранее и таким образом основная инициатива законодательства оставалась в их руках¹⁸. После ознакомления с повесткой дня ландтага все четыре курии заседали порознь, в разных помещениях, и в отдельности обсуждали предложенные вопросы. Ландтаг длился всегда несколько дней¹⁹ и по ходу обсуждения курии еще несколько раз собирались вместе и опять расходились по отведенным им помещениям²⁰.

Нередко по ходу ландтага организовывались также совместные заседания отдельных его курий (например, городов и ордена, городов и вассалов). Их содержание было разнообразным и охватывало не только официальную повестку дня собрания, но и другие вопросы, представлявшие взаимный интерес²¹. Иногда после или по ходу такого рода совещаний города или вассалы в составе всей курии или в отдельности обращались со своими жалобами и предложениями к кому-то из ландесгерров, чаще всего магистру Ордена. Но поскольку большинство этих вопросов являлись проблемами частного характера, а не общеливонского значения, решения по ним тот или иной правитель обычно принимал единолично²². Решения подобного рода нельзя отождествлять с постановлениями ландтага. Обсуждавшиеся таким образом по ходу собрания вопросы не попадали в поле зрения всех четырех курий и поэтому оставались вне сферы непосредственной деятельности собрания.

Окончательные постановления собрания принимались на общих заседаниях путем голосования. При этом каждая курия имела один голос и решение вступило в силу лишь в случае единогласия²³. Результаты заседаний ландтага фиксировались в рецессе, к которому прикладывались печати главных его участников, и после этого работа считалась завершенной.

Подобный организационный порядок не позволил сделать деятельность ландтага достаточно эффективной. У сословий были различные интересы, и поэтому добиться единогласия при голосовании было непросто. Успешный исход собрания прежде всего зависел от того - удастся ли достичь взаимопонимания между доминирующим на ландтаге рижским архиепископом и магистром Ордена, отношения между которыми всегда были сложными. Об авторитете этих двух наиболее влиятельных ландесгерров на ландтаге красноречиво говорит эпизод, имевший место в Вальмиере в марте 1558 г. Перед одним из пленарных заседаний архиепископ и магистр провели отдельное получасовое совещание, и лишь после окончания консультации были приглашены ожидавшие ее завершения остальные участники ландтага²⁴.

Несмотря на предварительное согласование повестки дня, разногласия между ландесгеррами на ландтаге не были редкостью. Не менее сложно было добиться полного единодушия между остальными его участниками. По многим вопросам имелись серьезные противоречия между крупными и мелкими феодалами, а также между городами и ландесгеррами, городами и вассалами. Но даже единогласное принятие постановления по тому или иному вопросу еще само по себе не гарантировало его решение. Ландтаг не создал аппарата, который следил бы за выполнением его постановлений и применял бы санкции к лицам, игнорировавшим их. В результате нередко постановления выполняла и на них ссылалась лишь та сторона, кото-

рой это было выгодно. При этом ряд вопросов, по которым сословиям было трудно договориться, много раз включались в повестку дня, дискутировались порой годами, но стороны так и не приходили к согласованному решению.

Из-за неравного правового положения сословий ландтаг не смог в достаточной мере осуществлять также функции высшего судебного органа²⁵. В условиях, когда не было никакой централизованной власти, ландтаг был не способен выполнять связующую роль в консолидации отдельных ливонских государств и политической раздробленности не ликвидировал.

Особый интерес, учитывая тему нашего исследования, представляет деятельность городской курии ландтага. В Ливонии даже крупнейшие города - Рига, Таллин и Тарту - занимали в политическом смысле сравнительно непримечательное положение и не сыграли активной роли в образовании и начальном развитии сословно-представительного собрания²⁶. В то же время растущее экономическое могущество, а вместе с тем и богатство Риги, Таллина и Тарту - крупных восточноевропейских торговых центров - заставляло ландесгерров прислушиваться к мнению городов и для обсуждения важнейших хозяйственных и политических вопросов приглашать на ландтаг наряду с феодалами и представителей бюргерства. Появление в XV в. на общеливонском ландтаге городских делегатов было закономерным, поскольку еще в XIV столетии, они присутствовали на вселивонских сословных съездах. Кроме того "третье сословие" было в составе высших сословно-представительных органов почти всех крупных европейских стран того времени. Но если, например, в Кастилии, Англии и Франции города в них в свое время были приглашены не только по финансовым и экономическим соображениям, но и благодаря участию бюргерства в военных операциях²⁷, то в Ливонии это обстоятельство важной роли не сыграло. Функции военного ха-

рактера здесь находились в руках Ордена и в основном обеспечивались его силами. Обязанности городов в этом плане были невелики²⁸.

Экономическое благосостояние Риги, Таллина и Тарту основывалось на международной торговле, являвшейся источником больших доходов. Географическое положение Ливонии позволяло ее купечеству выступать в роли посредников в транзитной торговле между Западной и Восточной Европой. Особо благоприятные условия для использования этих преимуществ сложились после того, как в конце XIII в. Рига, Таллин, Тарту, а вслед за ними и другие, более мелкие города, присоединились к торговому и политическому союзу северонемецких городов - Ганзе²⁹. С одной стороны, ливонские города внесли свой вклад в увеличение могущества Ганзы³⁰, но, с другой стороны, связи с союзом еще больше укрепили их собственные экономические позиции. С помощью других членов Ганзы ливонцам в XIV в. удалось отстранить неганзейских западноевропейских купцов от прямой торговли с русскими землями³¹.

Принадлежность к Ганзе принесла ливонским городам не только экономические выгоды, но и способствовала укреплению организационной сплоченности Риги, Таллина и Тарту³². Кроме того, обсуждая на ганзейских съездах вопросы североевропейского масштаба, ливонское бюргерство расширяло свой политический кругозор, знакомилось со способами дипломатической борьбы, получало подробную информацию о положении городов в других странах. Эти знания рижане, таллинцы и тартусцы могли использовать в Ливонии, в том числе защищая свои интересы на ландтаге.

Известную роль в консолидации бюргерства и формировании его сословного самосознания сыграли также совещательные собрания представителей ливонских городов (штедтетаги), проводившиеся начиная с 60-х годов XIV в. почти ежегодно³³. Главное внимание

на них уделялось ганзейской торговле, точнее, тем ее аспектам, которые представляли значение для ливонского купечества³⁴.

Но экономические интересы ливонских городов не исчерпывались одной внешней торговлей. В кругу их внимания находились также товарооборот на внутренних рынках, денежно-финансовые и другие, так или иначе связанные с торговлей, вопросы. Если для решения чисто внешнеторговых проблем наиболее подходящим местом были ганзейские инстанции и съезды ливонских городов, то в остальных случаях, из-за подчинения городов ландесгеррам, нередко приходилось обращаться к местным политическим властям. После получения с 20-х годов XV в. доступа на общеливонский ландтаг перед бюргерством открылись новые перспективы для борьбы за еще большее укрепление своего господствующего положения в торговле, а также распространение своего влияния на денежное дело и другие области экономической жизни Ливонии.

Если при оценке возможностей Риги, Таллина и Тарту на ландтаге руководствоваться только лишь приобретенным ими к этому времени политическим опытом и навыками совместного сотрудничества на съездах ганзейских и ливонских городов, о чем только что шла речь, может показаться, что осуществлять перечисленные задачи ливонским городам было нетрудно. Тем более, что в торговле и ряде связанных с ее обеспечением и обслуживанием сфер, они являлись фактическими хозяевами положения. Но это одностороннее и обманчивое впечатление. Полной реализации возможностей, открывшихся перед представителями городов на ландтаге, препятствовал целый ряд факторов. Если на ганзейских съездах ливонское бюргерство находилось в равноправном положении с другими участниками собрания, то ситуация на ливонском ландтаге в этом отношении была совершенно иной. На нем, как и в подавляющем большинстве средневековых сословно-представитель-

ных учреждениях, доминировали крупные феодалы, и делегаты бур- герства занимали даже по сравнению с рыцарством более скромное место. В случае конфликтов территориальные властители обычно поддерживали феодалов и городская курия оказывалась изолирован- ной³⁵.

Шире развернуть свою деятельность на ландтаге городам не позволяла их зависимость от ландесгерров, тем более, что у Ри- ги, Таллина и Тарту они были разные. Рига начиная с XIII в. была подвластна рижскому архиепископу, но затем после поражения, нанесенного ей Орденом в 1330 г., была вынуждена подчиниться магистру. Однако, архиепископ не хотел отказываться от своих прав сюзерена, и после длительной политической борьбы между ним и магистром был заключен т.н. Саласпилский договор, согласно которому оба ландесгерра разделили власть над Ригой, и город в их лице получил двух феодальных сеньеров³⁶. Магистр Ордена одновременно являлся и сюзереном Таллина, в то время как Тарту подчинялся Тартускому епископу. Такое положение вынуждало каж- дый из городов в какой-то степени считаться с локальными и ре- гиональными интересами своих сеньеров. Поэтому отношения с ландесгеррами у каждого из городов сложились по-разному. Таллин старался свои интересы связать с орденой политикой, Тарту к последнему был настроен враждебно и больше ориентировался на епископов и прелатов³⁷, а Рига после 1452 г. всеми силами стремилась освободиться от двойного подчинения архиепископу и магистру Ордена³⁸.

Еще одним препятствием на пути более тесного сотрудничест- ва городов на ландтаге было различие торговых интересов Риги, Таллина и Тарту. Города связывала общая стратегическая цель - обеспечить преимущество ливонского купечества в торговле между Западной и Восточной Европой, но каждый из них при этом заботил- ся прежде всего о собственных прибылях. Рижских купцов, имевших

возможность контролировать торговлю, осуществлявшуюся по Даугаве, главным образом привлекали белорусские и литовские земли, а Таллин и Тарту больше ориентировались на расположенные ближе к ним города - Новгород и Псков³⁹. Не всегда сепаратная торговая политика одного из ливонских городов встречала, как в этом убедимся ниже, поддержку и понимание других.

Проводить более настойчивую политику на ландтаге городам не позволяло также их неодинаковое правовое положение. В большинстве ливонских городов, в том числе Риге и Тарту, действовало римское право, основанное на юридических нормах Гамбурга, в то время как Таллину еще в 1248 г. было даровано любекское право⁴⁰. Отдельные положения, например, вопрос о выдаче убежавших в города крестьян, там были трактованы, ^{иначе} что позволяло Таллину выдвигать более радикальные требования, чем его союзникам по ландтагу - Риге и Тарту.

Характер выступления Риги, Таллина и Тарту в сословном представительстве определялся также противоречиями внутри городов. Городские делегаты были выходцами из патрициата и в своей политике на ландтаге руководствовались в основном интересами этой привилегированной части купцов и ростовщиков. Но в отношениях с феодалами должностные лица магистрата одновременно представляли город как территориально-политическую единицу. Такое положение обязывало его посланцев на ландтаге заботиться не только о высшем слое населения, но и об интересах города в целом. В деятельности магистрата первая тенденция, как правило, брала верх над второй. Это вызывало недовольство у бургерской оппозиции, однако ее представители допускались на ландтаг лишь в порядке исключения и практически были лишены возможности влиять на политику городов в сословном органе. О том, что они на ландтаге могли преследовать иные цели, чем патрициат, можно

судить по выступлениям представителей рижской Большой гильдии на собрании сословий в Валмиере в 1558 г. В своих заявлениях они открыто критиковали политику правящей верхушки города⁴¹. Все говорит о том, что даже в обычной обстановке, когда представители бюргеров на ландтаге отсутствовали, делегаты магистратов не принимали ответственные решения без учета реакции общественного мнения в городах. Игнорирование этого фактора грозило еще большим обострением и без того напряженных отношений между патрициатом и бюргерской оппозицией.

Таковы были сильные и слабые стороны деятельности Риги, Таллина и Тарту в ландтаге-органе, который по составу участников был самым представительным в Ливонии и в то же время сильной властью не обладал. Принимая во внимание все эти обстоятельства, обратимся теперь к конкретным разделам экономической политики городов.

Глава II

ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА

В центре экономической политики Риги, Таллина и Тарту находилась забота об основной отрасли городского хозяйства - торговле¹. Интересы местного биргерства прежде всего были связаны с участием в осуществлявшейся через Ливонию дальней, международной торговле. Непосредственно на этот самый прибыльный вид торговли ориентировалась немногочисленная верхушка наиболее богатых купцов, которые поставляли в Ливонию и далее в Россию и Литву западноевропейские товары, в основном соль, сельдь, ткани, серебро и, в свою очередь, на Запад отправляли поступающие из далекого и близкого городского хинтерланда зерно, воск, меха, лен и др.. Значительно отстававшие от них по размаху заключаемых сделок остальные купцы тоже были тесно связаны с транзитной торговлей. Но в основном ее товары, например, соль, они приобретали из вторых рук², сбывая их затем заграничным купцам или на местном рынке. От положения дел в международной транзитной торговле зависела не только прибыль самого ливонского купечества, но и заработок многих неимущих горожан, занимавшихся ее обслуживанием.

Ввиду исключительно большого значения этой торговли в экономике ливонских городов, для них не было важнее задачи, чем борьба за расширение своего участия и укрепление собственных позиций в обмене товаров между Западной и Восточной Европой. Но, будучи членами Ганзы, крупнейшие ливонские города - Таллин, Рига и Тарту - были обязаны считаться с общеганзейскими интересами. В XV в. Ганза еще обладала достаточным влиянием для того, чтобы подавить тенденции сепаратизма в политике ливонцев³. Тем не ме-

нее уже тогда ливонские города серьезно претендовали на ведущее положение в торговле Ганзы с Русью и Литвой и руководство ганзейско-русскими отношениями.

Реальную экономическую самостоятельность Рига, Таллин и Тарту добились в первой половине XVI в., когда Ганзейский союз утратил свое прежнее могущество. После закрытия в 1494 г. ганзейского двора в Новгороде ганзейско-русская торговля постепенно сосредоточилась в ливонских городах⁴. Местное бургерство стало строже следить за тем, чтобы торговля всех купцов, включая зарубежный ганзейцев, велась исходя из принципа: "гость не должен торговать с гостем". Такое положение обеспечивало в Риге, Таллину и Тарту существенные экономические преимущества перед конкурентами⁵.

В сложившихся условиях перед ливонскими городами открылись возможности для развития более независимой от Ганзы торгово-политической деятельности в восточном направлении. В отношениях с русскими рижане, таллинцы и тартусцы исходили преимущественно из своих интересов и фактически стали контролировать осуществляющуюся через Ливонию международную торговлю⁶.

Все это вызвало недовольство в западноевропейских ганзейских городах и обострило противоречия между Ригой, Таллином, Тарту и остальными ганзейцами. Полного разрыва отношений ливонских городов с союзом не произошло⁷, но возросшее стремление к проведению самостоятельной торговой политики привело к падению у них интереса к общеганзейским делам⁸. На съезде в Любеке в 1535 г. представители Риги даже просили освободить их от обязанности посещать ганзейские собрания, предложив впредь уполномочить делегацию одного из ливонских городов выступать от имени всех ливонцев⁹. Когда на съезде Любек настаивал на соблюдении привилегий ганзейцев в Ливонии, рижский бургомистр ответил, что

"время и мир, когда издавались привилегии были совсем иными, чем сейчас, и привилегии... могут быть соблюдены (только при условии), если не будет нанесен ущерб (ливонским) городам"¹⁰.

Но, несмотря на подобные смелые заявления, Ганза, и в особенности ее глава Любек, на протяжении всего исследуемого нами периода продолжала сохранять в Ливонии определенное влияние.

Борьба за освобождение от опеки Любека и других западноевропейских членов Ганзы не являлась единственной задачей торговой политики Риги, Таллина и Тарту. Не менее важной была забота о защите преимуществ купечества во внешней торговле перед местными феодалами. В XVI в. в результате перехода к мызно-барщинному хозяйству в Ливонии резко увеличилось производство зерна и других продовольственных товаров. В основе этого процесса лежали изменения, которые произошли в экономике стран Западной Европы. Там быстро развивались мануфактуры, отвлекавшие рабочую силу из деревни в города. Сельское хозяйство этих стран не могло обеспечить возросшие потребности не только в продовольствии, но и в таких видах сырья, как лен, пенька, зола, смола, лес. Их в большом количестве начали с выгодой для себя поставлять восточноевропейские, в том числе и ливонские, феодалы¹¹.

В этой связи обострился вопрос о реализации сельскохозяйственной продукции. Феодалам было выгоднее самим с помощью заграничных купцов сбывать ее на Запад. Но положение в ливонской торговле, как уже отмечалось, контролировали местные купцы. Они распоряжались в портах, располагали удобными складами, хорошо налаженной системой обслуживания торговли (взвешивание, погрузка и др.). Кроме того, через своих контрагентов ливонские купцы имели исторически сложившиеся прочные связи с западноевропейскими рынками¹². Особенно выгодное положение было у биргерства крупнейших гаваней - Риги и Таллина, через которые в первой по-

ловине XVI в. проходил почти весь ливонский экспорт на Запад¹³. В рассматриваемое время стремление рыцарства взять продажу произведенной на мызах сельскохозяйственной продукции в свои руки вступило в острое противоречие с нежеланием ливонского бюргерства отступить от посредничества в торговых сношениях феодалов с Западной Европой.

Проводимая Ригой, Таллином и Тарту политика монополизации ливонской торговли была чревата серьезными осложнениями. Запреты и ограничения раздражали не только местных помещиков, западноевропейских торговцев, но и русских купцов, власти Новгорода и Пскова и правительство Российского государства¹⁴. Для достижения своих торговых целей ливонским городам приходилось прибегать к разнообразным средствам политической борьбы. Не могли в этой связи остаться неиспользованными и те возможности, которыми обладали Рига, Таллин и Тарту, благодаря участию их делегатов в работе ливонского ландтага.

Обращаясь к такому представительному органу, каким являлся ландтаг, города могли надеяться на решение тех внешнеторговых проблем за рубежом, для урегулирования которых их международный авторитет был недостаточным¹⁵. В компетенцию ландтага входили и на нем обсуждались такие существенные для развития внешней торговли вопросы, как война и мир, заключение и расторжение от имени всей Ливонии международных договоров, введение и отмена односторонних распоряжений, регулирующих ее экономические и политические отношения с другими странами и др. Рассматривалось на нем и положение во внутренней торговле, в особенности в первой половине XVI в., когда оно обострилось в связи с активизирующей торговлей рыцарства.

Делегаты городов на ландтаге имели возможность сравнительно беспрепятственно общаться с влиятельными ландесгеррами и защи-

щать свои интересы в открытой дискуссии с вассалами. Учитывая значение сословно-представительного органа в определении курса ливонской внешней и внутренней политики, в качестве одной из главных перед городской курией выдвинулась задача: по возможности предотвратить принятие решений, не отвечающих торговым интересам ливонского бюргерства.

Деятельность городов на ландтагах XV в. в источниках отражена скудно. Поэтому подробно проанализировать их торговую политику на сословных собраниях этого времени невозможно и приходится ограничиваться общими оценками.

По имеющимся источникам в целом создается впечатление, что в XV столетии города не стремились к активному обсуждению торговых проблем на ландтаге. Показателен в этом отношении один из первых ландтагов, заседавший в феврале 1421 г. в Валке. На нем по инициативе Ордена, старавшегося не допустить усиления военной мощи русских земель, был принят запрет на продажу русским меди (она использовалась для отлития пушек), а также других пригодных для изготовления оружия металлов¹⁶. Хотя и постановление шло явно вразрез с торговыми интересами купечества, предпринять на ландтаге какие-то действия против такого решения, которое впоследствии на ганзейском съезде в Любеке в мае 1422 г. было расценено как вторжение в сферу деятельности Ганзы¹⁷, ливонские города были не в силах. Феодалы даже не сочли нужным пригласить делегатов Риги, Таллина и Тарту на обсуждение этого вопроса и известили горожан о принятом прелатами, Орденом и вассалами готовом решении. Городские представители лишь отметили, что запрет касается интересов Ганзы и обратились за помощью к Любеку¹⁸. На следующем ландтаге в Валке в январе 1422 г. в действиях горожан также проявилась неуверенность. Собираясь здесь выступить против введенного в ущерб интересам купечества запре-

та ландесгерров на вывоз соли, делегаты городов не помышляли обращаться ко всем участникам собрания и ориентировались лишь на частные переговоры с отдельными ливонскими правителями¹⁹.

До конца XV в., насколько позволяют судить имеющиеся немногочисленные источники, характер торговой политики городов на ландтагах существенно не изменился. Как и на первых собраниях, инициатива обсуждения торговых вопросов полностью исходила от ландесгерров и говорить о каких-то настойчивых, целеустремленных действиях городских делегатов нет оснований. В то же время в 20-е годы и в последующие десятилетия XV в. по другим, в основном ганзейским, каналам ливонские города развивали активную ~~торгово-политическую~~ деятельность. Самые разнообразные аспекты ливонской торговли обсуждались на местных городских съездах²⁰, общеганзейских собраниях и в переписке Риги, Таллина и Тарту с Любеком и другими членами Ганзы. Проблемы торговли рассматривались также на проходивших с участием ливонских городов дипломатических переговорах Ордена с Новгородом и на отдельных встречах послов ливонских городов с послами Литвы и представителями Новгорода, а после подчинения в 1478 г. последнего Москве, с представителями двора великого князя Ивана III²¹.

Но, если в целом торговая политика ливонских городов в XV в. была весьма энергичной, то почему в решение торговых вопросов они не пытались активно вовлечь ландтаг? Дать обстоятельный ответ на этот вопрос крайне трудно, так как рецессы собраний XV в. почти не сохранились, а другие сведения, как уже отмечалось, очень фрагментарны. Главное, на наш взгляд, в том, что, волновавшие горожан торговые проблемы, в XV в. по существу оставались чуждыми для прелатов и рыцарства, т.е. для большинства из заседавших на ландтаге феодалов. Хозяйство в это время носило в основном натуральный характер, и в Ливонии кроме купечест-

ва более или менее активно торговлей занимались лишь орденские братья²². С другой стороны, и сами местные города в условиях, когда внутренний рынок был еще слабо развит, заботились, главным образом, об укреплении своих внешнеторговых связей. Их торговая политика, несмотря на старания закрепить за ливонскими купцами определенные преимущества перед западноевропейскими ганзейцами, была неотделима от общеганзейской политики. Рига, Таллин и Тарту в основном действовали от имени и в рамках Ганзы, и проблемы, возникавшие между ее членами, оставались внутри союза. Вмешивать в имеющиеся разногласия местных ландесгерров запрещало ганзейское правило, которое, хотя и изредка нарушалось, в XV в. своего значения еще не утратило²³. В результате для решения насущных торговых проблем ливонские города ориентировались не на местные политические институты, а на ганзейские инстанции или конкретную дипломатическую деятельность.

Стараясь найти причины, почему в XV в. города для реализации своей торговой политики так мало использовали представительство на ландтаге, нельзя упускать из виду еще одно обстоятельство. Делегаты третьего сословия не принимали активного участия в образовании ландтага и в начальной стадии его деятельности долгое время рассматривались феодалами как второстепенные участники собрания. Авторитет городов на ландтаге на протяжении XV в. рос постепенно, а опыт, связанный с выступлением одновременно против ландесгерров и всего "цвета" ливонского рыцарства, накапливался медленно.

Ввиду указанных причин, торговые вопросы на повестке ландтагов XV в. появлялись редко. Обычно это были случаи, как, например, в 1440²⁴ и 1446 гг.²⁵, когда ландесгерры по политическим соображениям вводили запреты на продажу русским отдельных товаров (зерна, соли и др.). Никаких данных о том, что делега-

ты Риги, Таллина и Тарту оказали сколько-нибудь серьезное сопротивление установлению этих запретов, нет. Немногочисленные источники, позволяющие предположить (хотя весьма неопределенно), что и во второй половине XV в. некоторые вопросы, связанные преимущественно с русской торговлей, стали предметом обсуждения всех курий ландтага, также не дают возможности установить, насколько успешно тогда удалось выступить горожанам²⁶.

В конце XV и начале XVI века торгово-политическая обстановка в Ливонии крайне обострилась. В связи с тем, что по распоряжению великого князя Ивана III в 1494 г. был закрыт ганзейский торговый двор в Новгороде и в 1501 - 1503 гг. проходила ливонско-русская война, возможности для торговли ливонских купцов в восточном направлении резко сократились²⁷.

Города не возлагали особых надежд на помощь, которую им в этой ситуации могли оказать ливонские сословия, и активная в целом борьба Риги, Таллина и Тарту за нормализацию ливонско-русских торговых отношений не сопровождалась соответствующим оживлением их торговой политики на ландтаге. Хотя вопросы торговли в рецессах ландтагов этого времени упоминаются сравнительно часто, говорится в них в основном о не имевших прямого отношения к работе собрания переговорах между делегатами Риги, Таллина и Тарту²⁸. В тех отдельных случаях, когда торговые проблемы рассматривались на заседаниях с участием всех сословий, на обсуждение они, как правило, выдвигались не бургерством, а магистром Ордена Волтером фон Плеттенбергом²⁹. И все же появлявшаяся в этих случаях возможность высказать представителям феодальных сословий свои соображения по тому или иному торговому вопросу городские делегаты на рубеже XV и XVI вв. использовали смелее, чем в первые годы своего участия в заседаниях ландтага.

В преддверии войны 1501 - 1503 гг. дважды на ландтагах в Валке в 1498 и 1499 гг. рассматривался вопрос о запрете экспорта сначала главным образом меди, а затем и свинца, металлической посуды, железной проволоки, разных видов оружия, брони, селитры, серы и "всех других товаров", которые могли быть использованы русскими в военных целях³⁰. Города отдавали себе отчет в том, что убедить участников ландтага полностью отклонить предложение магистра нереально и поэтому ставили перед собой более скромные цели. На ландтаге 1498 г. они ограничились замечаниями общего характера, заявив, что запрет будет иметь смысл лишь в случае его согласования с правительствами других государств. Городские делегаты резонно заметили, что в случае затруднений с закупкой меди в Ливонии, русские смогут приобрести ее в других странах³¹. На другом ландтаге горожане придерживались несколько иной тактики. Указав, что к продаже вооружения и металлических котлов необходимо подходить по-разному³², в 1499 г. они добивались того, чтобы точно было установлено: какие товары стратегического значения вывозить можно, какие нельзя³³. Не исключено, что таким образом города стремились получить у ландтага официальное разрешение продавать олово, латунь и изделия из этих металлов, торговля которыми после издания запрета 1498 г. не была прекращена³⁴. В рецессе ландтага 1499 г. латунь и олово не упоминаются среди запретных товаров, и это вместе с некоторыми косвенными данными³⁵ показывает, что вопрос был решен в пользу горожан. Для ливонского бюргерства это имело весьма существенное значение. При дальнейших обсуждениях на ландтагах вопроса о торговле товарами стратегического значения феодалы уже не пытались лишить купечество права продавать русским олово и латунь, и когда в 1536 г. с подобной инициативой выступил магистр Ордена Герман фонБроггеней, горо-

дам быстро удалось убедить его от своего намерения отказаться³⁶.

Извлечь практическую пользу от разрешения продажи этих металлов в начале XVI в. купечество все же не смогло, так как дальнейшие политические события развивались неблагоприятно для торговли. Накануне войны в России на ландтаге, который проходил в Валмиере в январе 1501 г., Плеттенберг добился полного запрета торговли с русскими³⁷. Он распространялся не только на местных, но и на тех шведских и финских купцов и карельских крестьян, которые товары для торговли с русскими приобретали в Ливонии³⁸. Введение этого запрета было недостаточно эффективной мерой для полной изоляции России от торговых контактов с Западной Европой, от него прежде всего пострадала торговля ливонских городов. Поэтому на следующем ландтаге в январе 1502 г. в Валмиере проявилась встревоженность ливонского бюргерства в связи с укреплением торговли русских с купцами других стран через Швецию³⁹. Городские делегаты призывали к принятию мер по пресечению этой торговли, отметив, что по этому поводу необходимо направить соответствующие послания в вендские города, Данию и Швецию⁴⁰. Поскольку Орден в годы войны проводил политику экономической блокады России, добиться удовлетворения своей просьбы горожанам было нетрудно⁴¹. Отдельно на ландтаге был принят запрет на продажу русским зерна⁴². Здесь также интересы городов и Ордена совпали, и бюргерство, заботясь об обеспечении городского населения хлебом, видимо, поддержало эту инициативу⁴³. В то же время вопреки экономической блокаде Плеттенберг по просьбе Таллина разрешил торговлю с русскими в Нарве⁴⁴. Разрешение было утверждено всеми сословиями и стало официальным постановлением ландтага⁴⁵. Один из возможных вариантов объяснения его принятия связан с предположением об умелом по-

литическом ходе, проделанным в этой ситуации Таллином. За четыре года до описываемых событий на Валкском ландтаге 1498 г. магистр Ордена в резкой форме упрекал таллинцев за нежелание увеличить объем торговли в Нарве⁴⁶. В 1502 г., в период, когда в экономических связях с Россией, наступил застой, появился благоприятный момент для сочетания выполнения указаний магистра с торговыми интересами купечества.

Много нерешенных торговых проблем накопилось у ливонских городов к началу 1503 г., однако широкого освещения на ландтаге, заседавшем в январе этого года в Валмиере, они не получили. Подробное обсуждение многих вопросов торговли состоялось на переговорах с участием городских делегатов уже после того, как собрание было официально закрыто⁴⁷. Из интересующих нас вопросов всем ландтагом рассматривалось, очевидно, лишь включение в инструкции для послов - доверенных лиц магистра Ордена Иоганна Гильдорпа и Клауса Гольстефера - на мирные переговоры в Москве требования возвратить конфискованные во время событий 1494 г. в Новгороде товары и освободить тогда же задержанных там купцов⁴⁸. Как и старались рижане в послании к Любеку подчеркнуть активное участие и значение представителей городов при обсуждении этого дела, из текста письма видно, что горожанам уже заранее было сообщено, какие вопросы торговых отношений предполагают выдвинуть ливонские послы⁴⁹. Выступавшему от имени всех представленных на ландтаге городов бургомистру Риги осталось лишь поддержать указанные требования⁵⁰.

Характер торговой политики, проводимой городами на ландтаге, насколько можно судить по рецессам, не менялся на протяжении всего первого десятилетия XVI в. В источниках несколько раз упоминаются обсуждения торговых вопросов между городскими представителями и переговоры рижан, таллинцев и тартусцев по этому

поводу с магистром Ордена⁵¹, но сведений о рассмотрении этих вопросов в присутствии всех курий собрания мы не находим. Очевидно в первом десятилетии XVI в. ливонское бюргерство еще не ставило перед собой задачи последовательно бороться за принятие выгодных с точки зрения городской торговли официальных постановлений ландтага. Несмотря на то, что в это время период неуверенного выступления городов на ландтаге несомненно был уже позади, местом активной борьбы за торговые интересы купечества он по существу еще не стал.

Более энергичной была торговая политика городов на ландтагах второго десятилетия XVI в., когда равных с купечеством торговых прав стали себе добиваться ливонские вассалы⁵². Они стремились сами, без посредничества местных купцов, вступать в торговые контакты с голландцами и другими прибывавшими в Ливонию иностранцами, выгодно продавая продукцию мызных хозяйств и приобретая западноевропейские товары. Участие в торговле сельскохозяйственными товарами принимали все феодальные сословия, включая высшее духовенство и орденскую братию. Поэтому магистр и епископы, хотя и учитывали необходимость укрепления городов как экономических и военно-стратегических центров, больше все же склонялись к поддержке требований вассалов⁵³. Над всем купечеством нависла опасность вытеснения из активной торговли многими важными товарами (в том числе зерном и солью)⁵⁴. Борьба за сохранение его прежних позиций стала теперь ответственной задачей для делегатов Риги, Таллина и Тарту на ландтаге и в их политике выдвинулась на первый план. Чтобы противостоять натиску вассалов, горожане на ландтаге стали смело жаловаться на занимающихся торговлей феодалов и вносить на рассмотрение сословий предложения по организации внешней и внутренней торговли, смысл которых сводился к сохранению преимуществ купечества.

Первые сведения о выступлении представителей городов против торговой деятельности рыцарства относятся к 1512 г. В марте этого года съезд представителей Риги, Таллина и Тарту установил запрет на прямую торговлю в деревне вассалов с "неганзейцами" (имелись ввиду в первую очередь голландцы, а также агенты крупнейшего банковского дома Южной Германии - Фуггеров)⁵⁵. Предполагая, что повысить эффективность этого мероприятия может его поддержка ливонскими сословиями, было решено запрет "на следующем ландтаге представить господам (herrenscopen) и при этом попытаться показать, какой вред может быть нанесен стране, если /порядок в торговле/ не будет изменен"⁵⁶.

Приведенные здесь слова из рецесса съезда городских делегатов говорят о том, что на ландтаг, который состоялся в Валмиере три месяца спустя после этого собрания - в июне 1512 г., представители биргерства прибыли с намерением добиться официального закрепления за городами важных преимуществ в торговле. Но феодалы на ландтаге дали ясно понять, что забота о собственных доходах для них гораздо важнее, чем защищаемые горожанами "общеливонские торговые интересы", за которыми без труда угадывались корыстолюбивые замыслы купечества. Магистр Ордена Волтер фон Плеттенберг от своего и от имени прелатов и вассалов указал горожанам, что они сами вместе с другими ганзейцами повинны в бесцеремонном поведении голландцев на Балтийском море⁵⁷. Встретив недоброжелательное отношение к своей просьбе, ливонским купцам не оставалось ничего другого, как обратиться по "голландскому вопросу" к западноевропейским ганзейским городам⁵⁸.

Добиться полного утверждения ландтагом запрета торговли агентов Фуггеров горожанам так же не удалось. В целом курии его одобрили, но тут же была сделана оговорка относительно торговли управляющих орденскими имениями, которым по настоянию

магистра была разрешена торговля с представителями Фуггеров на таких же правах, какими располагали ливонские купцы⁵⁹.

Обеспечить поддержание даже принятого в столь ограниченной форме торгового запрета ландтаг не мог. Год спустя - на встрече делегатов городов перед ландтагом 1513 г. - было отмечено, что "Фуггеры и другие неганзейцы, которые посещают эту страну (т.е. Ливонию - И.М.), не следуют рецессам и воле посланцев городов"⁶⁰.

В 1513 г. феодалы не только не собирались мириться с преимущественным положением ливонского бюргерства в торговле с иностранными купцами, но и открыто обвиняли горожан в создании препятствий для торговли вассалов с голландцами. Особо рьяно на ландтаге выступили ярвамааский (ервенский) и маазиннаский (зонбургский) фогты. Последний из них требовал от таллинского магистрата компенсации в размере 1000 марок за одну неудавшуюся торговую операцию, в которой он намеревался обменять зерно на соль, но товар фогта остался на рейде у голландцев. По словам обиженного феодала сделка не состоялась из-за того, что Таллин такого рода торговлю строго запретил⁶¹. На это представители Таллина ответили, что они себя виновными в случившемся не признают. Горожане считали свои требования вполне обоснованными, не противоречащими содержанию прежних решений ландтага⁶². Затем делегаты городов на конкретных примерах показали, какой ущерб приносит ливонской торговле (в первую очередь, конечно, купечеству) незаконные действия голландцев и призывали к контрмерам⁶³.

Но феодалы, особенно те, которые непосредственно занимались торговлей, были несогласны с более жесткой политикой по отношению к западноевропейским купцам. Об этом красноречиво свидетельствует заявление на ландтаге ярвамааского фогта. Он

высказал опасения, что из-за запретов голландцы перестанут посещать ливонские порты и тогда страна может прийти в такой упадок, что будет неспособна торговать и с Россией⁶⁴. На самом деле феодалы, конечно, заботились совсем о другом - собственной прибыли. Вследствие занятой ими позиции в заключительной части рецесса было высказано пожелание установить по всей Ливонии свободную торговлю зерном, а также беспрепятственный его подвоз по всем дорогам⁶⁵. В рецессе особо подчеркивалось, что окончательное решение по данному вопросу из-за недовольства городов на год откладывается⁶⁶.

Атмосфера, которая создавалась на ландтагах второго десятилетия XVI в., не благоприятствовала широкому вовлечению ливонских сословий в мероприятия торговой политики Риги, Таллина и Тарту. Из-за враждебного отношения со стороны феодалов города были вынуждены отказаться от попытки предложить Валмиерскому ландтагу 1514 г. пересмотреть вопрос о запрете вывоза т.н. военных товаров⁶⁷. Ландтаг остался полностью в стороне от подготовки такого важного для ливонской торговли события, каким являлся мирный договор, заключенный в 1514 г. от имени Ганзейского союза таллинскими и тартускими послами с русским правительством⁶⁸. Принятые во время ландтагов 1513 и 1516 гг. постановления, запрещавшие в Ливонии прямую торговлю между иностранными "гостями", не были изданы от имени всех сословий, а представляли собой соглашение между тремя крупнейшими ливонскими городами⁶⁹.

Более благоприятные условия для развития более активной торговой политики возникли у городов на ландтагах 1520-х годов, когда в Ливонии началось движение реформации. На его начальном этапе бургерство и вассалы тесно сотрудничали, и бывшие соперники на ландтаге временно оказались в одном политическом лаге-

ре. Поддерживая идеи реформации, каждое из сословий руководствовалось своими мотивами⁷⁰, но противники у них были общие — прелаты и Орден. Во время ландтага 1522 г. между представителями рыцарства и городов был даже заключен специальный договор на 10 лет о взаимной поддержке для защиты своих "привилегий, величия и прав"⁷¹.

Хотя этот союз и носил чисто политический характер, его заключение могло создать почву для смягчения существовавших между сторонами экономических противоречий. В условиях, когда по многим важным политическим вопросам позиции городов и вассалов были очень близки, увеличилась вероятность успеха поисков и по урегулированию разногласий в вопросах торговли.

В то же время в начале 20-х годов XVI в. между Ригой, Таллином и Тарту обнаружилось острое противоречие в связи с вопросом об использовании Алуксненского (Марьенбургского) торгового пути. Эта дорога через Орденские владения — Цесис, Гауиену и Алуксне⁷² — кратчайшим путем соединяла Ригу с Псковом, оставляя Тарту в стороне⁷³. Стабилизация политических отношений между Ливонским орденом и Россией в начале XVI в. и улучшение условий для торговли после заключения ганзейско-русского мирного договора в 1514 г. способствовали повышению интереса рижских купцов к развитию торговых связей с русскими по Алуксненскому пути⁷⁴. Тем самым под угрозой оказались торговые интересы Тарту, а вместе с ним, хотя и в меньшей мере, других эстонских городов. Тарту, поддерживаемый Таллином и Нарвой, отстаивал свой приоритет в торговле с Псковом и другими городами северо-западной России, считая, что рижанам следует ограничиться торговлей по Даугаве с белорусско-литовскими землями⁷⁵.

В 1522 г. делегаты Тарту и Таллина прибыли на ландтаг в Валмиере раньше рижан и провели между собой сепаратные перегово-

ры⁷⁶. На них была отмечена необходимость добиваться закрытия Алуксненского пути⁷⁷ и подтверждено единство позиций обоих городов по некоторым другим менее важным спорным вопросам. С появлением на ландтаге рижской делегации в отношениях между Ригой и эстонскими городами воцарилась атмосфера взаимных упреков. И хотя главная проблема - движение по Алуксненскому пути - на начавшихся между представителями трех городов переговорах открыто не обсуждалась, серьезные разногласия между ними были налицо. Вместо обсуждения планов совместного выступления на ландтаге⁷⁸ вся энергия горожан ушла на "острые пререкания" (*scharpen wesselworden*) в связи с мелкими конфликтами⁷⁹.

Будучи ослабленной внутренними раздорами, городская курия не смогла использовать благоприятную ситуацию, которая сложилась на ландтаге 1522 г., в интересах своей торговой политики⁸⁰. Ничего большего, чем впоследствии неоднократно нарушавшееся обещание не препятствовать поездкам крестьян с целью продажи излишков сельскохозяйственной продукции в городах, бургерству от вассалов добиться не удалось⁸¹.

На последующих ландтагах достичь взаимопонимания с рыцарством и другими феодалами по вопросам торговли городским делегатам стало гораздо труднее. Уже на Валмиерском ландтаге 1525 г. вассалы перешли на сторону епископов и прелатов и тем самым фактически расторгли договор, заключенный с городами три года тому назад⁸².

О характере торговой политики городской курии на дальнейших ландтагах с 1525 по 1530 гг. имеющиеся источники не позволяют составить достаточно ясное представление. Известно лишь, что вопросы торговли продолжали находиться в поле зрения городских делегатов и не раз обсуждались между представителями Риги, Таллина и Тарту⁸³. Вряд ли в это время в планы горожан

входило привлечение к ним внимания и других участников собрания. Обстановка на ландтагах с 1525 по 1530 г. была крайне напряженной и этому не способствовала⁸⁴. Все внимание сословий было сосредоточено на обсуждении таких остро дискутировавшихся вопросов, как реформация, "дело Бланкенфельда", избрание бранденбургского маркграфа Вильгельма коадьютором рижского архиепископа и другими политическими проблемами⁸⁵. Тем не менее в случаях, когда на ландтаге грозило принятие неблагоприятных с точки зрения торговых интересов купечества решений, городские депутаты реагировали незамедлительно. Интересные данные в этой связи приводит В. Нийтемаа. Когда на одном из ландтагов около 1530 г. феодалы высказались за сохранение в Ливонии торговых прав русских купцов, делегаты городов смело выступили против такого шага и отказались к нему присоединиться⁸⁶.

Гораздо больше внимания экономическим вопросам заседавшие на ландтаге сословия уделяли в 30-х годах XVI в. Установить откуда в каждом конкретном случае исходила инициатива их обсуждений по имеющимся источникам не всегда представляется возможным. Нет оснований утверждать, что она целиком принадлежала городам, но все же имеется достаточно данных, свидетельствующих о резком подъеме активности торговой политики городов в 1530-х годах. Установившиеся к этому времени относительно спокойные отношения между участниками ландтага и возросший во время реформации авторитет бюргерства создавали благоприятные условия для более решительных действий городской курии. С другой стороны, искать более разнообразные средства реализации своей экономической политики города заставляла торгово-политическая обстановка 30-х годов, которая характеризуется обострением отношений ливонских купцов с местными и иностранными конкурентами.

Значительная часть усилий городских делегатов на ландтагах 30-х годов была направлена на борьбу вокруг вопроса о продаже товаров военного назначения. Строгий запрет их экспорта в Россию, введенный в конце XV столетия, официально продолжал оставаться в силе на протяжении всей первой трети XVI в.⁸⁷. На практике торговля упомянутыми товарами не была полностью исключена, но тем не менее купечество было недовольно ограничениями, мешавшими увеличить ее объем. На протяжении первых двух десятилетий XVI в. городские представители несколько раз безуспешно ходатайствовали перед Плеттенбергом о смягчении запрета⁸⁸. Э.Тибберг считает, что некоторые новые возможности в этом плане открылись перед купечеством после продления в 1531 г. на 20 лет перемирия между Ливонией и Россией, где обе стороны традиционно обязались в отношении друг друга руководствоваться принципом свободной торговли⁸⁹. В 1532 и 1533 гг. города дважды обращались к ландтагу с просьбой официально отменить существующие торговые ограничения⁹⁰, и когда в 1534 г. ландтаг в Вильянди разрешил продажу русским меди и свинца, они, наконец, в значительной мере были удовлетворены⁹¹.

Но противоречия между городами не позволили ливонскому купечеству как следует воспользоваться плодами этого успеха. Уже в следующем году на ландтаге в Валмиере делегаты Риги и Тарту требовали вновь запретить вывоз свинца и меди. Мотивировалось это тем, что свободная торговля с Россией приносит вред ливонскому хозяйству, в частности привела к повсеместному подорожанию медных котлов. Против этого решительно возразили таллинцы. Повышение цен на медь они объяснили тем, что металлы в ливонские города поступают в очень ограниченном количестве, так как основной их поток с Запада в Россию идет через Швецию и

Ивангород. Делегаты Таллина, ссылаясь на отсутствие соответствующих инструкций от магистрата, отказались присоединиться к требованию Риги и Тарту⁹². По мнению Э.Тиберга, действительные причины указанных разногласий состояли в том, что условия для торговли товарами военного назначения у Риги, Таллина и Тарту не были одинаково выгодными. Поскольку тяжелые металлы в Ливонии привозились морским путем, Таллин как расположенный ближе к русским землям порт находился в лучшем положении, чем оба остальных города, которые от отмены запрета ожидаемой выгоды, очевидно, не получили⁹³. Но возражения Таллина ландтагом во внимание не принимались, и запрет продажи русским меди и свинца был возобновлен⁹⁴.

Вскоре Тарту изменил свою позицию и стал вновь поддерживать Таллин в борьбе за отмену запрета⁹⁵. Несколько позже к ним присоединилась также Рига, и на следующем ландтаге в сентябре 1537 г. в Валмиере против запрета единодушно выступила уже вся городская курия⁹⁶. В отличие от 1534 г. на этот раз на ландтаге верх взяла линия сторонников более жесткого курса в отношении к России, которые в укреплении военного потенциала соседней страны усматривали тающуюся для Ливонии опасность. Предложение городов было отвергнуто и запрет оставлен в силе⁹⁷.

Новое объединение усилий городов в борьбе против запрета в 1537 г. прежде всего было вызвано тем, что его повторное установление вело к ухудшению общего состояния ливонско-русской торговли. В ответ на акцию ливонцев в 1536 г. русская сторона временно запретила вывоз льна, пеньки, жира и железных изделий, а в начале 1537 г. распространились слухи о возможном запрете ввозить в Россию сельдь, соль и мед ... (seym)⁹⁸. Присоединение Риги и Тарту к требованию Таллина об отмене запрета следует расценивать как тактический маневр, продиктованный стремлением

снять напряжение в ливонско-русских торговых отношениях. На самом деле оба города оставались сторонниками запрета. Когда на состоявшемся в 1539 г. в Риге городском съезде возобновился старый спор по поводу причин подорожания меди, рижане, а также по сути дела и тартусцы, вину видели в свободном ее вывозе в Россию⁹⁹. Таким образом Рига и Тарту в принципе ориентировались на сохранение запрета, в то время как Таллин был настроен против. Таллинцы продолжали отстаивать версию, согласно которой к подорожанию меди в Ливонии привела торговля шведов через Ивангород, добавляя к этому аргументу еще и уменьшение добычи меди в шведских рудниках¹⁰⁰. В итоге согласовать все мнения и эффективно решить проблему экспорта товаров и сырья военного назначения ни на ландтагах, ни на городских съездах так и не удалось. Официально продажа их считалась запрещенной, но нелегально она продолжалась¹⁰¹.

Тесно с торговой политикой городов был связан обсуждавшийся на ландтагах 30-х годов вопрос о продовольственном положении Ливонии. В 1532 г. в Валмиере сословия приняли постановление, запрещавшее вывоз ряда товаров первой необходимости: "мяса, рыбы и всяких других продуктов питания"¹⁰². На практике, очевидно, этот запрет тоже функционировал слабо, и поэтому через пять лет на ландтаге в Валмиере города были вынуждены обратиться с призывом издать его в более строгой форме, предлагая наказывать нарушителей запрета высокими штрафами¹⁰³. Встревожанность горожан была закономерной, так как затруднения с продуктами питания они ощущали в большей мере, чем феодалы. В качестве причин, вызвавших нехватку и подорожание мяса и рыбы, делегаты Риги, Таллина и Тарту называли регулярный массовый угон скота в города Пруссии, и, что особенно интересно, деятельность куршских крестьян, которые на лодках вывозили рыбу в Кенигс-

берг, Гданьск, Щецин и даже Любек (!)¹⁰⁴.

Просьба горожан была удовлетворена. Вывоз продовольствия был запрещен не только на Запад, но и в Россию и Литву¹⁰⁵. Однако практический эффект от этого, также как и от многих других постановлений ландтага, был невелик. Требование принять меры против вывоза того или иного вида продовольствия города продолжали выдвигать почти на каждом из последующих ландтагов 40-х годов¹⁰⁶. Тот факт, что этот вопрос не сходил с повестки собраний сословий и продолжал находиться в кругу их внимания и в 50-х годах¹⁰⁷, красноречиво говорит, что эти постановления ландтага не были выполнены.

Важную роль в обеспечении городского населения разнообразными продовольственными продуктами и сырьем играли прямые их поставки из крестьянских хозяйств¹⁰⁸. Поэтому существенное значение для городов приобретал вопрос о т.н. крестьянской торговле. Начиная с конца XV в. рыцарство стало стремиться закрыть для крестьян возможность продажи излишков сельскохозяйственной продукции горожанам и стать посредником между крестьянским хозяйством и городским рынком¹⁰⁹. В результате в 20-х и 30-х годах XVI в. ливонскому бюргерству пришлось переориентироваться на торговлю с дворянами¹¹⁰. Однако для купечества гораздо выгоднее были прямые торговые контакты с крестьянином-производителем, и делегаты городов на ландтаге продолжали упорно бороться за их сохранение. Напомним, что свободные торговые поездки крестьян в города были гарантированы еще рецессом ландтага 1522 г. В 30-х годах официальная точка зрения в этом вопросе не изменилась - на ландтаге 1532 г. упомянутые гарантии были вновь подтверждены¹¹¹. Но необходимость повторного принятия этого постановления уже сама за себя говорит, что выполнялось оно феодалами отнюдь не усердно.

У вопроса о торговле городов с крестьянами была и другая сторона. Купечество было обеспокоено конкуренцией не только со стороны вассалов, но и небольшой части предприимчивых, как правило, зажиточных крестьян и также некоторых городских жителей. Действуя в деревне, они перекупали сельскохозяйственные продукты и, кроме того, на местах спекулировали городскими товарами: солью, сельдью и др.¹¹². На ландтаге 1532 г. деятельность скупщиков была запрещена¹¹³. Заинтересованные в приобретении излишков крестьянских хозяйств вассалы стремились к этому не меньше купечества.

После принятия этих двух выгодных постановлений положение купечества в торговле с крестьянами все же не улучшилось. Скупщики продолжали заключать свои сделки, а вассалы - помещики чинить препятствия поездкам крестьян в города¹¹⁴. Городские делегаты жаловались на поведение феодалов чуть ли не на каждом из последующих ландтагов, что нагляднее всего свидетельствует о недостаточной эффективности принятых постановлений. Никаких положительных для городов результатов не дали и регулирующие "крестьянскую торговлю" дополнительные меры, введенные Валмиерским ландтагом 1548 г.¹¹⁵. Об этом говорит заявление делегатов Риги, Таллина и Тарту во время следующего ландтага, заседавшего там же в Валмиере год спустя. Горожане жаловались на вассалов, которые под угрозой "высоких штрафов не разрешают своим подданным привозить в города никакие товары"¹¹⁶.

В 30-х годах XVI в. купечество стремилось закрепить за собой определенные преимущества не только в приобретении излишков продовольствия, поступающих из крестьянских хозяйств, но и продолжало бороться за сохранение своих позиций в продаже сельскохозяйственной продукции, идущей на экспорт. В 1535 г. на ландтаге в Валмиере делегаты Риги, Таллина и Тарту просили ландесгерров и вассалов не заниматься торговлей, указывая, что это "во

всех городах этой земли (т.е. Ливонии - И.М.) ухудшает их жителям пропитание и торговлю"¹¹⁷. Но заседавшие на ландтаге феодалы не собирались отказываться от торговых прибылей, и просьба горожан осталась без внимания.

Поскольку продажу зерна и другой сельскохозяйственной продукции на Запад вассалы старались осуществить через заграничных торговцев, эффективно бороться с этим явлением ливонское бюргерство могло лишь продолжая политику ущемления прав иностранных купцов. С другой стороны, к этому же их вынуждала все более растущая в Ливонии активизация торговли русских купцов.

Увеличение возможностей для выгодной торговли с русскими способствовало росту соперничества между отдельными ливонскими городами, но особенно оно обострило отношения между ливонским купечеством и западноевропейскими ганзейцами. Для закрепления своего положения торговых посредников рижане, таллинцы и тартусцы стали сильнее нуждаться в установлении защитных мер против конкурентов¹¹⁸.

К таким мерам принадлежали ограничения в передвижении русских, иностранных немецких, литовских и других заграничных купцов, за усиление которых города выступали на Валмиерском ландтаге 1537 г. В случае задержания иностранцев на тех дорогах, проезд по которым был им издавна запрещен, провинившихся предполагалось наказывать высокими штрафами и конфискацией товаров¹¹⁹. Рижане, таллинцы и тартусцы рассчитывали этим ориентировать иностранцев на поездки по главным торговым путям, ведущим в основном в крупнейшие ливонские города, и на торговлю в их стенах¹²⁰. Более ясна роль городской курии в принятии схожего постановления ландтага, строго запрещавшего русским нанимать местных шкиперов и "использовать старые корабли (для поездки)

через море"¹²¹.

Политика Риги, Таллина и Тарту, направленная на монополизацию ливонской торговли, в целом была противоположна интересам местных феодалов, которые стремились к укреплению контактов с иностранными купцами и были готовы оказать последним поддержку. Кроме того торговая политика ливонских городов содержала в себе опасность возникновения внешнеполитических осложнений. Поэтому задававшие на ландтаге тон ландесгерры и вассалы редко соглашались идти на встречу пожеланиям горожан и делали это лишь в случаях, когда речь шла о второстепенных вопросах. Материалы ландтага 1537 г. иллюстрируют это достаточно ярко. Наряду с подтверждением уже ранее действовавших ограничений в передвижении иностранцев по определенным сухопутным дорогам рецесс ландтага недвусмысленно гласил: "Порты и водные пути должны по-старому быть свободными для торговли. И также торговля гостя с гостем должна быть, как этого издавна придерживались, разрешена"¹²².

Не случайно следующее мероприятие с целью нанести более ощутимый удар по торговле иностранных конкурентов города осуществляли не через ландтаг, а опираясь на собственные силы и возможности. В начале 1539 г. на съезде в Риге делегаты трех крупнейших ливонских городов приняли решение об усилении применения действовавшего с 1516 г. запрета на прямую торговлю в Риге, Таллине и Тарту между заграничными гостями. Законными считались только те сделки иностранцев, которые заключались с местными купцами или их представителями (mit den borgern, borgerkindern oder borgergesellen), а нарушителям этого требования грозил штраф в размере 10% от стоимости товаров¹²³. О последовательности политики Риги, Таллина и Тарту говорит подтверждение этого решения на городском съезде в Валмиере в 1540 г. и заяв-

ление ливонских делегатов на состоявшемся в этом же году в Любеке ганзейском съезде¹²⁴.

Антиганзейская политика ливонских городов вызвала сильное недовольство как за рубежом, так и среди местных феодалов. Последние и раньше никогда не признавали запрета гостевой торговли¹²⁵, но теперь в своих требованиях о снятии торговых ограничений они стали гораздо настойчивее. Это способствовало политическому сближению Ливонского ордена, опиравшегося на вассалов, с заморскими ганзейцами. Таким образом борьба ливонских городов против остальных ганзейцев во главе с Любеком переплеталась с борьбой с местными феодальными сословиями¹²⁶.

Уже в 1541 г. Рига, Таллин и Тарту были вынуждены несколько отступить от занятых позиций и на городском съезде в Новом Пярну разрешить при соблюдении некоторых условий¹²⁷ прямую торговлю любекских купцов с русскими¹²⁸. Но местные феодалы, объем торговли которых в начале 40-х годов продолжал расти¹²⁹, добились от ливонских городов еще больших уступок. На Валмиерском ландтаге 1543 г. они настаивали на выполнении постановления 1537 г. о полной отмене запрета гостевой торговли и на свободном пользовании всеми портами, речными путями и теми сухопутными дорогами, которые не являлись запрещенными¹³⁰. Как и прежде в опасных для бургерства ситуациях городские делегаты действовали сплоченно и смело, придерживаясь разнообразной, не только оборонительной тактики. Еще в 1541 г. на упомянутом съезде в Новом Пярну горожане признали необходимым обратить внимание ландтага на те трудности в торговле, с которыми сталкиваются ливонские купцы¹³¹. Следуя этому решению, на ландтаге 1543 г. горожане просили принять меры против чужеземных торговцев, разъезжающих по Ливонии и заключающих сделки с ее жителями¹³². Но главная борьба на ландтаге велась вокруг выдвинутого феода-

лами требования о свободной торговле. Точку зрения горожан по этому вопросу передает ответ таллинцев на статью повестки дня ландтага, в котором они, в частности, обосновали свой отказ предоставить феодалам полную торговую свободу в своем порту¹³³. Ссылаясь на старую договоренность, таллинцы указывали на право каждого феодала "из деревни свое зерно... привозить и продавать в городах". Однако его погрузку прямо на корабли горожане считали для феодалов непозволительной, так как, по словам таллинцев, она противоречила городским "старым привилегиям и справедливости"¹³⁴. Горожане считали, что именно купечеству принадлежит моральное право не только иметь преимущества в использовании порта, но и вообще считать торговлю сугубо сферой своей деятельности¹³⁵. Кроме того, городские делегаты на ландтаге указывали, что ничем другим кроме торговли они не занимаются, и, если лишатся своих преимуществ, то не смогут прокормить жен и детей¹³⁶. Прямым намеком на необходимость заботиться о городах как военно-оборонительных центрах была ссылка на невозможность в случае обеднения поддерживать в порядке городские укрепления¹³⁷.

Очевидно в 1543 г. городам так или иначе удалось отстоять свои требования и перед натиском феодалов они не уступили. Во всяком случае сведений о принятии на ландтаге невыгодных для торговли горожан постановлений в нашем распоряжении нет. Но на Валмиерском ландтаге 1546 г. дискуссия продолжалась с прежней остротой¹³⁸, и еще через два года состоявшейся в Валмиере ландтаг предоставил "свободную торговлю с русскими каждому в деревне или в городах"¹³⁹. По данным Г.Холлина, это решение собравшиеся феодалы приняли в отсутствии городских делегатов, которых с ним познакомили лишь незадолго до закрытия ландтага. Городская курия резко протестовала как против содержания этого пункта ре-

цесса, так и вызывающего обхождения со стороны феодалов. На это последние ответили угрозами в случае отказа подчиниться решению собрания лишить города их прежних преимуществ. Но горожане не уступили и обязались оказывать взаимную поддержку в случае, если положение в торговле действительно ухудшится¹⁴⁰. Не следует, конечно, преувеличивать возможности свободной торговли, которые с принятием упомянутого постановления приобрели в Ливонии русские купцы и местные феодалы. Как всегда проблематичной оставалась реализация решения ландтага, в особенности еще потому, что в Риге, Таллине и Тарту продолжал действовать запрет гостевой торговли¹⁴¹. Но тем не менее для успешного развития торговой политики городов на ландтаге ситуация складывалась более чем неблагоприятно.

В 50-х годах XVI в. Рига, Таллин и Тарту гораздо сильнее стали ощущать давление извне и осуществлять свои торгово-политические цели им стало еще труднее. Как заморские ганзейцы, так и русские не только проявляли открытое недовольство исходящими от ливонских городов ограничениями, но и активизировали свою борьбу за их отмену¹⁴². На этой основе в начале 1550-х годов созрел серьезный торгово-политический конфликт Риги, Таллина и Тарту с Любеком¹⁴³. Для того, чтобы оказать политическое давление на ливонцев глава все более слабеющей Ганзы делал ставку на свой былой авторитет. В конечном итоге для того, чтобы заставить ливонские города уступить, этого оказалось недостаточно¹⁴⁴, но противостояние Любеку потребовало усилий и, кроме того, обострило торгово-политическую обстановку. С другой стороны, серьезнейшую опасность в 1550-х годах для Риги, Таллина и Тарту представляли действия правительства русского царя Ивана IV Грозного, которое стало настойчиво добиваться признания в Ливонии полной торговой свободы русских купцов и в случае невыполнения этого и

других требований грозило войной¹⁴⁵.

Придерживаться и дальше принципов, на которые опиралась торговля купцов Риги, Таллина и Тарту с русскими, в этой ситуации было нельзя. Это понимали и феодалы, которые на Валмиерском ландтаге в январе 1554 г. саркастически отметили, что принятые ранее в пользу свободной торговли меры не привели к обнищанию городов¹⁴⁶ и настаивали на отмене всех торговых ограничений¹⁴⁷. Но города продолжали на ландтаге придерживаться прежней торговой политики, которая уже противоречила реальностям своего времени. По поводу заявления феодалов городские делегаты высказали протест и просили ландесгерров отказаться от планов, связанных со снятием преград в торговле¹⁴⁸. Тем не менее предотвратить принятие постановления ландтага, предоставлявшего полную торговую свободу в Ливонии ивангородским и ямгородским купцам¹⁴⁹, городам не удалось. А полгода спустя в ливонско-русском мирном договоре право свободно торговать в Ливонии уже было гарантировано всем русским купцам¹⁵⁰.

Нежелавшее с этим мириться ливонское бургерство продолжало чинить препятствия заключению прямых торговых сделок между русскими и западноевропейскими купцами¹⁵¹. Все это вело к дальнейшему обострению торгово-политической ситуации. Дело дошло до того, что в начале лета 1557 г. Иван Грозный запретил поездки русских купцов в Ливонию, а находившимся там торговцам приказал вернуться на родину¹⁵². Это было одно из мероприятий, с помощью которого царь намеревался концентрировать торговлю русских с иностранцами непосредственно у себя в стране¹⁵³.

Изменившиеся в худшую сторону обстоятельства требовали от ливонских городов принятия новых принципиальных решений. В частности они помыслили о восстановлении совершенно запущенного к этому времени ганзейского торгового двора в Новгороде. Этот и

другие вопросы рижане, таллинцы и тартусцы, очевидно, основательно обсуждали во время начавшегося в конце августа 1557 г. Пярнуского ландтага. Однако, судя по переписке между городами¹⁵⁴, предшествовавшей данному собранию, феодальные курии ландтага к рассмотрению торговых вопросов привлечены не были. Известно лишь, что города намеревались на ландтаге прощупать возможности отмены установленного в 1554 г. запрета на продажу русским вооружения. Даже в самые критичные для страны моменты бюргерство превыше всего ставило заботу о собственной прибыли¹⁵⁵.

Планы городов перечеркнула начавшаяся в январе 1558 г. Ливонская война. Ливония была к ней неподготовлена и сразу оказалась в крайне сложной ситуации. Поэтому в марте этого же года местные сословия собрались в Валмиере для обсуждения возможностей как-то урегулировать конфликт дипломатическим путем. Во имя мира, все, в том числе и города, были готовы идти на уступки¹⁵⁶. Городские делегаты сами просили, чтобы в инструкции, отправляющейся в Москву делегации, была включена "прежде всего статья о свободной торговле, устанавливавшая ее, если не иначе, то по старинке"¹⁵⁷ - т.е. в духе вышеупомянутых договоров 1531 и 1554 годов. В дальнейшем на остальных предшествовавших разделу Ливонии пяти ландтагах 1558-1559 годов сословия, судя по имеющимся источникам, специально вопросами торговли больше не занимались.

Попытаемся теперь дать торговой политике городов на ландтаге общую оценку и еще раз вкратце проследить динамику ее развития за рассматриваемые полтора века.

В целом участие в работе высшего сословно-представительного органа Ливонии для реализации своей торговой политики города использовали сравнительно мало. Главной причиной этого была слабость ландтага, который, будучи неспособным добиться осуществления большинства из принятых на нем решений, не мог серьезно

влиять на положение в торговле. К обсуждению ряда торговых вопросов (продажа товаров военного назначения, проблемы свободной и "крестьянской" торговли, вывоз продовольствия и др.) сословия были вынуждены возвращаться неоднократно, но успешно решить их так и не смогли. Возможности расширить торгово-политическую деятельность на ландтаге у городов были ограничены еще и потому, что повестку собрания определяли доминировавшие на нем феодалы. Городские делегаты могли не более чем обратить их внимание на ту или иную волновавшую купечество торговую проблему без гарантии, что ее обсуждение будет включено в официальную повестку дня ландтага. В итоге феодальные курии ландтага оставались в стороне от обсуждения большинства актуальных для купечества торгово-политических вопросов, которые до, после или в перерывах работы собрания рассматривались на заседаниях с участием делегатов Риги, Таллина и Тарту, по существу ничем не отличавшихся от съездов городских представителей (шгедтетагов).

Вместе с тем нельзя сказать, что бюргерство полностью пренебрегало возможностями, которые ему давало участие представителей городов в работе ландтага. В случаях, когда вопросами торговли занимались все сословия, города, используя как веские аргументы, так и демагогию, старались склонить мнение ландтага в свою пользу.

Представительство на ландтаге как средство защиты своих торговых интересов использовалось бюргерством с неодинаковой интенсивностью. На протяжении всего XV в. торговая политика городов на ландтаге носила пассивный характер. На этом этапе ландтаг мало занимался вопросами торговли, поскольку феодалы еще не принимали в ней широкого участия. Кроме того Рига, Таллин и Тарту в это время действовали в рамках Ганзы, т.е. в основном через ганзейские инстанции. Самостоятельность их торговой поли-

тики до XVI в. была еще относительной.

Интерес к проблемам торговли у феодалов, прежде всего вассалов, начал увеличиваться на рубеже XV и XVI веков, когда в их хозяйствах резко возросло производство сельскохозяйственной продукции на рынок. Если в первом десятилетии XVI в. торговая политика Риги, Таллина и Тарту на ландтаге продолжала оставаться пассивной, то во втором десятилетии, когда купечеству стало реально угрожать потеря торговых преимуществ и прибыли, города были вынуждены перейти к более активным формам борьбы. Но, поскольку феодалы на ландтагах этого периода действовали не менее решительно, бургерство потерпело неудачу.

В начале 20-х годов под влиянием реформации на ландтаге произошло временное сближение курий городов и вассалов. Возникла благоприятная ситуация для того, чтобы попытаться смягчить противоречия между обеими сторонами по наиболее существенным для купечества торговым проблемам, но использовать ее не позволили обострившиеся в это же время разногласия внутри самой городской курии. В целом ландтаги 1520-х годов характеризуются очень острой политической борьбой по многим вопросам, что так же затрудняло торгово-политическую деятельность делегатов Риги, Таллина и Тарту.

Своей высшей точки политика городов достигает на ландтагах 30-х годов XVI в., когда им удалось добиться положительных решений по некоторым вопросам торговли, а общее количество обсуждавшихся между сословиями различных торговых проблем было как никогда ранее велико. В то же время на ландтагах второй половины этого периода положение городов вновь осложнилось из-за настойчивых действий феодалов, требовавших отмены преимуществ, которыми в торговле пользовалось купечество.

На ландтагах 1540-х и 1550-х годов основные усилия бургерства были направлены на продолжение защиты своего привилегированного положения в ливонской торговле. Однако, предотвратить принятие решений ландтага, предоставляющих в Ливонии широкие торговые права феодалам и иностранцам, в особенности русским, купцам, Риге, Таллину и Тарту не удалось. Но поскольку обеспечить выполнение своих постановлений сословный орган был неспособен, ошутимый урон городам они не нанесли.

Вместе с тем беспомощность, от которой страдал ландтаг на протяжении всей своей деятельности, обесценивала отдельные успехи, достигнутые в ходе реализации торговой политики городов. Никакой серьезной помощи в деле защиты торговых интересов купечества ландтаг не оказал.

Глава III

ДЕНЕЖНАЯ ПОЛИТИКА

Наряду с проблемами торговли постоянное внимание в экономической политике городов уделялось вопросам производства и обращения денег. Стабильное функционирование денежного хозяйства являлось необходимым условием для успешного развития торговли, и поэтому города были особенно заинтересованы в решении возникающих в денежном деле проблем. Однако, возможности для проведения самостоятельной денежной политики у бюргерства были ограничены, поскольку право на чеканку монет еще с XIII в. принадлежало ливонским ландесгеррам. Работающие под руководством городских магистратов монетные мастера осуществляли только само производство монет, а распоряжались в денежном деле правители ливонских государств. Формально ландесгерры в своей денежной политике были независимы, но обращение монет Орденского государства, Рижского архиепископства и Тартуского епископства на равных основаниях во всей Ливонии^I требовало постоянного согласования между ними всех мероприятий денежного дела². Обычно этой цели служили заседания ландтага, благодаря чему регулярный доступ к обсуждению основных проблем денежного хозяйства Ливонии получили и города.

По многим важнейшим вопросам производства и обращения денег бюргерство имело отличительную от ландесгерров³ точку зрения, что ярко проявилось уже на самых первых ландтагах в ходе подготовки и реализации денежной реформы 1422 - 1426 гг. Реформа была предпринята ливонскими правителями с целью поднятия своих доходов, сократившихся из-за резкого падения стоимости местной серебряной монеты⁴. Понижая время от времени стопу выпускаемых

монет, ландесгерры покрывали расходы, растущие, как правило, быстрее поступлений, складывавшихся из разнообразных рент, денежных повинностей крестьян, ростовщических операций и т.п.⁵. Но польза, приносимая порчей денег, давала лишь кратковременный эффект. По истечении некоторого времени обесцененные монеты стали возвращаться в государственную казну, и регулярные денежные доходы ландесгерров вновь сокращались⁶.

Практическая подготовка реформы началась в июне 1420 г. с собрания крупнейших ливонских феодалов, созванного по инициативе рижского архиепископа Иоганна VI Амбунди в Лимбажи. На нем было принято решение о закрытии действующих монетных дворов и установлен двухлетний срок, в течение которого следовало разработать соглашение относительно выпуска "лучшей" монеты⁷. После этого ливонские правители приступили к более детальной разработке реформы. Лишь на этой стадии к ее обсуждению официально были приобщены и города. В конце 1420 г. магистр Зигфрид Ландер от имени всех ландесгерров пригласил представителей Таллина на ландтаг, который планировалось в скором будущем провести в Валке⁸. В письме сообщалось о предстоящем на нем обсуждении денежных вопросов и далее говорилось, что таллинцам "поэтому надлежит посоветаться... и отправить двоих или троих из своих в Валку". Посланцев следовало наделить соответствующими полномочиями с тем, чтобы "то, что будет обсуждаться и решаться относительно монеты, было подтверждено и достигнуто общим совещанием и соглашением всей земли"⁹. Письмо магистра свидетельствует, что мнение горожан в глазах ливонских правителей не имело решающего значения. Ландесгерры от них ожидали не более чем послушного подтверждения выдвинутых феодалами предложений.

Не исключено, что основные положения реформы были рассмотрены уже на упомянутом ландтаге в Валке, который состоялся в

феврале 1421 г. Но, судя по сохранившимся источникам, окончательный итог обсуждению ее проекта был подведен несколько позже - на ландтаге, заседавшем в августе 1422 г. в Цесисе¹⁰. Одновременно в его рецессе были даны указания по реализации реформы.

Изменения прежде всего касались самого состава основной единицы в чеканке монет - весовой марки. Рецесс ландтага установил, что новая марка должна состоять из 8 лотов серебра и 8 лотов меди, и предусматривал начало чеканки из нее новой монеты - пфеннига. Его стоимость должна была, таким образом, в три раза превышать стоимость соответствующей ему дореформенной монеты - артига¹¹. Стоимость находившихся в обращении более мелких монет - "любекских пфеннигов" - по отношению к новому пфеннигу устанавливалась в размере 12:1¹². Это означало, что в переводе на мелочь, стоимость новой монеты возрастала не в три, а в четыре раза¹³.

Ландтаг также принял меры против возможного прямого бойкота реформы со стороны городов и их монетных мастеров. Продолжение выпуска монет старого образца приравнивалось к фальшивомонетничеству, за что в средневековье грозила мучительная казнь¹⁴.

Включение этого пункта в рецесс было далеко не случайным. У феодалов были основания ожидать самого серьезного сопротивления реформе со стороны горожан, которым она была экономически крайне невыгодна. Предпринятые ландесгеррами мероприятия могли привести к росту их доходов только при условии, что все платежи и цены на товары, останутся на прежнем уровне. Лишь в этом случае обращение новой монеты, содержащей в 3-4 раза больше серебра, принесло бы соответствующую прибыль. Но это неизбежно вело к всеобщему росту дороговизны¹⁵ и фактическому повышению цен в 3-4 раза¹⁶.

С современной точки зрения невозможность реализации реформы в таком виде очевидна. Но в XV - XVI вв. механизм обращения денег был изучен недостаточно, а само монетное дело рассматривалось феодалами, прежде всего, как средство обогащения¹⁷. Расчет авторов реформы был ясен: высокопробные монеты, которыми горожанам приходилось бы сразу по старой цене расплачиваться за привозимое из деревни продовольствие, в своем большинстве непосредственно или через крестьян уплывали бы к феодалам. Поскольку в условиях господствующего натурального хозяйства основная масса сельских жителей за исключением соли и железа в городах почти ничего не покупала, разница между новыми и старыми деньгами покрывалась бы, таким образом, за счет городского населения. Кроме этого, при обмене каждой старой монеты на новую убытки неизбежно понесли бы находившиеся в ведении городских магистратов монетные дворы¹⁸.

Несмотря на явно невыгодный для городов характер реформы, никакого противоборства феодалам делегаты Таллина и Тарту¹⁹ на Цесисском ландтаге 1422 г. не оказали. Пассивными они оставались и на ландтагах, заседавших в октябре 1424 и январе 1426 гг. в Валке, где в связи с денежной реформой было принято несколько дополнительных постановлений, и она была окончательно завершена²⁰. Города по рассмотренным выше причинам на первых ландтагах чувствовали себя неуверенно и к открытой полемике с феодалами были не готовы.

Для защиты своих интересов бюргерство нашло более простой и более надежный способ. При заключении торговых сделок горожане продолжали исчислять цены на товары, исходя из их стоимости в старых деньгах, на которые перерасчитывались новые монеты²¹. Заставить их отказаться от подобной практики ландесгерры не смогли - экономические законы обращения денег оказались силь-

нее²². В итоге главная цель реформы - поднятие доходов ливонских правителей - осталась недостигнутой²³.

О дальнейшем обсуждении денежных вопросов на ландтагах вплоть до конца XV в. в источниках не осталось почти никаких следов, и поэтому сказать что-либо определенное о денежной политике городов в высшем сословно-представительном органе в это время очень трудно. С большой степенью вероятности можно предположить, что денежные вопросы, рассматривались сословиями на Валмиерском ландтаге 1472 г., но содержание и результаты этих переговоров неизвестны. Некоторые косвенные данные говорят лишь о том, что к этому времени при их обсуждении авторитет городов на ландтаге заметно повысился²⁴. Благодаря этому, начиная с конца XV столетия городская курия на ландтаге смогла решительнее защищать интересы бургерства в денежном деле, не раз вступая в острые дискуссии с феодалами.

Задачу городских делегатов в этот период осложняло то обстоятельство, что начиная с конца XV в., денежное хозяйство Ливонии стало постоянно сталкиваться с многими новыми затруднениями. В результате развития товарно-денежных отношений и увеличения внешнеторгового оборота, характерного для хозяйства Ливонии конца XV и первой половины XVI вв., на внутреннем рынке возросло обращение иностранных монет, в том числе и золотых. В связи с этим ливонское денежное дело стало серьезнее ощущать последствия присущей всему ганзейскому региону переоценки золота над серебром, из-за которой росла цена на серебро, а доброкачественные серебряные монеты вывозились за границу²⁵. Главным поставщиком золотых монет из-за рубежа являлось купечество, которое по этой причине было заинтересовано в их обращении в Ливонии по максимально высокому курсу. Но сохранение высокого

курса иностранных золотых гульденов оборачивалось ростом стоимости серебра, что затрудняло приобретение последнего в качестве сырья для нужд монетных дворов. Для того, чтобы производство монет не стало убыточным, монетным мастерам приходилось снижать стопу выпускаемых монет. Добиться улучшения положения в денежном хозяйстве таким путем, конечно, было невозможно. Для приобретения каждой новой марки чистого серебра монетным мастерам приходилось отдавать большее количество обесценившихся монет, т.е. цена серебра, выраженная в ливонских денежных единицах, увеличивалась. Но и другого выхода при сохранявшемся высоком курсе золотых монет они найти не могли.

Городские магистраты в своей денежной политике выражали прежде всего интересы ливонского купечества. Исходя из этого, они выступали, во-первых, за установление наиболее высокого курса для обращения в Ливонии иностранных золотых монет, а, во-вторых, с тем, чтобы обеспечить выпуск денег в необходимом для торговли количестве²⁶, за понижение стопы местной серебряной монеты.

У феодалов на этот счет имелись иные соображения. Высокая стоимость золота наносила ущерб их доходам, получаемым от быстро растущей торговли²⁷, а распространение низкопробной местной серебряной монеты уменьшало доходы, поступающие в виде денежных повинностей и рент. Поэтому они в противоположность городам выступали за понижение курса ввозимых в Ливонию золотых денег и улучшение пробы местной монеты. Поскольку, с одной стороны, в средневековье знания о законах обращения денег были, как уже отмечалось, неполными, а, с другой стороны, идти на существенные уступки во имя решения имевшихся проблем заинтересованные сословия были несогласны, обсуждение этих вопросов на ландтагах приводило к бесконечным дискуссиям.

Сперва на рубеже XV и XVI в. интересы городов и феодалов столкнулись в вопросе о стоимости находящихся в обращении в Ливонии золотых монет. Падение в последних десятилетиях XV в. стоимости ряда западноевропейских золотых гульденов²⁸, совпавшее с обесцениванием ливонских серебряных денег²⁹, требовало внесения ясности в соотношении между обоими видами находившихся в обращении ценных металлов. На состоявшемся в 1495 г. в Валке ландтаге был установлен курс для 7 золотых иностранных гульденов в рижских марках³⁰. Курс рейнского гульдена - наиболее в то время распространенной в Ливонии иностранной монеты - был установлен в размере 2 рижских марок, что совпадало с желаниями купечества³¹. Точных сведений относительно того, что горожанам удалось отстоять свою заинтересованность в более высоком курсе золотой монеты мы имеем лишь в случае с рейнским гульденом. Курс других монет, введенный ландтагом, был, видимо, ниже того, который существовал до принятия решения. Об этом можно судить по записи в счетной книге Таллина, где отмечается, что в связи с понижением курса золотых монет потеряны 37 марок и 5 шиллингов³².

Поэтому на последующих ландтагах представители городов требовали повышения курса всех гульденов. На ландтаге в Валке в 1499 г. купечество выдвинуло предложение поднять стоимость гульденов, находившихся в обращении в Ливонии, до их стоимости в Любеке³³. Это все же осталось без результатов, и городам пришлось довольствоваться достигнутым в 1495 г.

Не добившись повышения курса золотых гульденов, горожане стали использовать участие своих представителей в работе ландтага для поисков путей борьбы с последствиями распространения в Ливонии низкопробных иностранных золотых монет³⁴. Именно городская курия первая поставила на рассмотрение ландтага вопрос

об ухудшении качества золотых монет. На ландтаге в Валмиере в 1503 г. представители Таллина предложили обсудить вопрос о падении стоимости золотых денег³⁵, но поддержку других курий они не встретили. К обсуждению этой проблемы горожане несколько раз возвращались и на других ландтагах и городских съездах первого десятилетия XVI в., но никакого практического улучшения ливонскому денежному хозяйству это не принесло³⁶.

В 1510 г. магистр Ливонского ордена Волтер фон Плеттенберг и рижский архиепископ Яспер Линде, не дожидаясь созыва очередного ландтага³⁷, решили понизить курс ряда гульденов³⁸. Это, как уже отмечалось, не соответствовало интересам городов и вызвало их сопротивление. Но при этом ни рижане, ни таллинцы, ни тартусцы не выступили против постановления в целом³⁹. Они выражали свое недовольство лишь понижением курса на хорнгульдены, поскольку их новая стоимость - 32 шиллинга за качественную и 30 шиллингов за низкопробную монету⁴⁰, лишила купцов прежней прибыли⁴¹. Таким образом на фоне попыток предотвращения последствий обращения в Ливонии неполноценной золотой монеты, возобновились споры вокруг курса гульденов.

В это время города, как впрочем и ландесгерры, в борьбе за свои интересы по денежному делу мало рассчитывали на ландтаг. Рига, Таллин и Тарту каждый в отдельности старались уговорить своих сюзеренов сохранить старый курс хорнгульденов, подчеркивая при этом, что сделать это желательно до созыва очередного ландтага⁴². Из-за отсутствия соответствующих источников трудно сказать, какими соображениями руководствовались города, выбрав в это время именно такую тактику для борьбы за свои интересы. Во всяком случае содержание решения Валмиерского ландтага в 1512 г. свидетельствует, что такие действия городов дали желаемый результат⁴³.

Некоторые усилия в первом десятилетии XVI в. города прилагали также для решения проблем, связанных с выпуском местных серебряных денег. Но здесь они гораздо меньше пользовались возможностями своих делегатов на ландтаге, чем в случае с золотыми монетами. Выяснить все причины такого в целом пассивного отношения к ландтагу с их стороны на основе имеющихся источников практически невозможно. Во всяком случае положение соответствует общему состоянию экономической политики городов на ландтагах первого десятилетия XVI в. Достаточно вспомнить весьма инертную торговую политику городской курии на ландтагах этого времени. Но, говоря о проявлении пассивности именно в денежной политике, следует, на наш взгляд, учитывать и другое обстоятельство, затруднявшее деловой поиск решения имевшихся проблем.

На протяжении первых двух десятилетий XVI в. города не рассматривали вопросы об обращении в Ливонии иностранной золотой и местной серебряной монеты как две составные части общего денежного хозяйства и между собой их не связывали. В качестве примера можно привести обсуждение проблем, связанных как с иностранными, так и с местными деньгами на городском съезде 1504 г.

В отношении последних подчеркивалось, что "одни и те же монеты чеканятся неодинаково, /т.е. по разной стопе - И.М./"⁴⁴, что значительно осложняло ведение торговли. Но принятое решение об использовании для преодоления трудностей, как частные переговоры городов со своими сюзеренами, так и совместные действия на ландтаге, было выполнено не полностью. Судя по рецессу, на ландтаге в 1504 г. из вопросов денежного дела рассматривалась лишь проблема ухудшения качества иностранных золотых денег⁴⁵.

Между тем трудности с выпуском местных серебряных монет увеличились до такой степени, что в 1505 г. в Тартуском епископстве и, как считает А.Н.Молвыгин, возможно также в других

ливонских владениях, их чеканку пришлось прекратить⁴⁶. В результате этого купечество стало испытывать недостаток в деньгах для ведения торговли, а ландесгерры начали терять доходы от производства монет. На этот раз предложение, выдвинутое на Валмиерском ландтаге в 1507 г., "рассмотреть способы и пути, чтобы... вновь чеканить монеты и выпускать серебряные деньги" исходило не от городов, а от Волтера фон Плеттенберга, который возглавляя орденскую курию и являясь в это время наиболее влиятельным ландесгерром⁴⁷. Это предложение, видимо, столкнулось с оппозицией городов, из-за чего не было достигнуто соглашение на ландтаге. Об этом свидетельствуют события на Цесисском съезде представителей городов в 1509 г.⁴⁸. Из речева собрания видно, что к этому времени возобновление чеканки монет не произошло. Магистр Ордена обвинил горожан, не только в самом ухудшении качества монет, но и в сопротивлении рассмотренным на ландтаге новым законам⁴⁹. Судя по всему, на ландтаге 1507 г. политика городов, направленная на уменьшение количества серебра в выпускаемой монете, столкнулась со стремлением феодалов пустить в обращение более высокопробные монеты⁵⁰.

Для того, чтобы осуществить свои намерения, городам необходимо было убедить ландесгерров в невозможности чеканки монет с высоким содержанием серебра. В связи с этим горожане ссылались на высокую стоимость ввозимого серебра⁵¹. На переговорах между делегатами городов во время ландтага в Валмиере в 1512 г. было отмечено, что, поскольку ландесгерры и прелаты стопу монет понижать не думают, возобновление прекратившейся чеканки монет из-за дороговизны серебра горожане считают невозможным⁵².

Но более разумный выход из положения, чем ухудшение пробы выпускаемых монет, города в сложившихся условиях предложить не смогли. Во время ландтага, заседавшего в Валмиере в 1513 г., ри-

кане, таллинцы и тартусцы обсуждали возможность возобновления чеканки однофенниговых, одиониллинговых и трехшиллинговых монет по более низкой по сравнению с концом XV в. стопе⁵³. Если этот проект и был рассмотрен на уровне всех курий, о чем нет доказательств, то феодалов он не мог устроить. Не исключено, что их недоброжелательное отношение стало причиной, из-за которой рекомендации Риги, Таллина и Тарту не были осуществлены.

На следующем ландтаге в 1514 г. в Валмиере⁵⁴ города предложили начать выпуск наряду с известными несколькими новых для Ливонии серебряных монет крупного номинала⁵⁵. Развитие денежной политики городов по этому пути было обусловлено как поисками способов борьбы с исчезновением из обращения серебра, так и уменьшением количества благородного металла в монетах и вместе с этим и их покупательной способности, что само собой вынуждало чеканить номиналы большей стоимости⁵⁶. Исходя из этих соображений, на ландтаге 1514 г. представители Риги, Таллина и Тарту предложили начать чеканку марки, полумарки и фердинга ((1/4 марки)⁵⁷. Обсуждался и вопрос о монете стоимостью в 3 марки (талер). Эти предложения горожан в целом были одобрены. Наконец было достигнуто соглашение и относительно монетной стопы /из 14 лотовой марки серебра следовало чеканить 18 марок монет/⁵⁸, что по мнению А.Н.Молвыгина означало установление стопы примерно на уровне конца XV в.⁵⁹.

Но выпуск монет крупных номиналов в достаточном количестве был затруднен необходимостью импортировать дорогостоящее серебро. Поэтому в мае 1515 г. магистром Ливонского ордена Волтером фон Плеттенбергом и римским архиепископом Яспером Линде был издан документ, обязывавший всех торгующих серебром купцов продавать половину ввозимого ценного металла монетным дворам по твердой цене - 17 марок монет за марку серебра⁶⁰. С помощью та-

кого мероприятия ландесгерры рассчитывали обеспечить себе постоянные доходы от чеканки монет, но тем самым был нанесен ущерб купцам. Не удивительно, что Рига в начале даже отказалась обнародовать это постановление и лишь после нажима со стороны ее сюзеренов была вынуждена с ним согласиться⁶¹.

Для того, чтобы уменьшить убытки, причиненные данным распоряжением, купечество и этот вопрос вынесло на рассмотрение ландтага. В июне 1516 г. на Валмиерском собрании сословий городам удалось заставить феодалов пойти на сокращение количества обязательно продаваемого серебра с $1/2$ на $1/3$ ⁶². Участники съездов представителей городов в январе 1519 г. в Риге и в апреле того же года в Валмиере также выражали недовольство по поводу вынужденной продажи ценного металла⁶³. На втором из упомянутых собраний было принято решение о необходимости продолжать обсуждение данного вопроса на ландтаге. Но лишь на Валмиерском ландтаге в 1554 г. городам удалось добиться уменьшения доли принудительного продаваемого серебра до $1/6$ ⁶⁴.

С помощью описанных радикальных изменений, которые претерпело денежное хозяйство Ливонии в середине второго десятилетия XVI в., остановить инфляцию все же не удалось. Об этом ярко свидетельствуют высказывания участников Валмиерского ландтага 1516 г.⁶⁵. А.Н.Молвыгин продолжает описывать нестабильность ливонских монет следующим образом. В связи с большими затратами на изготовление мелких номиналов, содержание серебра в разменной монете было установлено ниже, чем это требовало ее стоимостное соотношение с фердингом. Один фердинг содержал больше серебра, чем по действующему курсу эквивалентные ему 9 шиллингов или 27 пфеннигов. Тем самым было выгодно скупать за мелкие деньги более крупные номиналы и переплавлять последние в серебро или просто вывозить за границу. По этой причине фердинги

стали исчезать из обращения. С другой стороны, из-за высокой рыночной цены серебра чеканка монет по установленной стопе не окупалась и, если окупалась, то с большим трудом. Поэтому выпуск мелочи, который был особенно трудоемким и связан с большими потерями сырья, пришлось вскоре прекратить⁶⁶. Таким образом предложенная городами денежная реформа не имела успеха не столько из-за сопротивления со стороны феодалов, сколько из-за ошибок в расчетах и трудностей с приобретением серебра. В свою очередь высокая цена на серебро сохранялась, главным образом, благодаря переоценке по отношению к нему золота, т.е. чрезмерно высокому курсу, установленному для обращения золотых монет⁶⁷.

Во второй половине второго и начале третьего десятилетия XVI в. и без того трудное положение в денежном хозяйстве Ливонии еще больше усугубилось в результате махинаций таллинских монетных мастеров. В 1516 г. они, очевидно, не без согласия со стороны городского магистрата, приступили к чеканке монет, содержащих меньшее количество серебра, чем производимые в Риге и Тарту. Это подрывало основу денежного хозяйства ливонской конфедерации — единство монетной стопы⁶⁸. В дальнейшем таллинский магистрат не постеснялся прибегнуть и к фальшивомонетничеству. В начале 1520-х годов таллинцы, используя недостаток в стране разменных денег, в корыстных целях стали тайно чеканить низкопробные поддельные шведские монеты⁶⁹.

Для дальнейших поисков выхода из накопившихся трудностей городским магистратам требовалось мнение специалиста. В начале лета 1525 г. одним таллинским монетным мастером было подготовлено заключение о состоянии денежного дела в Ливонии и о путях его улучшения⁷⁰. Этим документом, в основном, и руководствовались города на следующем ландтаге. Предложения монетного мастера были обобщены таллинским магистратом⁷¹ и в виде рекомендаций

переданы на обсуждение трем крупнейшим городам Ливонии. После внесения некоторых изменений они были окончательно кратко сформулированы и в июле 1525 г. от имени Риги, Таллина и Тарту представлены на рассмотрение Валмиерского ландтага⁷².

Благодаря столь серьезной подготовке, предложения городов были как никогда ранее тщательно разработаны и обоснованы. Впервые ландтагу предлагалось одновременно решить вопрос об обращении иностранных золотых и местных серебряных монет. Новый подход к проблеме объясняется тем, что к началу 20-х годов XVI столетия по уже рассмотренным причинам стала очевидной неудача попытки городов перестроить денежную систему на основе крупнономинальной серебряной монеты. Кроме того, к середине 20-х годов в Ливонии стали все ближе подходить к правильному пониманию причин несоответствия соотношения между находившимися в обращении золотом и серебром⁷³.

Суть предложений городов сводилась к тому, чтобы фердинг делился не на 9 шиллингов, как раньше, а на 12 шиллингов⁷⁴. Этим предполагалось воспрепятствовать утечке фердингов за границу. Одновременно авторы данных рекомендаций этим намеревались урегулировать соотношение между золотой и серебряной монетой. Поскольку серебряные монеты крупных номиналов - марки, полумарки - чеканились крайне редко, поиски этого соотношения велись, главным образом, на основе шиллингов, пфеннигов, а также фердингов. Руководствуясь такими соображениями, таллинцы считали возможным определить стоимость золотых денег, исходя из стоимости мелких серебряных монет - в документе указаны конкретные курсы ряда золотых гульденов⁷⁵.

Из содержания предложений видно, что города остались верны прежним целям своей денежной политики - борьбе за установление более низкой стоимости для серебряной и более высокой

для золотой монеты. В этом отношении точка зрения феодалов, как известно, была иной. В связи с этим на ландтаге вновь возникла острая дискуссия⁷⁶. Об этом свидетельствует следующий факт. Феодалы заставили горожан удалиться для повторного обсуждения известных нам предложений, но те решили от своих намерений не отступить⁷⁷. Впоследствии между сторонами все же был достигнут своего рода компромисс. Частично были одобрены предложения горожан относительно серебряной монеты, что выразилось в решении ландтага о повышении числа шиллингов в фердинге с 9 до 10, но курс золотых монет, за исключением некоторых, был установлен несколько ниже, чем предлагали города⁷⁸. Таким образом очередной проект по урегулированию денежного дела потерпел неудачу, поскольку как города, так и феодалы заботились лишь о собственных интересах.

После ландтага 1525 г. и ландесгерры, и города⁷⁹ предпочитали заниматься вопросами денежного производства и обращения в отдельности. Следующее их обсуждение между куриями состоялось, видимо, лишь в феврале и июле 1530 г.⁸⁰. Еще до ландтагов, которые вновь заседали в Валмиере, обе стороны готовились к полемике⁸¹, но в речах ландтагов⁸² о рассмотрении интересующих нас вопросов ничего не говорится.

В 1531 г. произошли какие-то новые важные изменения в монетном деле Ливонии, которые, судя по косвенным данным, были не в пользу городов⁸³. В конце 1531 г. магистром Ливонского ордена Волтером фон Плеттенбергом среди предложенных Таллину для обсуждения на предстоящем ландтаге вопросов был включен и пункт о необходимости исправить положение в монетном деле. Для обоснования предполагаемого в данном документе понижения курса золотых монет автор послания ссылался на важность решения денежных проблем для всей Ливонии. Он подчеркнул, что вывоз качественных серебряных

монет, связанный с обращением золотых монет по завышенной стоимости, не только приносит ущерб правителям, но и приводит к общему упадку хозяйства, поскольку мешает торговле⁸⁴.

В ответном письме таллинцы еще до ландтага сообщили свою точку зрения. Горожане также причиной всех затруднений в денежном деле считали неправильное соотношение между монетами обоих видов, но, руководствуясь экономическими интересами купечества, были не согласны понизить курс золотых денег. Вместо этого они предложили "... использовать все возможные пути и средства для того, чтобы обеспечить всю землю обращающимися деньгами в достаточном количестве, с тем, чтобы можно было добиться их размена. Для этой цели много добра и непременно общую пользу принесет осуществление перестройки /стоимости/ монет по стоимости рейнского гульдена"⁸⁵.

Такой подход говорит о гибкости и динамичности денежной политики городов, о постоянных поисках новых средств для решения существующих проблем. Однако, только что приведенные данные свидетельствуют и о том, что в конце февраля 1532 г. обе стороны прибыли на ландтаг в Валмиере с разными намерениями, что в конечном итоге обрекло переговоры по денежным вопросам на неудачу. Единственным результатом обсуждения было принятие решения о созыве специального собрания заинтересованных сторон /т.е. ландесгерров и городов/ с участием монетных мастеров, с целью урегулирования проблем обращения как серебряных, так и золотых денег⁸⁶.

Такие переговоры состоялись в начале июля 1532 г. там же в Валмиере⁸⁷. По просьбе магистра Ордена Плеттенберга, предложения по урегулированию состояния денежного хозяйства разработал один из просвещеннейших людей тогдашней Ливонии, бывший монах Буркхард Валдис⁸⁸. Осуществление его рекомендаций действительно могло улучшить создавшееся положение⁸⁹. К данным переговорам

готовились также города⁹⁰. Несмотря на все мероприятия, достичь обоюдно приемлимого соглашения сторонам не удалось.

В сентябре 1532 г. Плеттенберг в одностороннем порядке распорядился об увеличении количества шиллингов в фердинге до 12⁹¹. Этот шаг, который города предлагали сделать еще семь лет тому назад, был продиктован стремлением решить проблему утечки фердингов за границу. Но поскольку приостановить изъятие фердингов из обращения таким образом не удалось, чеканку этой монеты из-за дороговизны серебра вскоре пришлось прекратить⁹².

Использование своих делегатов в сословном представительстве в денежной политике городов в этот период существенной роли не играло. Судя по материалам Валмерского ландтага 1533 г.⁹³, вопрос о стоимости золотых денег не выдвигался городской курией на общее обсуждение, а рассматривался лишь в частном порядке между представителями Таллина и магистром Ордена⁹⁴. Однако (поскольку от беспорядков в монетном деле страдали все сословия Ливонии) во время ландтага в Вильянди в 1534 г. вновь стали раздаваться голоса о необходимости окончательного решения денежных проблем⁹⁵. Города и в 1534 г. по поводу путей их урегулирования твердо оставались на прежних позициях. Об этом свидетельствует письмо таллинского магистрата Плеттенбергу, где говорится: "Мы не знаем, что еще существенного на этот счет посоветовать более того, что можно найти в старых записях и соглашениях о монете, а именно, что серебряная монета в (Империи) немецкой нации установлена не иначе, как по образцу и стоимости рейнского золота (т.е. гульдена - И.М./"⁹⁶. Кроме того, таллинцы требовали разрешения на чеканку новых шиллингов в необходимом для обращения количестве, а также заключения надежного соглашения относительно стоимости находящихся в обращении разнообразных золотых монет⁹⁷.

Начиная со второй половины 30-х годов XVI в., обсуждение основных вопросов ливонского денежного дела постепенно вновь сосредоточилось на ландтаге. Но инициатива их выдвижения на рассмотрение сословий перешла к ландесгеррам и продолжала оставаться в их руках на протяжении всей второй трети XVI в. Тем не менее в большинстве случаев города не упускали возможности сказать при этом и свое слово.

Рижане, таллинцы и тартусцы активно участвовали в дебатах Валмиерского ландтага 1535 г., где среди других обсуждался вопрос о вреде, причиненном ливонскому денежному хозяйству в результате ввоза из России фальшивых монет⁹⁸. Но особенно усердно во второй половине 1530-х годов города занимались разработкой вышеупомянутого соглашения относительно курсов иностранных золотых монет. Этот вопрос был поднят на встрече городских делегатов с руководством Ордена, которая состоялась в конце февраля - начале марта 1537 г. в Цесисе. Главным аргументом горожан была ссылка на беспокойные времена и опасные условия для мореходства, из-за чего у купцов якобы появилась склонность вывозить из Ливонии вместо товаров золото⁹⁹. Поскольку понижение курсов золотых монет могли только усилить такую тенденцию, города требовали оставить их неизменными. Единственное исключение составляли крузаты (их стоимость предложили установить в размере 8 марок и одного фердинга). Делегаты городов проявляли также свою озабоченность обесцениванием крупных серебряных йоахимсталеров. Они подчеркивали, что в торговле с русскими эту монету невозможно использовать, и поэтому приходится менять товар на товар¹⁰⁰. Рижане, таллинцы и тартусцы даже приняли специальное решение о необходимости каждому городу вручить упомянутые предложения магистру в отдельности, очевидно, для того, чтобы напомнить о них несколько раз и создать представление об

их особой важности¹⁰¹.

Однако на состоявшемся в сентябре 1537 г. Валмиерском ландтаге города были вынуждены признать, что все вышеописанные их старания не дали результатов¹⁰² и им вновь пришлось защищать свои взгляды в острой дискуссии с феодалами¹⁰³. Сравнение имеющихся в нашем распоряжении очень подробных сведений о курсах, предлагаемых для каждой монеты городам¹⁰⁴, орденой курией¹⁰⁵, архиепископом¹⁰⁶ с таблицей курсов в итоговом рецессе ландтага¹⁰⁷ показывает, что в целом города потерпели поражение. Курс почти всех золотых монет, за исключением рейнского гульдена, был установлен ниже, чем рекомендовали города¹⁰⁸. Но в то же время упомянутые в рецессе ландтага высокие штрафы и конфискация денег, грозившие нарушителям данного постановления, говорят о стремлении купечества его обойти.

На ландтаге в Цесисе в сентябре 1542 г. магистром Ордена Германом Брукгензеем было предложено вновь обсудить положение, создавшееся с золотыми монетами, а также общие недостатки монетного дела Ливонии¹⁰⁹. Как к этому отнеслись города, источники не сообщают. Их позицию в какой-то мере можно проследить по данным о следующем ландтаге, который состоялся в Валмиере 5 месяцев спустя. Во время его работы делегатами Риги, Таллина и Тарту магистру Ордена были представлены предложения по решению ряда важных для городов вопросов¹¹⁰, в том числе денежных. Безрезультатность хлопот горожан о перестройке ливонской денежной системы на основе стоимости рейнского гульдена в это время была налицо, и главной задачей своей денежной политики они теперь считали борьбу за сохранение монетной стопы на прежнем уровне, с тем, чтобы не допустить чеканку монет ниже их ранее установленной стоимости¹¹¹.

Но в условиях, когда продолжали действовать рассмотренные выше факторы, вызвавшие постоянное уменьшение содержания серебра в монетах, остановить падение стоимости денег не удалось, и поэтому на последующих ландтагах продолжались поиски выхода из затруднений в денежном хозяйстве. Во второй половине июля 1546 г. на ландтаге в Валмиере магистр Ордена Герман Брюггенэй предложил вновь рассмотреть вопрос об ухудшении ливонских серебряных монет¹¹². Чем ответили горожане, неизвестно. Разработанные магистратом Нового Пярну предложения остались непредставлены ландтагу, но их обсуждение и переписка этого времени свидетельствуют о том, что города тогда продолжали заниматься проблемами денежного дела¹¹³. Следующим мероприятием, с помощью которого ландесгерры намеревались оздоровить денежное хозяйство, было издание в феврале 1547 г. рижским архиепископом Вильгельмом совместно с магистром Ордена Германом Брюггенэйем специального постановления, согласно которому впредь по стопе, установленной в 1531 г., следовало чеканить только мелкие монеты - шиллинги и пфенниги, а выменивание на мелочь находящихся в обращении серебряных монет крупных номиналов и золотых денег запрещалось, чтобы предотвратить их утечку за границу.¹¹⁴ Практически это означало отказ от выпуска ливонских серебряных монет крупных номиналов.

Но растущий внешний и внутренний товарооборот порождал потребность в крупных денежных единицах¹¹⁵, а участники Валмиерского ландтага 1548 г. вновь были вынуждены признать, что, несмотря на все ранее предпринятые горожанами и ландесгеррами шаги, недостатки в монетном деле приносят стране убытки и ущерб¹¹⁶. Представители Риги, Таллина и Тарту продолжали придерживаться ранее высказанного мнения о необходимости добиться устойчивости монетной стопы. Очевидно не без активного участия

городов было принято следующее решение. Сославшись на аналогичные действия в Германской Империи, курии ландтага сочли нужным принять меры к обеспечению создания "правильной и устойчивой монеты"¹¹⁷. Далее, определялась стоимость в ливонских денежных единицах ряда иностранных золотых и серебряных монет и предлагалось добиться урегулирования соотношения между разными видами денег. Еще раз был повторен запрет "предоставлять старые фердинги и старые шиллинги чужим людям, которые их вывозят из страны"¹¹⁸. Но старания ландтага сбалансировать стоимость обращавшихся в Ливонии монет разных видов, взяв за основу стабильную местную серебряную монету, были бесполезны. Из-за дороговизны серебра чеканка устойчивой монеты была невозможной.

В начале 50-х годов денежное хозяйство претерпело новые изменения. Предложения для их осуществления разработали монетные мастера Риги, Таллина и Тарту¹¹⁹. Затем, по всей видимости, они были утверждены ливонскими сословиями на одном из ландтагов¹²⁰. По мнению авторов нового проекта, главной причиной невзгод денежного дела являлось отсутствие в Ливонии собственной добычи серебра, ставившей производство монет в зависимость от условий его обращения на международном рынке. Поэтому чеканщики монет предложили первым делом установить твердую стоимость ввозимого серебра и самой крупной серебряной монеты - талера, а для желающих продавать этот ценный металл русским обязательную его предварительную продажу монетным дворам в объеме $\frac{1}{8}$ от предусмотренного для вывоза количества¹²¹. Затем по довольно правильно определенной монетной стопе, что исключало возможность спекулятивным элементам скупать крупные серебряные монеты за мелочь¹²², предлагалось возобновить чеканку монет крупных номиналов - фердингов, полумарок и марок, а из мелких монет,

как и раньше, выпускать шиллинги и пфенниги¹²³. Хотя монетные мастера работали в городах под руководством магистратов, нельзя считать, что этот документ полностью отражает точку зрения должностных лиц Риги, Таллина и Тарту. Так, например, требование о принудительной продаже серебра монетным дворам вряд ли было выдвинуто по инициативе купечества, но как к этим предложениям отнеслись посланцы городов на ландтаге, неизвестно.

Введенные в начале 50-х годов меры все же не смогли остановить падение стоимости денег, так как дороговизна серебра по-прежнему вынуждала ухудшать монетную стопу. На Валмиерском ландтаге 1554 г. вместе с подтверждением прежних решений была подчеркнута необходимость принимать монеты, которые "легче" не по номинальной, а по реальной стоимости¹²⁴. Тем самым ландтаг фактически сам признал свою неспособность справиться с денежными проблемами.

После этого на ландтагах никакие принципиальные решения по денежным вопросам вплоть до конца существования Ливонской конфедерации не принимались¹²⁵. Лишь однажды во второй половине 1550-х годов - на Валмиерском ландтаге в начале лета 1557 г. - города проявили при их обсуждении сколько-нибудь заметную активность¹²⁶. Но, как и раньше, никаких практических результатов это не дало¹²⁷.

Итак, в конечном итоге деятельность горожан на ландтагах не принесла улучшения ливонскому монетному делу. Но сама борьба с феодалами по этим вопросам на ландтаге являлась важнейшей составной частью денежной политики Риги, Таллина и Тарту. Именно этому органу города представляли свои основные проекты по урегулированию денежного дела, именно здесь горожане защищали эти проекты от критики феодалов. Вместе с тем активность курии городов на ландтаге была постоянной и неравномерной. Действия

представителей Риги, Таллина и Тарту ограничивались сложностью неразрешенных в средневековые денежные проблем /непрекращающееся обесценивание монет и в связи с этим рост стоимости серебра, ошибки в расчетах стопы, путаница в чеканке мелких номиналов и т.д./, которые были вызваны самой спецификой феодальных производственных отношений¹²⁸. Более активному использованию горожанами ландтага в денежной политике препятствовали также постоянные разногласия между ними и феодалами при поиске путей решения данных проблем, так как и те и другие при этом неизменно руководствовались своими узкословными интересами.

В результате в денежной, так же как и в торговой политике городов периоды подъема чередовались с периодами относительно упадка. На основе имеющихся очень скудных источников сведений можно предположить, что на протяжении всего XV столетия денежная политика городов на ландтаге носила преимущественно пассивный характер. Вместе с тем некоторые косвенные данные говорят о том, что авторитет городов при обсуждении денежных вопросов на ландтаге в этот период постепенно укреплялся. Если в 20-х годах XV в. ландесгерры особо внимательны к мнению горожан не обращали, то уже в 70-х годах они идали от бургерства конкретной помощи в решении денежных проблем. В конце столетия положение городов на ландтаге было уже настоялькo прочным, что феодалы, принимая решения по денежным вопросам, должны были не только прислушиваться к мнению горожан, но и считаться с ним. Несмотря на это, в конце XV и в первой десятилетии XVI в. ландтаг^В денежной политике городов использовался еще сравнительно мало.

Положение изменилось во втором десятилетии XVI в. В 1514 г. города на рассмотрение сословий представили проект, с помощью которого предполагалось вывести ливонское денежное хозяйство

из затруднений. Но, поскольку его авторы допустили ошибки в расчетах, а также из-за трудностей с приобретением серебра, реализовать его не удалось.

После основательного изучения имевшихся в денежном деле недостатков городская курия в 20-х и начале 30-х годов представила сословиям ряд новых предложений. Однако они остались нереализованными как из-за объективных трудностей, так и из-за того, что во многом несоответствовали экономическим интересам феодалов.

Начиная с середины 1530-х и до конца 1550-х годов основная инициатива на ландтагах в поиске выхода из накопившихся в ливонском денежном хозяйстве затруднений находилась в руках ландесгерров. На этом этапе городская курия по мере возможностей боролась за то, чтобы в ходе решения этих вопросов феодалами были учтены интересы бюргерства.

Сравнительно большое внимание, которое Рига, Таллин и Тарту уделяли своей денежной политике на ландтаге, было не случайным. Заседания этого органа были единственным местом, где города постоянно участвовали в обсуждении общеливонских денежных проблем на высшем уровне. Разумеется, такой слабый и весьма маловлиятельный институт как ландтаг, часто неспособный обеспечить выполнение собственных постановлений, был не в силах решить эти сложные вопросы. Но учитывая существование правила /хотя часто чисто теоретического/, запрещающего вносить какие-либо изменения в монетное дело Ливонии без согласия всех сословий¹²⁹, города, лишенные права на чеканку монет, через ландтаг получили некоторый доступ к управлению денежным хозяйством и тем самым возможность влиять на его развитие.

Глава IV

ПОЛИТИКА В ВОПРОСЕ О ВЫДАЧЕ УБЕЖАВШИХ В ГОРОДА КРЕСТЬЯН

Забота о торговых интересах купечества, являвшаяся основной задачей экономической политики Риги, Таллина и Тарту, не ограничивалась борьбой за закрепление преимуществ ливонского бюргерства перед иностранными и местными конкурентами. Она включала в себя также комплекс вопросов, связанных с обеспечением необходимых для торговли материальных условий. Первостепенное значение в этом плане имел вопрос о рабочей силе, используемой для транспортировки, погрузки и разгрузки товаров и выполнения других подсобных работ.

Решать проблему рабочих рук купечеству во многом помогал приток населения из деревни. Среди латышских и эстонских крестьян было немало лиц, желавших переселиться в города. Хотя и здесь они пополняли массу политически бесправных низших слоев населения, бегство крестьян в город обычно было связано с надеждой несколько улучшить свое экономическое положение и спастись от господского самоуправства¹. Но феодалы, прежде всего мелкое и среднее рыцарство, препятствовали крестьянским побегам. Действовали они организованно, используя имеющиеся политические институты, в том числе и ландтаг².

Участие в работе сословного органа представителей городской верхушки Риги, Таллина и Тарту гарантировало бюргерству возможность вести политическую борьбу за право не выдавать убежавших в города крестьян. Выступать в их защиту городских делегатов побуждала отнюдь не забота о латышах и эстонцах. Принципиальным противником крепостного права бюргерство не являлось. Его кон-

флинтки с феодалами по поводу невыдачи убежавших крестьян возникали в основном из-за нежелания рыцарства считаться с особыми экономическими интересами городов, требовавшими постоянного притока рабочей силы извне³.

Активную заинтересованность в решении вопроса о возвращении крестьян, убежавших в другое имение, город или за границу, феодалы стали проявлять еще задолго до того, как в 20-х годах XV в. начал действовать обделивонский ландтаг⁴. В XIV в. и первых десятилетиях XV в. главное внимание они уделяли розыску беглецов, задолжавших феодальную ренту, плату за пользование скотом, денежные штрафы и другие платежи, которые взимались как в натуральном виде, так и серебром. Часть этой категории крестьян попадало в долговое рабство и превращалось в дремлов (холопов), т.е. людей, находившихся в полной зависимости от феодалов⁵.

Поиску и возвращению беглецов затрудняло отсутствие строгого, всеобъемлющего порядка их выдачи. Важную роль в его установлении сыграло решение Валкского ландтага 1424 г., предусматривавшее обязательную выдачу крестьян-должников и дремлов. Беглец имел право не возвращаться к прежнему господину лишь в том случае, если новый хозяин уплачивал за него долг⁶.

Инициатива принятия этого постановления ландтага, судя по всему, принадлежала феодалам и, прежде всего, рыцарству⁷. Они этим не только урегулировали вопрос о долгах и самих должниках, но и присвоили себе право распоряжаться личностью определенной категории крестьян⁸.

Что касается городов, то они от включения этого пункта в рещесс ландтага 1424 г. особенно не пострадали и серьезных причин для активного выступления против принятия упомянутого решения у них, на наш взгляд, не было⁹. Ландтаг 1424 г. лишь узаконил уже существовавший на практике порядок. Свободу передвиже-

ния основной массы крестьян его постановление не ограничивало, а в отношении беглецов-должников оно гарантировало бургерству возможность оставить, уплатив определенную сумму, нукного работника в городе.

В дальнейшем феодалы стали стремиться к ограничению свободы передвижения остальной массы крестьян. В XV в. в этом направлении был сделан ряд конкретных шагов. Поскольку наибольший материальный ущерб феодалам наносил уход держателей сошных дворов, от которых поступала львиная доля ренты, во второй половине столетия для их возвращения был учрежден институт "сошных судей" (гакенрихтеров). Кроме того для облегчения поиска и выдачи беглецов между правителями ливонских государств и их вассалами стали заключаться соглашения о взаимной выдаче крестьян¹⁰.

Сами по себе эти мероприятия, направленные на прикрепление крестьян к конкретным имениям, были противоположны интересам Риги, Таллина и Тарту. Однако с их помощью феодалы подвергли контролю в основном передвижение крестьян в сельской местности, при чем только в отдельных ограниченных регионах. Предотвратить уход последних в город или за границу они не могли¹¹. Судя по всему, путь, по которому на протяжении XV в. развивался ход закрепощения крестьян, экономические интересы городов непосредственно еще не затрагивал. Поэтому причины поднимать дискуссии по этим вопросам на ландтаге у горожан не было. С другой стороны, и сам ландтаг в XV столетии в деле ограничения личной свободы крестьян существенной роли, за исключением упомянутого постановления 1424 г., не играл¹². Процесс их постепенного закабаления в это время протекал на местной, территориальной основе¹³. В результате борьба за обеспечение притока в города дешевой рабочей силы в XV в. еще не стала актуальной задачей экономической политики Риги, Таллина и Тарту на ландтаге.

Противоречия между феодалами и бургерством в вопросе о выдаче убежавших в города крестьян резко обострились лишь на рубеже XV и XVI столетий, когда в условиях интенсивного развития мызно-барщинного хозяйства потеря каждой пары рабочих рук начала приносить феодалам очевидный материальный ущерб. Вассалы-помещики стали стремиться к безоговорочному возвращению убежавших крестьян всех категорий, другими словами - их полному закрепощению¹⁴.

Основная инициатива выдвижения подобных радикальных требований на ландтаге принадлежала курии вассалов, возглавляемой политически наиболее активной их частью - рыцарством из Хартума и Вирумаа. С точки зрения классовых интересов мнение вассалов разделяли также ландесгерры, хотя они были вынуждены придерживаться несколько более гибкой политики. Как крупные землевладельцы ландесгерры были заинтересованы в обеспечении своих хозяйств рабочей силой, но в качестве глав государств и феодальных сеньеров городов они не имели права игнорировать интересы экономических и военно-стратегических центров страны. Таким образом к концу XV в. на ландтаге сложилась напряженная обстановка. Рыцарство требовало решить вопрос о выдаче убежавших в города крестьян с учетом исключительно интересов феодалов, города по мере своих возможностей этому противились, а ландесгерры, придерживаясь политики лавирования, старались найти обоюдное приемлемое решение.

В борьбе за крестьян у вассалов по сравнению с бургерством были более предпочтительные шансы. Это объясняется не только вышеупомянутой близостью экономических и классовых интересов ландесгерров и рыцарства. Несмотря на то, что в курию вассалов входили представители рыцарства из разных государств, на ландтаге они представляли собой единую сплоченную корпорацию. Это

позволяло вассалам наступать на города объединенными силами. Отразить их мощный натиск городской курии было нелегко. На основные причины ее относительной слабости на ландтаге мы уже обратили внимание¹⁵. Одним из важнейших препятствий, мешавшим городам более тесно координировать свои действия в борьбе за крестьян, являлось различие в правовом положении Риги, Тарту и Таллина. Последнему в отличие от двух остальных было даровано любекское право, предусматривавшее, что крестьяне, прожившие в городе один год и один день, выдаче не подлежат¹⁶.

Это обстоятельство открывало перед Таллином более широкие возможности в борьбе за крестьян по сравнению с Ригой и Тарту.

Политическая обстановка, сложившаяся в Ливонии на рубеже XV - XVI вв., не позволила Риге и Тарту присоединиться к требованию Таллина о невыдаче крестьян, проживших в городе более одного года и одного дня. После поражения в войне с Орденом в 1491 г. Рига была вынуждена идти на уступки по целому ряду вопросов, в том числе дать свое согласие на безоговорочную выдачу всех убежавших в город крестьян¹⁷. Схожую позицию в этом вопросе занял также Тарту¹⁸. Свое согласие на задержание и выдачу беглецов представители обоих городов подтвердили на Валкском ландтаге 1492 г.¹⁹. В то же время таллинский бургомистр Иоганн Роттерт на нем гордо заявил, что в его городе в соответствии с традицией прадедовских времен крестьянам, их женам и детям предоставляется убежище²⁰.

Упомянутые различия стали главной причиной несходства целей политики трех городов, проводимой в вопросе о выдаче убежавших крестьян, Риге и Тарту, которые уже полностью уступили феодалам, оставалось надеяться лишь на возможность уклониться от выполнения своего обещания о безоговорочной выдаче всех крестьян²¹. Совершенно иные задачи стояли перед Таллином, кото-

рому приходилось давать отпор устремлениям рыцарства Северной Эстонии поставить город в одинаковое положение с Ригой и Тарту. В результате на рубеже XV и XVI вв. городская курия в борьбе за невыдачу убежавших крестьян не смогла разработать единую платформу, и делегаты Риги, Таллина и Тарту на ландтагах действовали разрозненно. На разобщенность проводимой ими в это время политики указывает один из пунктов Валмиерского городского съезда 1504 г., гласивший, что в вопросе о выдаче беглецов каждому из городов надлежит поступать в соответствии со своими возможностями²².

Без какой-либо поддержки со стороны остальных двух городов, таллинским делегатам пришлось противостоять притязаниям рыцарства Харьмаа и Вируммаа на ландтагах в Валке в 1495 и 1498 гг.²³. После того, как решить проблему по существу, здесь не удалось, обе стороны обратились к магистру Ордена Волтеру фон Плеттенбергу. С его помощью к 1500 г. было достигнуто компромиссное соглашение. Обнаруженных рыцарями или их слугами скрывающихся в городе сошных крестьян таллинский магистрат обязывался задерживать и помещать в тюрьму. Там беглецы за счет феодала должны были содержаться на воде и хлебе до тех пор, пока не изъявят добровольного желания покинуть город. В то же время за Таллином сохранялось право не выдавать членов семьи хозяина сошного двора, малоземельных крестьян (бобылей) и работающих по найму (лострейберов), на которых подобные меры воздействия не распространялись²⁴.

С заключением этого соглашения Таллин признал, что в принципе сошные крестьяне являются крепостными феодалов. Но поскольку порядок их выдачи был связан с несколькими оговорками, уступки города следует расценивать как не очень существенные.

Вассалов, стремившихся к немедленному возвращению убежавших крестьян, достигнутая договоренность не устраивала, и отношения Таллина с рыцарством Харьюмаа и Вирумаа продолжали оставаться напряженными. Об этом свидетельствуют претензии вассалов, выдвинутые городу на ландтагах в 1501 и в январе 1503 гг.²⁵. Ситуация еще больше обострилась после того, как в ходе первого десятилетия XVI в. между ландесгеррами и рыцарством сааре-ля-энеских и орденских эстонских земель были заключены три новых соглашения, значительно расширивших права вассалов распоряжаться личностью крестьян²⁶. Последнее из них - соглашение 1509 г. - предоставляло рыцарству орденских земель в Эстонии право требовать убежавших в другое имение крестьян всех категорий в течение тридцати лет²⁷. После его заключения вассалы стали настойчиво добиваться применения этого же правила при выдаче крестьян из Таллина²⁸. Не менее решительно в это же время действовал нарвский фогт, который в 1510 г. конфисковал товары таллинских купцов и обещал их вернуть лишь при условии возвращения ему убежавших в город крестьян²⁹.

Таким образом в начале второго десятилетия XVI в. положение Таллина в борьбе за крестьян серьезно осложнилось. Вопрос о способах и перспективах ее продолжения обсуждался на Валмиерском городском съезде 1512 г. Сам факт обсуждения проблемы между представителями Риги, Таллина и Тарту свидетельствует о возникновении внутри городской курии некоторой тенденции к более тесному сотрудничеству, а решение съезда о выдвигании данного вопроса на рассмотрение следующего ландтага³⁰ - о произошедшем в это время возрастании роли ландтага в борьбе городов за крестьян.

В соответствии с принятым решением делегаты Таллина предложили урегулировать вопрос о выдаче убежавших крестьян ландтагу,

собрались в Вальвере в августе 1513 г.³¹. Их требования по сравнению с предшествовавшим периодом стали более умеренными. Речь шла о правах Таллина не выдавать семейных держателей сошных дворов, проживших в городе более 30 лет, а также бобылей и лострейберов³². Но рыцарство отказалось признавать какие-то особые права Таллина, обвинило его в издании "необычных законов" и настаивало на праве преследовать убежавших крестьян на территории города³³. В свою очередь представители таллинского магистрата решительно отклонили это требование, которое посягало на право горожан распоряжаться на собственной территории³⁴. В конечном итоге высказанные на ландтаге в адрес бургерства угрозы и острая словесная перебранка ни к чему кроме еще большего обострения конфликта не привели³⁵.

Дальнейшие события развивались с нарастающей стремительностью. В конце 1513 г. достигнутое 13 лет тому назад соглашение вассалы объявили недействительным³⁶. В ответ на это Таллин перестал считать себя обязанным выполнять условия соглашения о содержании под стражей семейных сошных крестьян и заявил, что в вопросе о выдаче беглецов будет поступать "согласно старым обычаям" - т.е. вернется к порядку, существовавшему в XV в. Для обоснования своей позиции он ссылался на любекское право, предусматривавшее свободный приток населения в город³⁷. Вассалы же исходили из того, что Таллин должен безоговорочно выдавать всех убежавших крестьян, за исключением в нем родившихся или проживших более 30 лет. Невыдача безземельных лострейберов и слуг допускалась лишь при условии, если они в деревне не оставили за собой долгов³⁸.

Готовясь продолжить дискуссию на следующем ландтаге, рыцарство Харьумаа и Вирумаа сформулировало свои претензии к Таллину в виде длинной письменной жалобы. Однако собравшиеся в ко-

ле 1514 г. в Валмиере сословия возвращение к обсуждению этого вопроса считали нецелесообразным, и по предложению Плеттенберга рассмотрение дела было поручено таллинскому епископу Кристиану Чернекову³⁹. Осуществлению этого примиренческого плана помешала смерть Чернекова, после чего роль третейского судьи вновь взял на себя сам магистр Ордена и его канцлер Герман Ренненберг⁴⁰.

С их помощью в сентябре 1515 г. стороны, наконец, заключили новое соглашение, представлявшее собой новый вариант компромисса. Таллин согласился на выдачу сошных крестьян через посредничество городского суда в порядке, установленном в 1500 г. (т.е. не допуская гахенрихтеров на городскую территорию). Новым в соглашении 1515 г. являлось обязательство города выдавать таким же путем старшего сына держателя сошного двора, а в случае утери работоспособности или старческой немощи последнего выдавать кроме старшего еще одного из братьев. Младшие члены семьи сошного крестьянина, равно как и бобыли и лострейберы (если только они своим уходом не нарушили договор найма), могли оставаться в городе и по истечении одного года и одного дня приобретали полную личную свободу⁴¹. Но самое крупное достижение Таллина отражал пункт соглашения, ограничивавший срок подачи заявлений на задержание сошных крестьян до одного года и одного дня. По истечении этого срока, который для данной категории крестьян устанавливался впервые, беглец выдаче не подлежал⁴².

Источники не дают ответа на вопрос о мотивах, побудивших в 1515 г. вассалов принять такие условия соглашения. Уже на следующем ландтаге, состоявшемся в июне 1516 г. в Валмиере, рыцарство Харьмаа и Вирумаа заявило о своем недовольстве его содержанием и вновь обрушилось нападками на Таллин⁴³. Вассалы требовали заключения другого соглашения⁴⁴ и добились образова-

ния нового третейского суда в составе рижского архиепископа Яспера Линде и курземского епископа Генриха Базедова. Выслушав во время ландтага аргументы спорящих сторон, оба сановника еще до закрытия собрания объявили о своем решении. Таллину ставилось в обязанность выдавать крестьян на тех же условиях, которыми руководствуются остальные города⁴⁵.

Таллин, действовавший на ландтаге по-прежнему в одиночестве, был не способен предотвратить принятие этого с точки зрения города крайне неблагоприятного решения⁴⁶. Делегаты Риги и Тарту на происходящее на ландтаге продолжали смотреть как бы со стороны и, судя по рецессу, получили от таллинцев лишь очень краткую информацию о претензиях вассалов, контраргументах Таллина и неудачном исходе его борьбы⁴⁷.

После событий 1516 г. конфликт между Таллином и северэстонским рыцарством вспыхнул с новой силой. Теперь для защиты своей точки зрения стороны ссылались на разные документы - город на соглашение 1515 г., вассалы на решение третейского суда 1516 г. Поскольку ландтаг необходимой для разрешения спора властью не обладал, а после единоличного вмешательства магистра и епископов положение еще больше запуталось, во второй половине 1510-х годов в урегулирование конфликта были вовлечены две зарубежные инстанции - магистрат Любека и папская курия. Ни первая, ни вторая не могла подойти к спору объективно уже потому, что получаемая информация носила односторонний характер. Если Любеку подробности конфликта в основном освещали таллинцы, то папская курия узнавала о них от прелатов, защищавших, как известно, позицию рыцарства. Это вело к предвзятости в оценках, и в конечном итоге предпринятые иностранными инстанциями меры сдвинуть дело с мертвой точки не помогли⁴⁸.

В то же время не исключено, что именно вмешательство в конфликт Любека оказалось решающим фактором, заставившим Ригу и Тарту занять в споре Таллина с северозападным рыцарством более активную позицию. После того как летом 1517 г. в ходе состоявшихся на съезде ганзейских городов переговоров Таллину удалось убедить Любек в своей правоте, глава Ганзы поручил Риге и Тарту обсудить обстоятельства данного дела с магистром Ордена⁴⁹.

Год спустя рижане и тартусцы уже готовились выступить в качестве посредников между спорящими сторонами⁵⁰. Таллинцы с благодарностью приветствовали их инициативу на состоявшемся в январе 1519 г. в Риге съезде ливонских городов⁵¹. Сведения о дальнейших конкретных действиях Риги и Тарту в этом направлении в источниках не сохранились. Тем не менее занятая ими в конце 1510-х годов активная позиция способствовала изменению линии поведения делегатов обоих городов в случаях, когда вопрос о выдаче убежавших крестьян рассматривался на последующих ландтагах.

Отсутствие соответствующих источников не позволяет проследить за тем, как происходила консолидация сил городской курии в борьбе за крестьян. Можно лишь предположить, что в первой половине 20-х годов XVI в. существенные сдвиги в этом направлении еще не произошли. Во-первых, спор Таллина с рыцарством Харькумаа и Вируммаа под воздействием сближения городов и вассалов в первые годы реформации временно затих⁵². Во-вторых, сплочению городской курии не способствовало произошедшее в эти годы обострение торговых отношений между Ригой, Таллином и Тарту.

В 1525 г. сотрудничество вассалов с городами прекратилось и проблема выдачи убежавших крестьян вновь появилась на повестке дня ландтага. На Валмиерском ландтаге в марте 1526 г. в этом

вопросе делегаты всех трех крупнейших ливонских городов выступали уже совместно. Стойкость Таллина, сумевшего в течение первых двух десятилетий XVI в. не уступить мощному натиску вассалов, открыла некоторые новые возможности в борьбе за крестьян также для Риги и Тарту. Оба города, сопротивление которых феодалам удалось сломить еще в конце XV в., теперь стали бороться за закрепление за собой по меньшей мере части тех прав, которые удалось отстоять Таллину. Активизация их политики стала возможной благодаря тому, что крупнейший город Ливонии - Рига - к этому времени полностью преодолел последствия поражения в войне с Орденом. Но особенно политический авторитет городов в стране укрепился после того, как бюргерство продемонстрировало свою силу во время событий реформации⁵³.

На Валмиерском ландтаге в марте 1526 г. Рига, Таллин и Тарту совместно требовали права "по истечении одного года и одного дня не возвращать из городов крестьян, не имеющих своей земли и не являющихся сошниками"⁵⁴. К сожалению, отношение феодальных сословий к этому предложению, которое, как видим, было высказано в осторожной форме (сошные крестьяне не учитывались), источники не отражают. Тем не менее это не мешает констатировать, что в политике городской курии в вопросе о выдаче убежавших крестьян наступил новый этап. Судя по имеющимся данным, впредь на ландтагах 30-х - 50-х годов XVI в. все три города всегда действовали сообща. Основную задачу городской курии в этот период можно сформулировать так: совместными усилиями не дать вассалам в процессе поиска решения проблемы навязать бюргерству новые невыгодные условия выдачи крестьян.

В конце 1531 г. прозвучал призыв Плеттенберга заключить на Валмиерском ландтаге в феврале 1532 г. всеобъемлющее соглашение, регулирующее выдачу убежавших крестьян на территории всей Ливо-

нии. Таллин еще за месяц до начала собрания дал на это резко отрицательный ответ⁵⁵. Вряд ли следует сомневаться, что в данном случае он отражает позицию всех ливонских городов, выступавших против полного закрепления крестьян. В итоговом рецессе ландтага сословия были вынуждены зафиксировать, что до принятия нового единогласного решения относительно выдачи убежавших крестьян сохраняется порядок, основанный на "прежних соглашениях и старом обычае"⁵⁶. Этот документ лишней раз свидетельствует о слабости ландтага, его неспособности не только претворить в жизнь, но даже разработать и принять общее окончательное постановление. Остроумное замечание в этой связи высказал Р.Вишпер: вассалы добивались утверждения наследственного, "вечного" права на крестьян, а между тем держалось оно на временных договорах, которые рыцарство умоляло соблюдать⁵⁷.

Так как добиться выполнения своих решений ландтаг был неспособен, экономические интересы Риги, Таллина и Тарту практически не пострадали даже в тех случаях, когда городская курия не смогла предотвратить принятие постановлений, полностью удовлетворяющих требования вассалов. Так на Валмиерском ландтаге в 1537 г. было объявлено о том, что городам также как феодалам в деревне следует по первому востребованию безоговорочно выдавать наследственных (т.е. крепостных) крестьян (*erfburen*)⁵⁸. Рига, Таллин и Тарту это решение ландтага просто игнорировали⁵⁹, и феодалы были вынуждены еще не раз вернуться к обсуждению проблемы. В конце 1530-х и в 1540-х годах ею занимались как разные судебные инстанции⁶⁰, так и ландтаг. Ничего от этого, конечно, существенно не изменилось. Требование о безоговорочной выдаче крестьян повторяется в рецессах Валмиерского ландтага 1548 г. и собрания сословий, состоявшегося в Пярну в 1552 г.⁶¹.

Открытая борьба по этому поводу между городами и феодалами происходила на Валмерском ландтаге 1554 г. Судя по материалам переговоров, состоявшихся во время собрания между делегатами Риги, Таллина и Тарту, города выступали за сохранение существующего на практике порядка выдачи крестьян. В арсенале их аргументов была ссыла на городские права и старые соглашения⁶². Рижане, таллинцы и тартусцы заранее договорились, что в случае попытки феодалов принять неблагоприятные для бюргерства решения, городская курия будет громко протестовать⁶³. Феодалы действительно продолжали неуклонно проводить свою линию, ссылаясь при этом так же, как и города, на ранее заключенные (очевидно другие, более выгодные для вассалов) соглашения и рецессы прежних ландтагов⁶⁴. В итоге Риге, Таллину и Тарту добиться подтверждения права не выдавать крестьян, проживших в городах более одного года и одного дня не удалось⁶⁵. Ландтаг принял решение, устанавливающее срок исковой давности крестьян в размере тридцати лет, против чего городские делегаты в соответствии с упомянутой предварительной договоренностью "самым сердитым образом... протестовали"⁶⁶. События 1554 г. свидетельствуют не только о высокой степени сплоченности и уверенности политики городской курии на заключительной фазе деятельности общеливонского ландтага, но и раскрывают один из приемов ее борьбы.

Судя по всему, попытка решить проблему выдачи убежавших крестьян, предпринятая сословиями в 1554 г., оказалась последней. Сведений об обсуждении этого вопроса на ландтагах второй половины 50-х годов XVI в. в имеющихся в нашем распоряжении источниках нет.

Анализ хода и результатов политики, проводимой городами в вопросе о выдаче убежавших крестьян, таким образом, показывает, что при реализации этого направления своей деятельности на

ландтаге Рига, Таллин и Тарту встречались с такими же трудностями, как при реализации торговой и денежной политики. Поскольку для того, чтобы реально решить проблему ландтаг был слишком слаб, ее обсуждение в высшем ливонском сословно-представительном органе превратилось в многолетнюю дискуссию, в ходе которой города более или менее успешно отстаивали свое мнение. Наступающей стороной являлась курия вассалов, которая постоянно старалась навязать городам невыгодные условия выдачи крестьян. Городская курия была вынуждена придерживаться оборонительной тактики и ее политика на ландтаге зависела от поведения феодалов.

На протяжении XV столетия в отношениях между городами и вассалами царило относительное спокойствие. Ситуация изменилась после того, как на рубеже XV и XVI вв. в условиях быстро развивающегося мызно-барщинного хозяйства феодалы стали активно выступать за предотвращение ухода крестьян в города. Однако, на протяжении всей первой четверти XVI в. сопротивление этой тенденции оказывал лишь один из представленных на ландтаге городов - Таллин. Рига и Тарту, уступившие феодалам в вопросе о выдаче крестьян еще на рубеже XV и XVI вв., заняли на ландтаге пассивную позицию.

Присоединение обоих городов к борьбе Таллина произошло во второй половине 1520-х годов. Начиная с этого периода, города на ландтаге стали действовать сплоченно и уверенно, совместно ограничивая стремление феодалов к полному прикреплению крестьян к земле. В 1530-х - 1550-х годах в ходе обсуждения вопроса о выдаче убежавших в города крестьян Рига, Таллин и Тарту добивались того, чтобы при его решении была учтена потребность городов в притоке рабочей силы. В случае отклонения своих требований города заявляли протест, а в повседневной жизни постановления

ландтага о безоговорочной выдаче крестьян отказывались выполнять.

Отсутствие в Ливонии сильной централизованной государственной власти и относительная самостоятельность ее крупнейших городов не позволила феодалам осуществить полное и окончательное закрепощение крестьян. Сломить сопротивление городов, которые умело использовали в своих интересах слабость ландтага, им так и не удалось.

З а к л ю ч е н и е

Ливонский ландтаг в XV и первой половине XVI в. выполнял функции связующего звена между отдельными частями страны. Его задача состояла в том, чтобы защищать внешне- и внутривполитические интересы правящих сословий в общеливонском масштабе. Между тем представленные на ландтаге прелаты, Орден, вассалы и города свое участие в его работе рассматривали прежде всего как одно из средств, с помощью которого возможно было закрепить определенные преимущества в той или иной области перед другими политическими группировками. Преобладание в политике каждого из сословий частных интересов над общеливонскими и их нежелание идти на взаимные компромиссы не позволяли ландтагу действовать в достаточной степени эффективно. Его влияние и авторитет подрывало также отсутствие аппарата исполнительной власти, в результате чего реализация принятых на собрании решений зависела от доброй воли его участников.

Главная задача, стоящая на ландтаге перед курией городов, заключалась в том, чтобы обеспечить бюргерству реальные преимущества в области торговли и наиболее тесно связанных с ней отраслях хозяйства. Однако ее осуществление, учитывая вышеупомянутые недостатки в деятельности ландтага, было весьма проблематично. Положение бюргерства осложнялось еще и тем, что феодалы сами стремились занять ведущие позиции во всех основных сферах экономической жизни Ливонии. Так как доминирование на ландтаге ландесгерры в экономических вопросах обычно поддерживали вассалов, города на собраниях часто оказывались в изоляции. Если в отдельных случаях феодалы и прислушивались к мнению бюргерства, то, в основном, лишь потому, что они объективно не были заинте-

ресованы в упадке экономических и военно-стратегических центров страны. Таким образом решения ландтага преимущественно отражали интересы феодалов-ландесгерров и вассалов. С практической точки зрения борьба, которую города вели против феодалов на ландтаге, давала бюргерству ничтожные результаты.

Учитывая сказанное, становится понятным, почему высший общеливонский сословно-представительный орган, каким являлся ландтаг, решающего значения в экономической политике городов не имел. Для осуществления ее конкретных задач бюргерство чаще всего предпочитало выбирать иные, более эффективные способы: переговоры с отдельными ландесгеррами, заключение соглашений с вассалами, решение экономических вопросов силами съездов представителей городов, обращение к ганзейским инстанциям и др. Конкретный выбор того или иного из названных вариантов зависел от характера решаемой проблемы, но даже вместе взятые эти средства не обеспечивали ливонским городам достижения всех целей, преследуемых их экономической политикой. Поэтому, несмотря на многие трудности, с которыми на ландтаге сталкивались Рига, Таллин и Тарту, использование участия своих делегатов в работе сословного органа сохраняло в политике городов некоторое значение. Не следует забывать, что именно здесь наиболее наглядно проявилось отношение феодалов к важнейшим экономическим проблемам страны, а постановления ландтага отражали официальную точку зрения ливонских сословий. Частые неудачи в своей политике на ландтаге бюргерство не воспринимало как трагическое несчастье, поскольку могло их компенсировать игнорированием тех решений собрания, которые не отвечали его интересам.

Таким образом, с одной стороны, слабость ландтага не позволяла бюргерству достичь в ходе реализации своей экономичес-

кой политики сколько-нибудь ощутимых практических результатов. Но с другой стороны, именно благодаря слабости ландтага, города смогли свести на нет все попытки, которые с целью ущемления их экономических прав предпринимались феодалами.

В целом экономическая политика городов развивалась на ландтаге неравномерно. Характер действий городских делегатов и степень их активности на каждом конкретном промежутке времени зависели от ряда обстоятельств: обстановки в стране и на международной арене, расстановки политических сил на ландтаге, уровня авторитета городской курии и взаимоотношений между Ригой, Таллином и Тарту.

На протяжении XV столетия экономическая политика городов на ландтаге носила пассивный характер. Рижане, таллинцы и тартусцы предпочитали экономические проблемы на рассмотрение сословий не выдвигать. Сказывался недостаточный авторитет городов на собраниях, который укреплялся медленно, и недостаточная сплоченность городской курии. С другой стороны, царившая на ландтагах этого периода атмосфера, не вынуждала горожан к более решительным действиям. Ландесгерры, которые задавали тон на собраниях, не проявляли заинтересованности в том, чтобы сословия активно занимались обсуждением торговых и других экономических проблем, а накал противоречий между вассалами и городами еще не достиг стадии открытой конфронтации.

На протяжении первых двух десятилетий XVI в. в экономической политике городов на ландтаге постепенно происходила переориентация на активные формы деятельности. Этот процесс ускорила необходимость противодействовать усилившемуся в этот период натиску со стороны феодалов (в особенности вассалов), которые стали открыто выступать против посредничества местного купечества в продаже ливонской сельскохозяйственной продукции на Запад.

Новый подход к активному использованию ландтага в борьбе за экономические интересы бюргерства отразился на развитии не только торговой, но и денежной политики и политики в вопросе о выдаче убежавших в города крестьян.

Успехи, достигнутые экономической политикой городов, на этом этапе были очень незначительны. В целом по всем ее основным компонентам она потерпела неудачу. Предложения горожан об урегулировании положения в торговле и в вопросе о выдаче убежавших крестьян феодалы считали для себя невыгодными и отклонили, а реализовать проект городов по перестройке денежного хозяйства не позволили объективные трудности и субъективные ошибки.

Существенно положение бюргерства на ландтагах улучшила реформация, начавшаяся в Ливонии в первой половине 20-х годов XVI в. Она позволила городам сблизиться с вассалами и сняла напряжение в отношениях между обеими странами по некоторым ранее остро дискутировавшимся вопросам. На ландтаге 1522 г. образовалась кратковременная коалиция городов и вассалов против ландесгерров и прелатов. Однако, одновременно обострившиеся между Ригой, Таллином и Тарту торговые противоречия не позволили бюргерству использовать сложившуюся благоприятную ситуацию в интересах своей экономической политики.

После того как во время реформации авторитет городов заметно возрос, они смогли существенно активизировать свою экономическую политику на ландтагах второй половины 1520-х и 1530-х годов. Выступления городов против феодалов стали значительно смелее, расширился также круг предложенных для обсуждения ими вопросов. На этом этапе бюргерству удалось добиться принятия отдельных для себя выгодных постановлений.

Менее удачной, хотя и по-прежнему сравнительно активной, была политика Риги, Таллина и Тарту на ландтагах 40-х и 50-х годов XVI в., где по всем основным экономическим вопросам верх взяла линия феодалов. На неблагоприятные решения собраний города отвечали резкими протестами и отказами их выполнять. В итоге реально вытеснить бюргерство из завоеванных им позиций в торговле и наиболее тесно связанных с ней отраслях экономики феодалам так и не удалось. Характерной особенностью 1540-х и 1550-х годов является полное единство взглядов Риги, Таллина и Тарту при обсуждении всех экономических вопросов на ландтагах, от отсутствия которого политика городов во многом страдала в предшествующие периоды.

Закономерным результатом наступившего в стране глубокого внутривполитического кризиса, о котором ярко свидетельствуют бесконечные споры на ландтагах 40-х и 50-х годов и полная неспособность высшего сословно-представительного органа противостоять процессу децентрализации, стала гибель Ливонской конфедерации. Уже в первые годы начавшейся в 1558 г. Ливонской войны отдельные ее части подчинились разным политическим властям. Тем самым ландтаг перестал существовать в качестве общеливонского института, и города были лишены возможности в дальнейшем ^{совместно} участвовать в сословном представительстве. В дальнейшем формы и методы ее ведения для каждого из городов имели специфичный и более индивидуальный характер.

Приложение

Ссылки и примечания

Введение

¹ По мнению известного советского историка-мелиевиста Е. В. Гутновой под бургерством следует понимать основной, всегда неоднородный слой населения средневековых городов, занятый ремеслом и торговлей. В рассматриваемый в диссертации период бургерство как сословие включало в себя все полноправное население городов (в том числе и городскую верхушку), за исключением плебейства. См. Гутнова Е. В. Роль бургерства в формировании сословных монархий в Западной Европе // Социальная природа средневекового бургерства XIII-XVII вв. - М.: Наука, 1979. - С. 52-54.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 21. - С. 407.

Обзор источников и литературы

¹ Bunge F.G. von. Zur Geschichte der Landtage in Liv- und Kurland während der bischöflichen und Ordens-Periode // Das Inland. - 1836. - N 3. - S. 43-44; Äbers Z. Landtāgs // Latviešu konversācijas vārdnīca. - Rīga: Gulbis, 1933. - 10. sēj. - 19965. sl.

² Stavenhagen O. Die Arbeiten für die Herausgabe der altlivländisch. Ständetagsakten. - Riga: Häcker Druck, 1894. - S. 26.

³ Там же.

⁴ На одном из ландтагов около 1530 г. феодалы приняли решение, с которым города были несогласны. Поэтому, как указывается в письме таллинского магистрата римскому, сообщение об

этом событии не было включено в городскую рещесс ландтага

Niltemaa V. Der Binnenhandel in der Politik der livländischen Städte im Mittelalter. - Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1952. - S. 331 (со ссылкой на зарубежный архив).

⁵ См. например: Akten und Rezesse der livländischen Ständetage / Bearb. von A. Bauer. - Riga: Bruhns, 1934-1938. - Bd. 2. - N 150 (1471); Ibidem / Bearb. von L. Arbusow sen. - Riga: Deubner, 1910. - Bd. 3. - N 28. - § 42-49 (1504); N 207, § 2-8 (1525).

⁶ Рещессы не составлялись по единому образцу и поэтому имеют разную степень подробности. Наиболее пространные тексты городских рещессов ландтагов превышают 20 рукописных листов.

⁷ Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558 - 1562 / Hrag. von F. Bienemann. - Riga: Kummel, 1865. - Bd. 1. - N 71. - S. 67-100.

⁸ Das rothe Buch inter Archiepiscopalia // Scriptores rerum Livonicarum. - Riga; Leipzig: Frangen, 1848. - Bd. 2. - S. 731-804.

⁹ Johann Renner's Livländische Historien. - Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1876. - 427 S.; Russow E. Chronika der Prouints Liflandt. - Rostock: Seitnern, 1584. - 136 S.

¹⁰ Stavenhagen O. Die Arbeiten für die Herausgabe der altlivländisch. Ständetagsakten. - Riga: Häcker Druck, 1894. - S. 18ff; Stavenhagen O. Die Arbeiten für... - 1897. - S. 15-20.

¹¹ Akten und Rezesse der livländischen Ständetage / Bearb. von O. Stavenhagen und L. Arbusow jun. - Riga: Deubner; Jonck und Pollewsky; Bruhns, 1907-1933. - Ed. 1 (1304-1459). - 786 S.; Ibidem / Bearb. von A. Bauer. - Riga: Bruhns, 1934-1938. - Ed. 2 (1460-1472). - 116 S.; Ibidem / Bearb. von L. Arbusow sen. - Riga: Deubner, 1910. - Ed. 3 (1494-1535). - 1000 S. (далее: AR).

12 Эти периоды не представлены также в другом фундаментальном издании источников по истории Ливонии: Liv-Esth- und Curländisches Urkundenbuch/Hrsg. von F.G.Bunge, H.Hildebrand, Ph. Schwartz, L.Arbusow sen., A.Bulmerincq. - Reval; Riga; Moskau: Kluge und Ströhm, Kummel, Deubner, 1855-1910. - Abt. 1. - Bd. 1-12 (1093-1472); Ibidem / Hrsg. von L.Arbusow sen. - Riga; Moskau: Deubner, 1900-1914. - Abt. 2. - Bd. 1-3 (1494-1510) (далее: LUB).

13 См.: Hollihn G. Die Stapel- u. Gästepolitik Rigas in der Ordenszeit (1201-1562). Sonderdruck. - Berlin: /o.V./, 1935. - S. 6. Вероятнее всего, что коллекция О. Штафенхагена оказалась среди материалов, исчезнувших из Центрального государственного архива Латвийской ССР во время Второй мировой войны (см.: Енн Г.А. Из истории архивного дела в Латвии. - Рига: Авотс, 1981. - С. 174-175).

14 Monumenta Livoniae Antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und anderen schriftlichen Denkmälern und Aufsätzen. - Riga; Leipzig; Frantzen, 1844. - Bd. 4. - 687 S. Bd. 5. - 1847. - 748 S. (далее: MLA).

15 Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558-1562 / Hrsg. von F.Bienemann. - Riga: Kummel, 1865-1876. - Bd. 1-5. (далее: Briefe und Urkunden); Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbstständigkeit / Hrsg. von C.Schirren. - Reval: Kluge, 1861-1865. - Bd. 1-5 (далее: Quellen).

16 Hanserecesse/ Bearb. von G. von der Roop. - Leipzig: Duncker und Humbolt, 1890-1892. - Abt. 2. - Bd. 6-7; Ibidem / Bearb. von D.Schäfer. - Leipzig: Duncker und Humbolt, 1881-1888. - Abt. 3. - Bd. 1-3; Ibidem / Bearb. von G.Wentz. - Weimar: Böhlau, 1941. - Abt. 4. - Bd. 1. - 474 S.; Ibidem / Bearb. von K.Fried-

- land und G.Wentz. - Köln;Wien;Böhlau, 1970. - Bd. 2. - 630 S. (далее:HR); Hansisches Urkundenbuch / Bearb. von K.Höhlbaum. - Leipzig: Duncker und Humbolt, 1907. - Bd.10. - 796 S.; Ibidem.- München; Leipzig: Duncker und Humbolt, 1916. - Bd.11. - 899 S. (далее: HUB); Arbusow L. Die altlivländischen Bauerrechte. Anhang // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. - Riga: Bruhns, 1924-1926. - Bd. 23. - S. 89-144 (далее: Mitteilungen); Vidzemes tiesību vēstures avoti 1336-1551 / Izd. A.Švābe. - Rīga: Latvijas Vēstures institūts, 1941. - 591 lpp. (далее: VTVA).
- 17 Bundesarchiv Koblenz. Revaler Ratsarchiv. - Br.14 (далее: Revaler Ratsarchiv. - Br.14). Указанная в дальнейшем нумерация листов рукописи соответствует порядковому № кадров микрофильма.
- 18 Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР. - Ф.4038. - Оп. 2. - Л.122 (далее: ЦГИА ЛатССР).
- 19 Zur Geschichte der Städte Repräsentation auf dem livländischen Landtage // Das Inland. - 1839. - N 41.
- 20 Bunge F.G. von. Zur Geschichte der Landtage in Liv-Esth- und Kurland während der bischöflichen und Ordens-Periode // Das Inland. - 1836. - N 2. - S.17-24; N 3. - S.39-46. Расширив научный аппарат, автор затем включил текст этой статьи в более обобщающий труд об истории развития ливонских сословий :
Bunge F.G. von. Geschichtliche Entwicklung der Staendeverhältnisse in Liv-,Esth- und Kurland bis zum Jahre 1561. - Dorpat: Kluge, 1838. - S. 77-86,92-100.
- 21 Bunge F.G. von. Zur Geschichte der Landtage ... - S.24.
- 22 Eckardt J. Der livländische Landtag in seiner historischen Entwicklung // Baltische Monatsschrift. - 1861. - Bd. 3. - S. 38-78, 116-159.
- 23 Зургис Я. Очерки по историографии Латвии. - Рига: Латгосиздат, 1949. - Ч. I. - С. 148.

- 24 См. там же. - С.151; Духанов М.М. Остзейцы: Политика остзейского дворянства в 50-х-70-х гг. XIX в. и критика ее апологетической историографии. - Рига: Лиесма, 1978. - С.101 - 102, 160.
- 25 Eckardt J. Der livländische Landtag ... - S. 39.
- 26 См. там же.
- 27 Там же. - С.53.
- 28 Gernet A. von. Der Ursprung des altlivländischen Landtages // Baltische Monatsschrift. - 1896. - Bd. 43. - S. 277-288.
- 29 AR. - Bd. 1. - S. 234. - Anm. 1.
- 30 Geschichte der Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurlands von der ältesten Zeit bis auf unsere Jahrhundert. - Mitau: Sieslack, 1879. - T.1. - S. 229. См. также : Richter A. von. Geschichte der dem russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen bis zur Zeit ihrer Vereinigung mit demselben. - Riga: Kummel, 1858. - T.1. - Bd. 2. - S. 149-153; Seraphim E. Livländische Geschichte von der "Aufsegelung" des Landes bis zur Einverleibung in das russische Reich. - 2. Aufl. - Reval: Kluge, 1897. - Bd. 1. - S. 194-195.
- 31 Arbusow L. Die Einführung der Reformation in Liv-, Est- und Kurland. - Leipzig; Riga: Heimsius Nachf., 1919-1921. - S. 33.
- 32 AR. - Bd.1. - S. 230-234.
- 33 Ābers Z. Landtāgs // Latviešu konversācijas vārdnīca. - Rīga: Gulbis, 1933-1934. - 19961.-19972. sl.; Landtāgs // Latvju enciklopēdija. - Stokholma: Trīs zvaigznes, 1952.-1953. - 2. sēj. - 1215.-1216. lpp.
- 34 Ābers Z. Landtāgs. - 19964. sl.
- 35 Landtāgs // Latvju enciklopēdija. - 1216. lpp.
- 36 Kostrzak J. Narodziny ogólnoinflanckich zgromadzeń stano-

wych od XIII do połowy XV wieku. - Warszawa; Poznań; Toruń: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1985. - 153 s.

37 Raudkivi P. Liivimaa maapäeva genees aastani 1435 // Изв. АН Эстонской ССР Сер. обществ. наук-Т. 34. - 1985. - № I. -

С. 78-93; Raudkivi P. Läänimeeste esindus Liivimaa maapäeval (15. sajandi esimene pool) // Там же. - 1986. - Т.35. - № 3.

- С.277-286; Raudkivi P. Linnade osast Liivimaa maapäeva kujunemisel // Там же . - 1987. - Т. 36. - № 2. - С. 160-171.

38 Raudkivi P. Liivimaa maapäeva genees ... - 92.lk.

39 Подробнее см.: Kostrzak J. Narodziny ogólnoinflanckich zgromadzeń stanowych ... - S.86-87.

40 Raudkivi P. Liivimaa maapäeva genees ... - 92. lk. Необходимо отметить, что в новейшей работе П.Раудкяви правомерность датировки завершения формирования ливонского ландтага 1435 годом подвергается сомнению. Эстонский ученый указывает на обстоятельство, что с образованием Балтской конфедерации положение, занимаемое на ландтаге вторым и третьим сословием, по сравнению с 1420-ми годами существенно не изменилось. Статуса равноправных партнеров с ландесгеррами в 1435 г. вассалы и города, по мнению П.Раудкяви, ещё не достигли (Raudkivi P. The place of the Valga (Walk) confederation (december 1435 - december 1441) in Livonian statehood (в машинописи, в настоящее время готовится к печати редакцией журнала "Zapiski historyczne"). Недавно свое согласие с подобной постановкой вопроса высказал также Я.Кощак, по мнению которого ландтаг на протяжении почти всего XV в. являлся органом, объединявшем уполномоченных представителей отдельных ливонских государств, а не сословий. Польский историк полагает, что преобразование ливонской политической системы в систему напомянадууд соиз сословий, стало возможным лишь в конце XV столетия. Эта проблема-

тика затрагивалась в докладе Я. Коцака на конференции " Die Anfänge der Städte in Preussen und seinen Nachbarländern ", состоявшейся в мае 1987 г. в Мюнхене. Текст своего выступления автор любезно предоставил в наше распоряжение.

41 Raudkivi P. Läänimeeste esindus ... - 285. lk.

42 Raudkivi P. Linnade osast... - 171. lk.

43 В разных исследованиях начало деятельности ландтага связывается с разными годами - 1419, 1421, 1422, 1424.

44 Kostzrak J. Narodziny ogólnoinflanckich zgromadzeń stanowych ... - S. 123-124.

45 Daenell E. Die Blütezeit der deutschen Hanse. - Berlin: Reimer, 1906. - Bd.2. - S.236-267; Goetz L.K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters.-Lübeck:Waelde,1922.-S.95-187.

46 Dreyer A. Die Lübischn-livländischen Beziehungen zur Zeit des Untergangs livländischer Selbstständigkeit 1551-1563. - Lübeck, Schmidt Druck., 1912. - 28 S.

47 Там же. - С.9. Это положение А.Дрейера подверг критике Г.Холлин: Hollinn G. Die Stapel- u. Gästropolitik Rigas...-S.51-52.

48 См. Дорошенко В.В. Торговля и купечество Риги в XVII веке. - Рига: Знание, 1985. - С.6. В этот период вышла пока единственная монография, специально посвящённая ливонской торговле в первой половине XVI в.: Mickwitz G. Aus Revaler Handelsbüchern: Zur Technik des Ostseehandels in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts. - Helsingfors: Harrassowitz, 1938. - 258 S.

49 Jenš J. Rīgas pilsētas tirdzniecība ar Pļiskavu XVI un XVII g. sīktenī // Izglītības Ministrijas Mēnešraksts. - 1937. - N 1. - 47.-55. lpp.; Nr. 2. - 152.-164. lpp.; Jenš G. Rivalry between Riga and Tartu for the Trade with Pskov in the XVI and XVII centuries. - Baltic and Scandinavian Countries. - 1938. - Vol. 4. - P.145-154.

- 50 Niitemaa V. Der Binnenhandel in der Politik der livländischen Städte im Mittelalter. - Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1952. - 379 S.
- 51 Дорошенко В.В. К исследованию экономических взаимоотношений города и деревни в феодальной Ливонии // Изв. АН ЛатвССР. - 1957. - В 4. - С. 157-168. - Рец. на книгу: Niitemaa V. Der Binnenhandel in der Politik der livländischen Städte im Mittelalter. - Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1952. - 379 S.
- 52 Dunsdorfs E., Spekke A. Latvijas vēsture 1500-1600. - Stokholma: Daugava, 1964. - 812.lpp.
- 53 Там же. - С. 38.
- 54 Там же. - С. 489.
- 55 Tiberg E. Om villkoren för Moskoviens baltiska handel 1487-1547 och handelns roll i utrikes politiken. Ävhandling. - Uppsala, 1975. - 328 s. Сокращенная публикация этой же работы: Tiberg E. Moskau, Livland und die Hanse // Hansische Geschichtsblätter. - 1975. - Jg. 93. - S. 13-70.
- 56 Tiberg E. Om villkoren ... - S. 175, 184-186.
- 57 Там же. - С. 256-271.
- 58 Дорошенко В.В. Очерки аграрной истории Латвии в XVI в. - Рига: Изд-во АН ЛатвССР, 1960. - С. 302-307.
- 59 Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV - начало XVI в. - Л.: Наука, 1975. - 359 с.
- 60 Кивиняэ В.В. Нарвский вопрос в 1494-1558 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Таллин, 1983. - Список опубликованных автором работ см. с. 18.
- 61 Там же. - С. II.
- 62 Kivimäe J. Narva küsimus Liivi ordu politikas aastail 1494-1535 // Изв. АН ЭстССР Сер. обществ. наук. - 1981. - Т. 30. - В 2. - С. 187-188.

63 О малоизученности внешних торговых сношения Ливонии XIII-XVI вв. В.В.Дорошенко писал уже более 20 лет назад, но до сих пор положение и лучше не изменилось (Дорошенко В.В. Ганза и Ливония: Проблемы торговли XIII-XVI вв. // Изв. АН ЛатвССР, - 1965. - В 10. - С. 146. - Рец. на книгу: Dollinger Ph. La Hanse, XIIIe-XVIIe siècles. - Paris. - 1964.

64 Автор не даёт характеристики работ чисто нумизматического содержания. Обзор основной литературы по данному вопросу, где содержатся сведения об интересующем нас времени см. Serlīte R. Livonijas monētu depozīta Rušinas cīsmā (jaunākā - 1564.gada monēta)// Numismātika. - Rīga: Zinātne, 1968. - 7. - 8.lpp. К ней следует добавить вышедшие в основном в 70-х г. работы К.Р.Пелды (см. Пелда К.Р. Нумизматические памятники как источники экономической истории Латвии XIII - первой половины XVI вв. - Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Рига, 1980. - С. 25).

65 Richter A. von. Geschichte der ... Ostseeprovinzen..., S.100 - 101. На базе источников, имевшихся в распоряжении автора, сколько-нибудь ясной характеристики проблем денежного хозяйства в первой половине XVI в. ему дать не удалось (см. с.428 -432.)

66 Gernet A. von. Die Anfänge der livländischen Ritterschaften. - Reval: Kluge, 1895. - S.122-129; Gernet A. von. Die Verfassungsgeschichte des Bistums Dorpat bis zur Ausbildung der Landstände. - Jurjew(Dorpat): Kluge, 1896. - S.116-118.

67 Tender A. Müntide ja mõõtude areng Eestis // Eesti majandusajalugu. - Tartu: Akadeemilise kooperatiivi kirjastus, 1937. - 1.kd. - 501.-542. lk; Niitemaa V. Der Binnenhandel in der Politik ..., - S.264-271; Švābe A. Zemes attiecību un

zemes reformu vēsture Latvijā. - Novilkums no Zemkopības ministrijas izdevuma "Latvijas agrārā reforma" . - Rīga: Bez izdevn., 1930. - 70.-71. lpp.; Дорошенко В.В. Цены на продукты сельского хозяйства в Ливонии XV в. // История СССР. - 1959. - № 2. - С. 158-169.

68

Dunsdorfs E., Spekke A. Latvijas vēsture 1500-1600.-532.lpp.

По мнению Эдунсдорфа серебро было переоценено по отношению к золоту, а в действительности, наоборот, в Ливонии как и во всем ганзейском регионе золото было переоценено по отношению к серебру (см. Jesse W. Die Münzpolitik der Hansestädte // Hansische Geschichtsblätter. - 1929. - Jg.53. - S.94.)

69

Молыгин А.Н. Денежное обращение и монетное дело на территории Эстонской ССР в XIII - первой половине XVI в. Дис.... канд. ист. наук. - Таллин, 1967 (далее: Молыгин А.Н. Диссертация).

70

См. список использованных источников и литературы.

71

Serlīte R. Livonijas monētu depoziits Rušinas ciemā (jau-nākā - 1564. gada monēta) // Numismātika. - Rīga: Zinātne, 1968. - 7.-110. lpp.

72

См. список использованных источников и литературы.

73

Niitemaa V. Die indenteutsche Frage in der Politik der liv-ländischen Städte im Mittelalter. - Helsinki:Suomalainen Tiedeakatemia, 1949. - 316 S.

74

Transehe-Roseneck A. Die Entstehung der Schollenpflichtigkeit in Livland // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. - Riga: Bruhns, 1924-1926. - Bd.23. - S.485-574; Bosse H. Der livländische Bauer am Ausgang der Ordenszeit// Ebenda. - Riga: Kummel, 1933. - Bd.24. - S.281-511; Schwabe A. Grundriss der Agrargeschichte Lettlands. - Riga: Lamey, 1928. - 359 S.; Švābe A. Zemes attiecību un zemes reformu vēsture Latvijā.

- Novilkums no Zemkopības ministrijas izdevuma "Latvijas agrārā reforma". - Rīga: Bez izdevn., 1930. - 172 lpp. Особый интерес, благодаря высказанным многим ценным и оригинальным мыслям, представляет цикл лекций Р. Виппера, читавшихся им в 1930-х годах студентам Латвийского университета (Виппер Р. История латвийского народа. - Т. I. - Отдел рукописей и редких книг Фундаментальной библиотеки АН Латвийской ССР. - Ф. 25. - В II54. I). К сожалению эти материалы не были опубликованы, и при дальнейшей разработке проблемы идеи Р. Виппера не были учтены.

75 Zeida T. Feodālisms Livonijā. - Rīga: LVI, 1951.-143 lpp.

76 Лиги Х. Закрепощение крестьян в Эстонии // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961г. - Рига: Изд-во АН ЛатвССР, 1963. - С. 126-134.

I. Глава. Ливонский ландтаг и города

I. Такое территориальное деление окончательно сформировалось в середине XIV в. после того, как к Ливонскому ордену перешли датские владения в Северной Эстонии, и просуществовало до раздела Ливонии в 1561 г. (См. Zeida T. Feodālisms Livonijā. - 106.-108. lpp.).

² Подробнее см. Stavenhagen O. Der Kampf des Deutschen Ordens in Livland um den livländischen Einheitsstaat im 14. Jahrhundert // Baltische Monatsschrift. - 1902. - Bd. 53. - S. 147 ff.; Jähnig B. Johann von Wallenrode. Erzbischof von Riga, Königlicher Rat, Deutschordensdiplomate und Bischof von Mittellich im Zeitalter des Schismas und des Konstanzer Konzils (um 1370-1419). - Bonn; Godesberg: Wissenschaftliches Archiv, 1970. - S. 7 ff.

³ AR. - Bd. 1. - N 225; Stavenhagen O. Der Kampf des Deht-

sehen Ordens... - S.158-159; История Эстонской ССР / Под ред. А. Вассара и Г. Наана. - Таллин: Эстонское государство, изд-во, 1961. - Т. I. - С. 253. Территориально небольшое, раз-
и охваченное
дробленное орденскими владениями Курземское епископство уже гораздо раньше попало под полное политическое влияние Орде-
на (Zeids T. Feodālisms Livonijā. - 108. lpp.).

4 Kostrzak J. Narodziny ogólnoinfanckich zgromadzeń stanow-
wych... - S.108.

5 См. Jähnig B. Die Rigische Sache zur Zeit des Erzbischofs Johannes Ambundi (1418-1424) // Von Akkon bis Wien. - Studien zur Deutschordensgeschichte vom 13. bis zum 20. Jahrhundert. - Marburg: Elwert, 1978. - S. 90-94.

6 Следует, однако, отметить, что и после образования общего для всей страны сословного органа в Ливонии продолжали параллельно существовать разные собрания отдельных сословий регионального и межгосударственного характера (маннтаги, прелатенгаги, орденстаги и др.), уступающие ему по масштабу, задачам, компетенции и многим другим признакам. Материалы о деятельности этих органов содержатся в ряде источников XV и первой половины XVI вв. (AR. - Bd. 1-3; Stavenhagen O. Die Arbeiten für Herausgabe der altlivländisch. Ständetagsakten. - Riga , 1894. - S.15-16; Dunsdorfs E., Spekke A. Latvijas vēsture 1500-1600. - 37. lpp.).

7 Судя по источникам, употребление термина "всеобщий ландтаг" (gemeunen landesdaghe) начинается с 1435 г. (LUB. - Bd. 8.- в IOI7), но фактически ландтаг в качестве общего для всей Ливонии политического органа начал функционировать в 20-х годах XV в. Подробнее см. Raudkivi P. Liivimaa maapäeva ge-
nees ... - 78.-91. lk.

8 Редессы сословных собраний XIV в., за исключением одного

(LUB. - Bd. 3. - P 1096 (1374)), нам неизвестны.

⁹ См.: Below G. von. Territorium und Stadt. - München; Berlin: Oldenbourg, 1923. - S. 69-98; Hector K. Von den alten Landtagen und von der Stadt Schleswig als Landtagsort und Landstand // Beiträge zur Schleswiger Stadtgeschichte. - 1980. - Bd. 25. - S.28; Хачатурян Н.А. Возникновение Генеральных штатов во Франции. - М.: Изд-во Москов. ун-та, 1976. - С.79-90.

¹⁰ См.: Eckardt J. Der livländische Landtag ... - S.51-52.

¹¹ О структуре ливонского ландтага см. там же. - С.49-51. В новейших исследованиях подчёркивается затяжной характер формирования ливонского ландтага и проводится мысль о том, что окончательное разделение его участников на вышеупомянутое четыре самостоятельные курии произошло лишь в конце XV в. См. обзор источников и литературы см.40.

¹² В отличие от Ливонии в сословном представительстве Пруссии отсутствовала прелатская курия, поскольку епископы являлись орденскими братьями или тесно сотрудничали с Немецким орденом. Кроме того для сословного представительства Пруссии XV в. характерно отсутствие твердых организационных форм, а также очень напряженные отношения Ордена с вассалами и городами. См.: Biskup M. Die Rolle der Städte in der ständischen Repräsentation des Ordensstaates Preussen im XIV. und XV. Jahrhundert // Preussenland. - 1977. - Jg. 15. - N 4. - S.64-65; Biskup M. Die Rolle der Städte in der Ständevertretung des Königreiches Polen, einschliesslich des Ordensstaates Preussen im 14./15. Jahrhundert // Städte und Ständestaat : Zur Rolle der Städte bei der Entwicklung der Ständevertretung in europäischen Staaten von XIII bis zum XV Jahrhundert /Hrsg. B.Töpfer. - Berlin: Akademie Verlag, 1980. - S.181 ff.; Górski K. Die Anfänge der Repräsentation der Communitas nobilium

in Polen, im Ordensstaat Preussen und in Ungarn im Mittelalter // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. - 1968. - Jg. 17. - Heft 1. - S. 20-22.

13 Отсутствие крестьян типично для сословно-представительных учреждений средневековья. Правда, по разным причинам в сословные органы Лёона, Кастилии, Швеции, Швейцарии, Тироли и некоторых мелких германских государств крестьяне были допущены, но занимали они там неполноправное положение. См. Гутнова Е. В. Сословная монархия и крестьянство в Западной Европе XIII-XV веков // Вопросы истории. - 1978. - № 8. - С. 64-65; Кареев Н. И. Поместье-государство и сословная монархия средних веков. - СПб.: тип. Стасюлевича, 1906. - С. 199; Корсунский А. Р. История Испании IX-XIII веков. - М.: Высшая школа, 1976. - С. 197; Below G. von Territorium und Staat. - S. 98-100.

14 См. Johansen P., zur Mühlen H. von. Deutsch und Undeutsch im mittelalterlichen und frühneuzeitlichen Reval. - Köln; Wien: Böhlau, 1973. - S. 19-27.

15 Чаплинский В. Органы государственной власти в Польше XVI-XVII веков // Вопросы истории. - 1977. - № 12. - С. 155.

16 Например, AR, - Bd. 3, № 57, § I - § 16 (1514); Briefe und Urkunden, № 71, S. 67-69 (март 1558).

17 Например, AR, - Bd. 3, № 10, § 2 (1498); № 21, § 19-21 (январь 1503). Даже в случае личного отсутствия архиепископа право открытия ландтага и функции его председателя сохранялись за церковным сановником, который его представлял. Исключение составляют ландтаги 1526 и 1530 годов, на которых ввиду временно-го подчинения архиепископа магистру Ордена председательствовал магистр Вольтер фон Плеттенберг (AR. - Bd. 3. - № 237, § 32; § 37; № 272, § 13-15; № 281, § 24, § 25).

- 18 AR. - Bd. 3. - N 102 (1520); Quellen. - Bd.1. - N 223 (май 1558); Кареев Н.И. Поместье - государство и сословная монархия средних веков. - С.194. Иногда перечень рассматриваемых на ландтаге вопросов заранее сообщался и другим его участникам. См., например, AR. - Bd. 3. - N 291(1531); VTVA. - N 195, N 196(1543).
- 19 Ландтаги имели разную продолжительность, но редко были короче пяти и длиннее десяти дней.
- 20 Порядок проведения ландтага наглядно отражается в рецессе Валмиерского собрания 1516 г. (AR. - Bd. 3. - N 66). См. также в IO. - § 3-4 (1498), в IO. - § 58-64 (1502), в 28. - § 15 (1504). Кроме того ход ландтага подробно описан в дневнике рижских делегатов на собраниях сословия в Валмиере в марте 1558 г. (Briefe und Urkunden. - Bd.1. - N 71. - S.67-100).
- 21 См., например, AR. - Bd. 3. - N 15. - § 12-17 (1509), в 54. - § 68 (1513), в 135. - § 46, § 48, в 136. - (1522).
- 22 Ср., например, сообщение о переговорах делегатов Таллина с магистром Ордена Плеттенбергом и рецессе ландтага в Валмиере в январе 1503 г. (AR. - Bd. 3. - N 22, N 21).
- 23 Zeida T. Feodālisms Livonijā... - 111.lpp.; Häutung F. Deutsche Verfassungsgeschichte von 15. Jahrhundert bis zur Gegenwart. - Leipzig; Berlin: Teubner, 1914. - S.52.
- 24 Briefe und Urkunden. - Bd.1. - N 71. - S.80.
- 25 См. Transehe-Roseneck A. Zur Geschichte des Lehnswesens in Livland // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte, - Riga: Kummel, 1903. - Bd. 18. - S. 51-52.
- 26 Это не являлось особенностью Ливонии - в Германии, Франции, Польше, Венгрии и других странах ситуация была похожей. См. Гутнова Е.В. Роль бюргерства... - С.75; Roslanowski T. Polens Städte und Bürgertum am Ausgang des Mittelalters //

Die Stadt am Ausgang des Mittelalters / Hrsg. von W. Rauch. - Linz: Donau, 1974. - S. 397; Cieślak E. Walki ustrojowe w Gdańsku i Toruniu oraz w niektórych miastach hanzeatyckich w XV w. - Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Naukowe, 1960. - S. 340-341; Malyusz E. Geschichte des Birgertums in Ungarn // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. - 1927. - Bd. 20. - S. 393-394; Hector K. Von den alten Landtagen... - S. 50-51.

²⁷ Cm. Koranyi K. Zum Ursprung des Anteils der Städte an den ständischen Versammlungen und Parlamenten im Mittelalter // Album Helen Maud Cam. Etudes presentees a la Commission internationale pour l'histoire des assemblées d'etats. - Paris: Beatrice-Nauwelaerts, 1960. - T.23. - P.39-46.

²⁸ Brevern G. Die politische Stellung der livländischen Städte im Mittelalter // Archiv für die Geschichte Liv- und Curlands. - Dorpat: Kluge, 1844. - Bd. 3. - S.228-229.

²⁹ Johansen P. Die Bedeutung der Hanse für Livland // Hansische Geschichtsblätter. - 1940/1941 (1941). - Jg. 65/66. - S. 33-34.

³⁰ Schildhauer J. Der Charakter der Hanse und ihr Verhältnis zu den livländischen Städten // Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики / Докл. ист. конференц. 25-27 ноября 1975 г. - Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1975. - С. 14.

³¹ Johansen P. Die Bedeutung der Hanse für Livland. - S.47-48; Mettig K. Die Hanse und ihre Beziehungen zu Riga. - Drei Vorträge, gehalten im Kaufmännischen Verein zu Riga am 8., 15. und 22. März. Separatabdruck der "Dina-Zeitung". - Riga: Müllersche Druck, 1900. - S.54-55.

³² В середине XIV в. внутри Ганзы сформировались три группировки, т.н. трети, вестфальских-пруссских, вендских-поморских

и ГОТЛАНДСКИХ-ЛИВОНСКИХ ГОРОДОВ (ПОДРОБНЕЕ СМ. Wernicke H. Die Städtehanse 1280-1418: Genesis-Strukturen-Funktionen. - Weimar: Böhlau Nachf., 1983. - S.159). Последней из них после упадка г. Висбю, захваченного и разграбленного в 1361 г. датским королём Вальдемаром IV Аттердагом, возглавила Рига (Metzig K. Die Hanse und ihre Beziehungen zu Riga... - S.23.).

33 См. Hollander B. Die livländischen Städtetage // Programm der Stadt-Realschule zu Riga. - Riga: Häcker Druck, 1888. - S. 8-10, 43-50.

34 См. там же, с. 25-32. В.Грейффенхаген называет собрания представителей ливонских городов "ганзейскими съездами в меньшем масштабе" (Greiffenhagen W. Die altlivländischen Städtetage // Beiträge zur Kunde Ehst-, Liv- und Kurlands. - Reval: Lindfors' Erben, 1873. - Bd. 1. - Hft. 4. - S. 361.

35 Гутнова Е.В. Роль бюргерства ... - С. 75-76; Arbusow L. Die Einführung der Reformation ... - S.432.

36 Подробнее см. Feodālā Rīga / T.Zeida red. - Rīga: Zinātne, 1978. - 38.-54. lpp.

37 Stavenhagen O. Die Anfänge des livländischen Städtebundes innerhalb der deutschen Hanse und seine Theilnahme an der Kölner Konföderation // Baltische Monatsschrift. - 1901. - Bd.52. - S. 66.

38 См. Feodālā Rīga .. - 54. lpp.

39 См. Goetz L.K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. - S.409-412; Stavenhagen O. Die Anfänge des livländischen Städtebundes... - S. 66.

40 Schildhauer J. Der Charakter der Hanse ... - S.15.

41 Briefe und Urkunden... - Bd. 1. - N 71. - S. 73-76, 84.

О причинах, лежавших в основе этих разногласий, см. Куттлер В.

К характеристике патрициата, бургерской оппозиции и народного движения в Риге во второй половине XVI в. // Изв. АН ЛатССР. - 1968. - № 6. - С. 23.

2. Глава. Торговая политика

¹ Ремесло в городах Ливонии было подчинено интересам торговли и направлено главным образом на её обслуживание (Latvijas PSR vēsture no vissenākajiem laikiem līdz mūsu dienām / A. Drīzuļa red. - Rīga: Zinātne, 1986. - 1. sēj. - 56. lpp.).

² См. Mickwitz G. Aus Revaler Handelsbüchern. - S.44.

³ Около 1460 г. в Риге был установлен порядок, предусматривавший, что все торговые сделки в городе могут заключаться только при прямом участии или посредничестве местных купцов (запрет "гостевой" торговли). Целью этой акции являлось прежде всего ущемление прав ганзейских купцов, так как к неганзейцам запрет "гостевой" торговли применялся ещё с XIV в. Хотя и крупнейшему городу Ливонии не удалось добиться неукоснительного соблюдения запрета, сам факт его распространения на ганзейцев свидетельствует об обособленности экономических интересов Риги и ее стремлении противопоставить себя остальным членам союза. Подробнее см. Hollihn G. Die Stapel- u. Gästepolitik... - S. 91-96; Dunsdorfs E., Spekke A. Latvijas vēsture 1500-1600... - 449. lpp.

⁴ См. Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII-XVII вв.

- М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. - С.79 - 80; История Таллина (до 60-х годов XIX века)/ Сост. Р.Пуллат. Таллин: Ээсти раамат, 1983. - С. 116; Schildhauer J., Fritze K., Stark W. Die Hanse. - 5. Aufl. - Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1982. - S. 209.

⁵ Следует отметить, что достичь большей экономической независимости от Ганзы ни во многом помогло дальнейшее укрепление связей ливонских купцов с голландцами. Ливонцы не владели достаточным количеством кораблей для перевоза товаров на Запад и в XVI в. стали всё чаще пользоваться ^{не ганзейских, а} услугами голландских торговых судов. Таким образом местные купцы оказывались и в некоторой зависимости от голландцев и не смогли настойчиво бороться с их проникновением во внутренний рынок Ливонии. См. Holliba G. Die Stapel- und Gästepolitik... - S. 63-64; Meyer W. Handelsbeziehungen zwischen Holland und Livland im 15. Jahrhundert // Baltische Monatsschrift. - 1912. - Bd.-74. - S.275.

⁶ См. Dollinger Ph. Die Hanse. - Stuttgart: Kröner, 1966. - S. 401-403; Schildhdhauer J. Der Charakter der Hanse... - S.22; Tiberg E. Moskau, Livland und die Hanse. - S. 68-69; Dunsdorfs E., Spekke A. Latvijas vēsture 1500-1600. - 448.-450. lpp.; Feodisā Rīga. - 110.-114. lpp.; Пуллат Р., Тарвел Э. История города Тарту. - Таллин: Ээсти раамат, 1980. - С.18-19; История Таллина. - С.116.

⁷ Д.Д. Кивиняэ объясняет это незаинтересованностью западноевропейских ганзейцев в полной потере рынков в Восточной Европе (Кивиняэ Д.Д. Нарвский вопрос 1494-1558 гг. Дис. ... канд. ист. наук. - Таллин, 1981. - С.5). Добавим, что, с другой стороны, принадлежность к Ганзе ливонским городам продолжала давать некоторые преимущества, которые могли быть ими использованы в своих целях, в том числе и для поднятия международного авторитета. См. сн. 15 настоящей главы.

⁸ Отметим, что XVI в. был периодом общего упадка Ганзейского союза и к экономической самостоятельности в это время стремились не только ливонские, но и, например, прусские и помор-

ские города (в особенности Гданьск). Из всех членов Ганзы в XVI в. единую и согласованную политику в рамках союза продолжали проводить лишь вендские города. См. Schildhauer J.

и.а. Die Hanse. - S. 210-211.

9
HR (4). - Bd. 2. - № 86. - § 606. Просьба во избежание создания прецедента была отклонена.

10
Там же. - § 595.

11
См. Дорошенко В.В. Очерки аграрной истории... - С.125-127.

Malowist H. Über die Frage der Handelspolitik des Adels in den Ostseeländern im 15. und 16. Jahrhundert // Hansische Geschichtsblätter. - 1957. - Jg. 75. - S. 40.

12
Подробнее см. Mickwitz G. Aus Revaler Handelsbüchern...

- S. 37 ff.

13
См. там же. - С. 26.

14
См. Dreyer A. Die libisch-livländischen Beziehungen .

- S. 6-9; Greiffenhagen W. Reval als Glied der Hanse // Baltische Monatschrift.-1890.-Bd.37.-S.397; Пуллат Р. , Тарвел Э.

История города Тарту. - С.19.

15
В случаях, когда ливонские города действовали на международной арене только от своего имени, им не всегда удавалось производить нужное впечатление на правительства соседних стран. Например, во время ландтага 1537 г. делегаты Риги, Таллина и Тарту казвались на то, что без поддержки со стороны Лубека их посланцы у Московского великого князя не пользуются должным авторитетом (HR (4). - Bd. 2. - № 679. - § 13).

16
AR. - Bd. 1. - № 275. - № 279; HR (1). - Bd. 7. - № 301;

HUB. - Bd. 6. - № 378.

17
HR (1). - Bd. 7. - № 496; HUB. - Bd. 6. - № 435.

18
AR. - Bd. 1. - № 275; см. там же С.239.

19
AR. - Bd.1. - № 294; HR (1). - Bd. 7. - № 434.

20 Некоторые из них проходили одновременно с ландтагами см.

Hollander B. Die altlivländischen Städtetage...-S.47-50, Beil.1.

21 Эти вопросы достаточно широко освещены в исторической литературе; Goetz L.K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters... - S.112-187; Daenell E. Die Blütezeit der deutschen Hanse. - Bd.2. - S. 243-248; 251-255; 258-264; Ostensacken P. Der Kampf der livländischen Städte um die Vorherrschaft im Hansekontor zu Nowgorod bis 1442 // Beiträge zur Kunde Est-Liv-und Kurlands. - Reval: Kluge, 1912. - Bd.7. - S. 344-372; Varakauskas R. Lietuvos ir Livonijos santykiai XIII-XVI a. - Vilnius: Mokslas, 1982. - P. 277, 279; Пуллат Р., Тарвел Э. История города Тарту. - С. 17-18.

22 См. Дорошенко В.В. Основные проблемы аграрной истории Латвии в XVI веке. - Доклад по книге "Очерки аграрной истории Латвии в XVI веке", представленной в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. - Рига: без изд., 1964. - С. 74-75. Кроме того руководство Ордена, обычно представлявшее интересы Ливонии на международной арене, следило за положением в торговле по внешнеполитическим соображениям.

23 Daenell E. Die Blütezeit der deutschen Hanse. - Bd.2.-S.475.

24 HR (2). - Bd.2. - N 324; LUB. - Bd. 9. - N 541.

25 В этом случае имеются лишь косвенные данные: AR. - Bd. 1. - S. 471; LUB. - Bd. 10. - N 200.

26 HR (2). - Bd. 7. - N318-5-6 (1475); HR (3), - Bd. 1. - N 289 (вероятно в 1478 г.). В письме от 4.XI.1480 г. тартуского магистрата таллинскому (HR (3).-Bd.1.-N289) упоминается "последний ландтаг в Валке". По данным хроники Хелевега он состоялся в марте 1478 г. (Das rothe Buch inter Archiepiscopalia. - S.765).

Именниесея источники не содержат сведений о другом ландтаге, заседавшем в Валке в период с марта 1478 по ноябрь 1480 г.; Schlemann Th. Revals Beziehungen zu Riga und Russland in den Jahren 1483-1505: Briefregesten und Briefe aus dem Conceptbuche des Revaler Rates. - Reval: Kluge, 1885. - N 30; HUB. - Bd. 11. - N 2 (оба документа о ландтаге 1486 г.); HUB. - Bd. 11. - N 582 (1492).

27 См. Kivimäe J. Narva küsimus... - 32-33 lk, 36. lk.

28 AR. - Bd. 3. - N 10. § 5; § 7 (1498); N 12. - § 29-35, § 62 - 72 (1499); N 15. - § 27-29, § 45-56, § 78, § 82-85 (1501).

29 Деятельность Плеттенберга на ландтагах конца XV - начала XVI в. была очень активной и его влияние в Ливонии, в особенности в годы войны, заметно увеличилось. См.: Lenz W. Die auswärtige Politik des livländischen Ordensmeisters Walter von Plettenberg bis 1510. - Riga: Plates, 1928. - S. 38-40.

30 AR. - Bd. - 3. - N 12. - § 65.

31 Там же. - № 10. - § 7.

32 Там же. - № 12. - § 60.

33 Там же. - § 28 - 30, § 62-64.

34 HUB. - Bd. 1. - N 741. - N 740. - N 745.

35 Во время следующего ландтага, заседавшего в Валмиере в 1501 г., городам от имени Плеттенберга была перелана записка, в которой предлагалось дополнить список запрещенных для торговли товаров. В ней упомянуты латунь, изготовленные из нее котлы и медная проволока (AR. - Bd. 3. - № 15. - § 84). Очевидно план Плеттенберга все же не был осуществлен. На это указывает письмо рижского магистрата тартускому от 22 октября 1536 г., где решение тогдашнего магистра Орлена Германа фон Бринггеня запретить экспорт олова и латуни расценивается

как нечто неслыханное (HR (4), - Bd. 2. - № 522. См. также AR. - Bd. 3. - № 15. - § 85).

36 HR (4). - Bd. 2. - № 522. - № 523. См. также № 681.

37 Nottbeck E. Fragment einer Revaler Chronik // Beiträge zur Kunde Est-, Liv- und Kurlands. - Reval: Kluge, 1894. - Bd. 4. - S. 461.

38 См. Казакова П.А. Русско-ливонские ... - С. 295-296.

39 См.: Kentmann R. Livland im russisch-litauischen Konflikt: Die Grundlegung seiner Neutralitätspolitik. 1494-1514. - Marburg: Estländische Druck, 1929. - S. 43-44.

40 AR. - Bd. 3. - № 19. - § 9.

41 Там же, - § 79.

42 Там же, - § 71. - § 89. Источники не позволяют установить, какая из сторон явилась автором этого предложения.

43 Об этом можно судить по переписке между магистратом Таллина и Плеттенбергом. Когда несколько месяцев спустя после принятия запрета магистр Ордена вновь разрешил вывоз зерна, Таллин был явно недоволен (LUB (2). - Bd. 2. - № 275. - № 288. См. также Ahvenainen J. Der Getreidehandel in Livland im Mittelalter. - Helsinki: Keskuskirjapaino, 1963. - S. 213).

44 AR. - Bd. 3. - № 19. - § 75. Экономическое укрепление приграничного города, каким являлась Нарва, вероятно входило в стратегические планы Плеттенберга и, кроме того, было выгодно с точки зрения перспектив расширения торговли Ордена и вассалов (Кивимяэ П.П. Нарвский вопрос в 1494-1558 гг. Автореф.... - С.16).

45 AR. - Bd. 3. - № 19. - § 86.

46 Там же, - № 10. - § 19. Таллин видел в Нарве конкурента и не был заинтересован в усилении её торгового потенциала (Кивимяэ П.П. Нарва и Ивангород в торговой политике России и Ливо-

нии 1492-1558 г. // Русское централизованное государство: Образование и эволюция XV-XVII вв. Чтения, посвящ. памяти акад. Л.В.Черепнина: Тез. докл. и сообщ. Москва, 26-28 ноября 1980 г./ Редкол. В.Т.Пашуто (отв. ред.) и др. - М.: Ин-т истории СССР, Ист. фак. МГУ, 1980. - С. 69).

⁴⁷ AR. - Bd. 3. - В 21. - § 58-107. Несколько торговых конфликтов было затронуто также на переговорах делегатов городов с руководством Ордена до открытия ландтага (см. также § II - 18).

⁴⁸ Там же. - § 42. - § 46-47. - § 54; LUB (2). - Bd. 2. - В 436. - § 17. Более подробно ход этих переговоров освещен: Казакова Н.А. Русско-ливонские ... - С.234-242; Lenz W. Die Auswärtige Politik ... - S. 46-55; Kentmann R. Livland im russisch-litauischen Konflikt... - S. 31-40.

⁴⁹ LUB (2). - Bd. 2. - N 457.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ AR. - Bd. 3. - N 23. - § 19. - 24. - § 27. - § 29-30 (1503). N 28. - § 2-4. - § 8. - § 17. - § 24. - § 30. - § 47-48 (1504); N 35. - § 32-39 (1507); N 38. - § 16-39; LUB (2). - Bd. 3. - N 310 (1508).

⁵² См. Дорошенко В.В. Очерки аграрной истории... - С.289.

⁵³ См. там же. - С.281; Niitemaa V. Der Binnenhandel in der Politik... - S. 284.

⁵⁴ Дорошенко В.В. Очерки аграрной истории... - С. 289.

⁵⁵ AR. - Bd. 3. - В 52. - § 7. О деятельности голландцев и "утгеров в Ливонии во втором десятилетии XVI в. см.: Niitemaa V. Der Binnenhandel in der Politik ... - S. 313-316; Hollihn G. Die Stapel- und Gästepolitik Rigas ... - S. 70-71; Kivimäe J. Zur Handelsgeschichte der Fugger im spätmittelalterlichen Livland: Abraham Greiszbeutel in Dorpat 1552-1553 // Scripta Mer-

- caturae, Zeitschrift für Wirtschafts- und Sozialgeschichte. - 1980. - Hft. 1. - S. 4-6.
- 56 AR. - Bd. 3. - N 52. - § 7.
- 57 Там же. - N 53. - § 26.
- 58 Там же. - § 26. - § 35; HR (3). - Bd. 6. - N 420.
- 59 AR. - Bd. 3. - N 53. - § 25.
- 60 Там же. - N 54. - § 15.
- 61 Там же. - § 35.
- 62 Там же. - § 36.
- 63 Там же. - § 37. - § 39-40. См. так же Дорошенко В.В. Очерки аграрной истории ... - С. 303. - Сн. 108.
- 64 AR. - Bd. 3. - N 54. - § 38.
- 65 Там же. - § 80.
- 66 Там же.
- 67 Там же. - § 87. - N 57. - § 27.
- 68 Отмеченное Н.А. Казаковой вовлечение в 1513 г. ландтага в дипломатическую подготовку заключения договора (Казакова Н.А. Русско-ливонские... - С. 317) нуждается в уточнении. Вопрос о пересылке письма Германского императора Максимилиана великому князю Василию III обсуждался лишь между представителями городов (AR. - Bd. 3. - N 54. - § 10) и не рассматривался всеми куриями.
- 69 AR. - Bd. 3. - N 54. - § 67. - N 66. - § 65. На это обстоятельство в свое время уже обратили внимание Г.Холлин (Hollihn G. Die Stapel- u. Gästepolitik Rigas ... - S.97) и В.Нитемаа (Nitemaa V. Der Binnenhandel in der Politik ... - S. 159. - Прим. 2), но наиболее подробно данной проблемой занялся Э.Тибберг (Tibberg E. Om villkoren ... - S. 170-173).
- 70 Сн. Feodālā Rīga. - 116.-117. lpp.

- 71 AR. - Bd. 3. - № 136. - § 17. Об обстоятельствах, при которых был заключен этот договор, см. Arbusow L. Die Einführung der Reformation in Liv-, Est- und Kurland. - S. 215-218, 221, 223-224. Л. Арбузов расценивает это событие как объявление войны прелатам.
- 72 По этой причине магистр Ордена был за более интенсивное использование Алуксненского пути.
- 73 Bruns Fr., Weczerka H. Hansische Handelsstrassen. - Textband. - Weimar: Böhlau Nachf., 1967. - S. 751.
- 74 Pāvulāns V. Satiksmes ceļi Latvijā XIII-XVII gs. - Rīga: Zinātne, 1971. - 77. lpp.
- 75 Kiviņāe J. Narva kūsimum ... - 185. lk.
- 76 AR. - Bd. 3. - N 134.
- 77 Там же. - § 4. - § 6. Их просьба отчасти была удовлетворена лишь на Валмиерском ландтаге в начале марта 1532 г., когда Алуксненский путь на небольшой срок (до 24 июня 1532 г.) был объявлен закрытым (AR. - Bd. 3. - № 301. - § 52. - § 63-66. - № 307). В дальнейшем вплоть до Ливонской войны 1558-1583 гг. движение по нему не ограничивалось (Jenšs J. Rīgas pilsētas tirdzniecība ... - 50. lpp.). На ландтагах, судя по имевшимся источникам, вопрос о его возможном новом закрытии больше не обсуждался и разногласий в деятельности городской курии в дальнейшем не вызывал.
- 78 AR. - Bd. 3. - N 135. - § 7.
- 79 Там же. - § 3 - 6. - § 10 - 15.
- 80 Вместе с тем было бы неверно слишком преувеличивать влияние упомянутых разногласий на ландтаге 1522 г. на политику Риги, Таллина и Тарту в целом. При обсуждении ряда проблем городская курия действовала единодушно и целенаправленно. На-

пример, в вопросах реформации города отстаивали единую точку зрения и успешно выступали против прелатов См. Arbusow L. Die Einführung der Reformation ... - S. 216.

81 AR. - Bd. 3. - № 136. - § 22-23. Hollihn G. Die Stapel- u. Gästepolitik Rigas ... - S.77. Другие торговые вопросы, представленные на рассмотрение ландтага совместно тартуским и таллинским епископами: о запрете вывоза скота, рыбы и других видов продовольствия и унификации действующих в Риге, Таллине и Тарту весов, не вызвали долгих прений, и по ним быстро были достигнуты положительные решения (AR. - Bd. 3. - № 133. - § 2 - 3; № 136. - § 38-39).

82 См. AR. - Bd. 3. - № 208. - § I и след. Вопрос о причинах поворота в политике вассалов на ландтаге 1525 г. заслуживает особого рассмотрения, но к нашей основной теме он непосредственно не относится. Именнее в литературе объяснение разрыва между городами и вассалами страхом последних перед крестьянскими волнениями и началом Крестьянской войны в Германии (Feodalitā Rīga. - 121. lpp.) противоречит заключению, что под впечатлением упомянутых событий произошло сближение между бур- герством и рыцарством (Latvijas PSR vēsture. - 1.sēj.-63.-64.lpp.)

83 AR. - Bd. 3. - № 207. - § 58-59 (1525); № 231. - § 54. - § 95-98 (март 1526); № 237. - § 36. - § 38-45 (июнь 1526); № 272. - § 6- 8 (февраль 1530); № 281. - § 9. - № 282. - § 7 - 10. - § 14 (июль 1530).

84 Например, в 1525 г. разногласия между феодалами и городами были настолько серьезными, что последние, протестуя против решений ландтага, отказались приложить свои печати к итоговому рецессу (AR. - Bd. 3. - № 208. - § 9).

85 Подробнее об этом см. Arbusow L. Die Einführung der Reformation... - S. 438-452, 498-513, 761-774.

- 86 См. Hiltmaa V. Der Binnenhandel in der Politik ...-S.
331. По мнению финского историка вассалы, выдвигая своё предложение, преследовали цель противодействовать стремлению купцов монополизировать всю ливонскую торговлю.
- 87 Tiberg E. Moskau, Livland und die Hanse... - S. 64-66.
- 88 См.: Tiberg E. Om villkoren ... - S. 261-263.
- 89 UB (2). - Bd. 2. - S. 407. - Anm. 6; AR. - Bd. 3. - N 302. - § 10.
- 90 AR. - Bd. 3. - № 301. - § 52. - № 321. - § 21. Вопрос на общем заседании ландтага выдвигали не сами города, а магистр Ордена В. Фон Плеттенберг, с которым горожане предварительно вели переговоры (там же. - № 301. - § 51. - № 302. - § 10. - № 323. - § 3).
- 91 Hildebrand H. Bericht über die im Reval'schen Rathsarchiv für die russisch - livländischen Wechselbeziehungen im 15. und 16. Jahrhundert ausgeführten Untersuchungen // Mélanges russes tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. - St. Pétersbourg: Buchdruck. der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1872. - Bd. 4. - N 581.
- 92 HR (4). - Bd. I. - № 413. - § 3; № 414. - § 14; № 415. - § 1.
- 93 Tiberg E. Om villkoren ... - S. 264.
- 94 HR (4). - Bd. I. - № 415. - § 1. Время вступления запрета в силу откладывалось до 16 мая, с тем чтобы купцы могли успеть продать накопленные запасы металлов.
- 95 Hildebrand H. Bericht ... - N 593.
- 96 HR (4). - Bd. 2. - N 677. - § 4.
- 97 Там же. - № 678. - § 2. - № 680. - § 4.
- 98 Там же. - № 526. - § 4; Кивимяэ Ю. Ю. Нарва и Ивангород... - с. 70.

- 99 **Revaler Ratsarchiv.** - Bl. 576 r.
- 100 Там же. - Л. 576-576 об.
- 101 Подтверждение этому можно найти не только в вышеупомянутых материалах Рижского городского съезда, но и в написанном 11 апреля 1538 г. письме Таллина магистру Ордена Герману фон Бротгенен (*Regesten aus zwei Missivbüchern des XVI. Jahrhunderts im Revaler Stadt-Archiv / Bearb. von G. von Hansen.* - Reval: Kluge, 1895. - N 36. - S. 101.
- 102 AR. - Bd. 3. - N 304. - § 7.
- 103 HR (4). - Bd. 2. - N 677. - § 5.
- 104 Там же.
- 105 *Mitteilungen.* - Bd. 23. - N 43. - § 7.
- 106 **Revaler Ratsarchiv.** - Br. 14. - Bl. 289 r (1542); MLA. - Bd. 5. - P 260. - S. 656 (1543); VTVA. - D 195. - § 7 (1546); ЦГИА ЛатвССР. - С. 4038. - Оп. 2. - Л. 122. - Л. 42 (1548).
- 107 *Briefe und Urkunden* . - Bd. I. - P 71. - S. 73; P 88. - S. 149 (март 1558).
- 108 См.: Дорошенко В.В. Очерки аграрной истории... - С. 302-303. Кроме того часть (правда, сравнительно небольшая) поступавшей из крестьянских хозяйств сельскохозяйственной продукции, очевидно, шла на экспорт (см. Niitemaa V. Der Binnenhandel in der Politik ... - S. 298).
- 109 Дорошенко В.В. Очерки аграрной истории... - С. 304.
- 110 Там же. - С. 305.
- 111 AR. - Bd. 3. - N 304. - § 10-11.
- 112 Дорошенко В.В. Очерки аграрной истории ... - С. 305-306.
- 113 AR. - Bd. 3. - N 304. - § 10.
- 114 На ландтаге 1537 г. городские делегаты были вынуждены напомнить феодалам о принятых в 1532 г. решениях (HR (4). - Bd. 2. - N 677. - § 6; VTVA. - N 125).

- II5 Подробнее см. Misāns I. Pilsētu cīņa par zemniekiem Līvonijas landtāgos XV gs. un XVI gs. pirmajā pusē // LatvPSR ZA Vēstis. - 1983. - N 7. - 36.-37. lpp.
- II6 Revaler Ratsarchiv. - Br. 14. - Bl. 349 r.
- II7 MLA. - Bd. 5. - N 139. - S. 445.
- II8 См. Книшляэ Д.Д. Нарвский вопрос в 1494-1558 гг. Дис... - С. II6; Kuttler W. Patriziat, Bürgeropposition und Volksbewegung in Riga in der zweiten Hälfte des 16. Jh. Inauguraldissertation. - Leipzig, 1966. - Bd. 1. - S. 52-53.
- II9 HR (4). - Bd. 2. - N 677. - § 3; MLA. - Bd. 5. - N 161. - S. 482; HR (4). - Bd. 2. - N 678. - § 3.
- II10 См. Rauch G. Der Fall Vegesack im Jahre 1550 // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1930. - Tartu: Mattiesens Buchdruck, 1932. - S. 159-160; Tiberg E. Om villkoren... - S. 279-280. Э.Тибберг, ссылаясь на публикацию в Hanserecessus* отмечает, что запрет был нацелен против прямой торговли русских купцов с местными крестьянами и против незаконного вывоза русскими т.н. военных товаров. Такая трактовка, однако, вряд ли оправдана, поскольку в постановлении собрания (MLA. - Bd. 5. - N 161. - S. 482) говорится, что запрет распространялся также на литовских и заграничных немецких купцов.
- II11 HR (4). - Bd. 2. - N 680. - § 10. Судя по всему, в постановлении ландтага имелось ввиду использование русскими купцами водного пути между Ригой и Псковом, который пролегал вдоль морского побережья, по р. Нарове и далее по Чудскому озеру, и морского пути, ведущего от Таллина в Ивангород. Подробнее см. Jenß G. Rivalry between Riga and Tartu... - P. 147. Книшляэ Д.Д. Нарва и Ивангород ... - С.71. Указание на старые корабли, очевидно, говорит о использовании для прибрежных пла-

ваний отслуживших свое время непригодных для выхода в открытое море судов.

I22 HR (4). - Bd. 2. - P 680. - § 8.

I23 Revaler Ratsarchiv. - Br. 14. - Bl. 575 r.

I24 Там же. - Л. 586; Kölner Inventar / Bearb. von K. Hühlbaum. - Leipzig: Dumcker und Humbolt, 1896. - Bd. 1. - S. 330.

I25 Hollihn G. Die Stapel- u. Gästepolitik Rigas... - S. 101-102.

I26 См. там же. - С. 106.

I27 Подробнее см. там же. - С. 104.

I28 Revaler Ratsarchiv. - Br. 14. - Bl. 128 r. Судя по позднейшим жалобам любекских купцов (например, Hildebrand H. Bericht... - P 632 (1547)), ливонские города в выполнении взятых на себя обязательств особого энтузиазма не проявляли. Причиной этого было не только нежелание поддерживать конкурентов, но и обстоятельство, что Любек так же не выполнял условия уговора 1541 г. и применял у себя аналогичные ограничения к ливонским купцам (см. Hollihn G. Die Stapel- u. Gästepolitik ... - S. 106-107; S. 117-118 (1551)).

I29 См. Hildebrand H. Bericht ... - N 622.

I30 МЛА. - Bd. 5. - N 260. - S. 651-652.

I31 Revaler Ratsarchiv. - Br. 14. - Bl. 123 r-123 v, Bl. 131r.

I32 Там же. - Л. 221 об. - 222.

I33 Вопрос о свободном использовании порта уже давно являлся предметом спора между рыцарством Харьюмаа и Вирумаа и Таллинном см. AR. - Bd. 3. - P 62. - § 5; P 63. - § 5 (1515). Не смог его удовлетворительно решить и рассматриваемый нами ландртаг. В 1543 г. противоречия между обеими сторонами приняли настолько острый характер, что для решения спора магистр Ордена Герман фон Бруггеней был вынужден передать дело третейским судьям (Kommissarien). Проблема использования порта вскоре

после ландтага стала одним из главных объектов дискуссии на состоявшейся в присутствии назначенных лиц встрече таллинцев с представителями харью-вирумааского рыцарства (Russow B. Chronika der Frouintz Lifflandt... - S.25-26).

I34 Revaler Ratsarchiv. - Br. 14. - Bl. 234 v.

I35 Об этом свидетельствует высказанное далее в тексте документа пожелание, что каждый должен заниматься своим делом: "господин должен оставаться дворянином, купец купцом, управляющий имением управляющим имением" (Revaler Ratsarchiv. - Br.14. - Bl. 234 v).

I36 МЛА. - Bd. 5. - N 260. - S. 657.

I37 Там же.

I38 См.: VTVA. - N 195. - § 8; N 196. - § 8; Niitemaa V. Der Binnenhandel in der Politik... - S. 174.

I39 ЦГИА ЛатвССР. - Ф.4038. - Оп. 2. - Л. 122. - Л. 42.

I40 Hollihn G. Die Stapel- u. Gästepolitik... - S.83.

I41 См. там же. - С. 106.

I42 Подробнее см. Dunsdorfs E., Spekke A. Latvijas vēsture 1500-1600. - 450.-451. lpp.

I43 См. Hollihn G. Die Stapel- u. Gästepolitik ... - S. 109-119; Dreyer A. Die lübisch-livländische Beziehungen...-S.11-12.

I44 См. Hollihn G. Die Stapel- u. Gästepolitik...-S.118-119.

I45 В течение 1550-х годов напряжение в ливонско-русских политических отношениях постепенно возросло. Если в начале периода требования, предъявляемые Ливонии русской стороной, ещё не высказывались в ультимативной форме и их невыполнение не грозило немедленным началом войны, то весной 1557 г. возможность вооруженного конфликта стала очевидной. См. Tiberg E. Die Politik Moskaus gegenüber Alt-Livland 1550-1558// Zeitschrift für Ostforschung. - 1976. - Jg. 25. - N.4. - S.579-602.

- I46 M.L.A. - Bd. 5. - N 183. - S. 508.
- I47 Там же. - Т.4. - С.70.
- I48 Там же. - С.70-71.
- I49 Niitemaa V. Der Binnenhandel in der Politik... - S.336.
- I50 M.L.A. - Bd. 5. - N 184. - S.509. Из обеих стран разрешалось вывозить все товары, кроме вооружения (pantzer) из Ливонии и и воска и пир из России.
- I51 Dunsdorfs E., Spekke A. Latvijas vēsture 1500-1600.-451.lpp.
- I52 Briefe und Urkunden. - Bd.2. - N 201.-S.2; N 202.-S.5.
- I53 См. Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561. - København: Universitetsforlaget, 1973. - S.75.
- I54 Briefe und Urkunden. - Bd. 1. - N 15. - S. 11-12; Bd. 2. - N 205. - S. 12-13.
- I55 Расчёт городов строился на том, что без отмены запрета Ливонии, по их мнению, было невозможно добиться прочного мира с Россией. Кроме этого бергерство указывало на нецелесообразность запрета, так как русские независимо от политики ливонских властей приобретали в Ивангороде и других местах вооружение у купцов, прибывавших из других стран. Ожидаемый же от его снятия эффект ригане, таллинцы и тартусцы связывали с надеждой, что в этом случае русский царь ливонским "городам и купцам ничего не запретит в своей стране". См. Briefe und Urkunden. - Bd.1. - N 15. - S. 11-12; N 44. - S. 32.
- I56 В одном относящемся примерно к этому же времени документе (там же. - N 44. - С.33) тартуское бергерство во имя сохранения мира обещало не препятствовать торговле заморских "гостей" с русскими купцами.
- I57 Там же. - N 71. - С. 77.

3. Глава Денежная политика

¹ Сааре - Ляненский и Курземский епископы собственной монеты не чеканили.

² Подробнее см. *Misāns I. Pilsētu naudas politika Livonijas landtāgos XV gs.* // *LatvPSR ZA Vēstis.*-1984.- № 2. - 78. lpp.

³ Мелкие феодалы не были связаны ни с организацией, ни с управлением денежного дела и, будучи, очевидно, недостаточно компетентными в этих вопросах, собственное мнение на ландтагах почти никогда не высказывали. Вассалы всегда поддерживали мероприятия денежной политики ландесгерров, отвечавшие, в основном, и экономическим интересам рыцарства.

⁴ По данным А.Н.Молыгина в рассматриваемое время стоимость рижской счётной марки упала по сравнению с серединой XIV в. в пять раз (*Molvugin A. Über die Münz- und Geldgeschichte Estlands vom Beginn der einheimischen Münzprägung bis zum II. Viertel des 15. Jahrhunderts* // *Nordisk Numismatisk Årsskrift.* - 1969. - S. 59).

⁵ Молыгин А.Н. Денежное обращение и монетное дело на территории Эстонской ССР в XII - первой половине XVI вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Таллин; Ленинград, 1967. - С.13 (далее: Молыгин А.Н. Автореферат). Денежные и натуральные поступления от феодальных хозяйств время от времени уменьшались в результате стихийных бедствий - неурожаев, голода и эпидемий, а рост расходов ливонских правителей в историографии объясняется их внутренними междоусобицами и агрессивной внешней политикой. Подробнее о причинах, вызвавших во второй половине XIV и начале XV вв. падение стоимости монет, и ссылки на соответствующую литературу см. *Misāns I. Pilsētu naudas politika...* - 79. lpp.

6 Молвыгин А. П. Автореферат. - С. 13.

7 AR. - Bd. I. - P 257. Установление столь длительного срока потребовалось не только из-за сложности изучаемого вопроса. Свою роль здесь, очевидно, сыграли разногласия, существовавшие в это время между ландесгеррами. Магистр Зигфрид Ландер был недоволен антиорденской политикой Иогана Амбунди и неохотно поддерживал левые начинания, исходящие от архиепископа. Очевидно, и в денежном деле у магистра были какие-то свои планы, не совпадавшие с намерениями Амбунди, в реализации которых определенное место отводилось и городам. Об этом говорит приглашение магистром представителей Таллина на планируемое в марте 1420 г. в Валке обсуждение между ландесгеррами денежных вопросов. Характерно, что, сообщая об этом, Зигфрид Ландер велел таллинскому магистрату переговоры по этим вопросам проводить тайно и содержание своих предложений не разглашать (LUB. - Bd. 5. - P 2452). Не исключено, что вопрос о целесообразности привлечения на это собрание делегатов от крупнейших городов стал предметом разногласий между магистром и архиепископом. Ещё в конце января рикане насчёт возможности принять участие в Валкском собрании высказывались очень неопределенно (LUB. - Bd. 5. - P 2454). Судя по всему, этому противился Амбунди, опасавшийся оппозиции. В итоге расчёты магистра не оправдались. Собрание с марта было перенесено на июнь и прошло в Лимбахи без участия городов. См. AR. - Bd. I. - S. 217-218.

8 Письма аналогичного содержания, должно быть, получили также магистраты Риги и Тарту, но они не сохранились.

9 LUB. - Bd. 5. - P 2518.

10 Доказательства в пользу версии о затяжном характере обсуждения проекта реформы см. *Misāns I. Pilsētu naudas politika ...* - 80. lpp.

II Новое название монеты не прижилось. Ещё в ходе реформы пфенниг стали называть либо новым артигом, либо просто артигом, а в дальнейшем за новой монетой закрепилось название шиллинг. Последнее объясняется обстоятельством, что новый артиг соответствовал 12 дореформенным "любекским пфеннигам", составлявшим один счётный шиллинг (См. Молвыгин А.Н. Номиналы мелких монет Ливонии с середины XIII до второй половины XVI вв. и некоторые вопросы денежного дела Новгорода и Пскова // Изв. АН ЭстССР. Серия обществ. наук. - 1963. - Т.12. - № 4. - С. 385-386).

I2 УВ. - Вд. 5. - № 2632.

I3 Молвыгин А.Н. Номиналы мелких монет ... - С.385-386.

I4 УВ. - Вд. 5. - № 2632.

I5 Именно это произошло в землях Австрии и Пруссии, где несколько раньше местные ландесгерры проводили аналогичные реформы (Probszt G. Österreichische Münz- und Geldgeschichte von den Anfängen bis 1918. - Wien; Köln: Böhlau, 1973. - S. 286; Sprandel R. Das mittelalterliche Zahlungssystem nach hansisch-nordischen Quellen des 13.-15. Jahrhunderts. - Stuttgart: Hiersemann, 1975. - S.148.

I6 Niitema V. Der Binnenhandel in der Politik... - S.266.

I7 Молвыгин А.Н. Номиналы мелких монет ... - С.385; Duns-
Spekke A.
dorfs E. Latvijas vēsture 1500-1600. - 517.-518. lpp.

I8 Niitema V. Der Binnenhandel in der Politik ... - S. 266.

I9 Делегаты Риги на этот ландтаг не явились. Л.Арбузов-младший объясняет их отсутствие напряженными отношениями, сложившимися в это время у горста с магистром Орлена Циссе фон Рутенбергом (AR. - Вд. I. - S. 273).

20 Подробнее см. Misāns I. Pilsētu naudas politika... - 82.-84.lpp.

21 Дорошенко В.В. Цены на продукты ... - С.160.

22 Молвыгин А.Н. Номиналы мелких монет ... - С.386.

- 23 Молягин А.Н. Нумизматический материал Эстонии XII - первой четверти XV веков как исторический источник // Источниково-ведческие проблемы истории народов Прибалтики. - Рига: Зинат-не, 1970. - С.31.
- 24 Подробнее см. *Niešne I. Pilsētu naudas politika...* - 86.lpp.
- 25 *Jesse W. Die Münzpolitik der Hansestädte.* - S.94.
- 26 Данные о том, что в отдельных случаях ливонская торговля страдала нехваткой денег приводит А.Н.Молягин. См. Молягин А.Н. Номиналы мелких монет ... - С. 385.
- 27 Молягин А.Н. Автореферат. - С.16. Из-за отсутствия соответствующих источников трудно конкретнее установить все причины и формы проявления этого ущерба, а также его размера. Следует принять во внимание и различные мошенничества с золотыми деньгами, проводимые отдельными купцами по отношению к феодалам. Так, например, в 1510 г. магистр Ордена Вольгер фон Плеттенберг в письме к рижскому магистрату упоминает неоднократно жалобы архиепископа, орденских братьев и вассалов на некоторых купцов, (*ene van den kormanne*), отказавшихся принять обратно недоброкачественные гульденов, которые они сами до этого "всукули в руки" (*in de hant gesteken*) феодалам. Пострадавшие отметили, что убыток при реализации таких монет составляет примерно четверть, а то и половину стоимости каждого рейнского гульдена (*LUB(2)*. - *Вд.3.* - *В 835*). Названные цифры невозможно проверить, и они явно завышены, по крайней мере вторая из них.
- 28 О причинах этого явления см. *Joseph P. Goldmünzen des XIV. und XV. Jahrhunderts (Disibodenberger Fund). Nebst Urkundlichen Beiträgen zur Münzgeschichte der Rheinlande, besonders Frankfurts.* - Frankfurt a/M:Baer, 1882. - S.116-119.
- 29 Согласно данным А.Н.Молягина, стоимость ливонских денег

на рубеже XV и XVI вв. уменьшилась по сравнению с серединой XV в., более чем на 1/3 (Молыгин А.Н. Денежное обращение в Ливонии в первой половине XVI в. // Тез. докл. на областной научной сессии / Государственный Эрмитаж. - Л.: Сов.художник, 1964. - С. 103).

30 АВ. - Вд. 3. - Н 2. - § 1.

31 См. решение Валмиерского городского съезда 1494 г. (ИВ. - Вд. II. - В 780. - § 19) и письмо тартуского магистрата таллинскому от этого же года (ИВ (2). - Вд. I. - В 82).

32 ИВ (2). - Вд. I. - В 168; Молыгин А.Н. Диссертация. - С. 237-238.

33 АВ. - Вд. 3. - Н 12. - § 57.

34 Отдельные купцы использовали некачественную золотую монету для обмана неразбиравшихся в тонкостях монетного дела крестьян (см. жалобы сааре-ляэвского епископа Иоганна III на Таллин от 1502 г. - ИВ (2). - Вд. (2). - В 416), но это, как и упомянутые ранее махинации по отношению к феодалам, давало горожанам лишь небольшую прибыль. В целом же наиболее крупные купцы при доставке низкопробных гульденов из Западной Европы терпели убытки. Кроме того несоответствие между номинальной и реальной стоимостью гульденов осложняло ведение торговли.

35 АВ. - Вд. 3. - Н 21. - § 101.

36 Подробнее см. Нисанс Н. Денежная политика городов на ливонских ландтагах с конца XV в. по 1561 г. // Феодализм в балтийском регионе. - Рига, 1965. - С. 51-52.

37 ИВ (2). - Вд. 3. - Н 825.

38 Там же. - В 812; 818.

39 Там же. - В 828; В 830; В 833; В 834; В 835.

40 Там же. - В 818.

41 Валкским ландтагом в 1495 г. курс на хорнгульден был

установлен в 40 шиллингов (АВ- - Вд. 3. - н 2. - § 1.).

42 LUB(2). - Вд. 3. - н 828; н 830; н 833.

43 В рецессе говорится: "... после долгих разговоров и споров решено, что золото, как это дружно установлено, должно иметь при получении и оплате старую стоимость, так как каждый будет стараться принимать золото по той стоимости, по какой он может его вернуть (в обращение)" (АВ. - Вд. 3. - № 53. - § 32).

44 Там же. - В 25. - § 21.

45 Там же. - В 28. - § 39.

46 Молягин А.Н. Диссертация. - С. 232.

47 АВ. - Вд. 3. - В 35. - § 28. Более подробное изложение рекомендации магистра Орлема в источниках отсутствует.

48 Поскольку это собрание состоялось в городе, где находилась одна из главных резиденций магистра Орлема и его власть здесь ощущалась наиболее сильно, Волтер фон Плеттенберг имел больше возможностей оказать влияние на деятельность горожан.

49 АВ. - Вд. 3. - В 47. - § 60.

50 См. Молягин А.Н. Денежное обращение в Ливонии в первой половине XVI в. - С. 103.

51 В Ливонии, как и в других странах Европы, в начале XVI в. возросли цены на серебро. Это было вызвано тем, что в связи с падением стоимости местных денег пришлось платить большее количество монет за серебро. Кроме того свою роль сыграло увеличение количества серебра, продаваемого ливонскими купцами русским, а также другие факторы. См. также на источниках и литературу, отражающие эти вопросы см. Мисано И. Денежная политика городов ... -Сн. 54-57.

52 АВ. - Вд. 3. - н 53. - § 31.

53 Там же. - В 54. - § 52; Молягин А.Н. Диссертация. - С. 242.

54 **AR.** - Bd. 3. - N 57. - § 6; § 24.

55 **Производство крупных серебряных монет с целью улучшения денежного хозяйства было довольно широко известно в Европе того времени. Из Италии оно распространилось в Тироль, Швейцарию, Данию, Германию, Чехию, ряд ганзейских городов и другие места. См. Friedensburg F. Münzkunde und Geldgeschichte der Einzelstaaten des Mittelalters und der Neuzeit. - München; Berlin: Oldenbourg, 1926. - S.51; Buck H. Das Geld- und Münzwesen der Städte in den Landen Hannover und Braunschweig. - Ein geschichtlicher Ueberblick. - Frankfurt a/M: Hess in Komm., 1935. - S. 36-37; Pribram A.F. Materialien zur Geschichte der Preise und Löhne in Österreich. - Wien: Überreuter, 1938. - Bd. 1. - S. 34; Waschinski E. Währung, Preisentwicklung und Kaufkraft des Geldes in Schleswig-Holstein von 1226-1864. - Neuminster: Wachholtz, 1952. - S.21-22; Jesse W. Der wendische Münzverein. - Neudruck der Ausgabe von 1928. - Braunschweig: Klinkhardt und Biermann, 1967. - S.125-127.**

56 **Jesse W. Der wendische Münzverein. - S.125-126.**

57 **AR.** - Bd. 3. - N 57. - § 24.

58 **Там же.**

59 **Молвыгин А.Н. Диссертация. - С.242-243. Здесь же (см. с. 243, сн. I, а также Молвыгин А.Н. Автореферат. - С.16) высказано мнение, что упомянутые изменения в монетном деле окончательно были приняты на ландтаге, состоявшемся в 1515 г. Это утверждение нельзя признать достаточно обоснованным. Доказательства, приведенные А.Н. Молвыгиным в пользу такой версии, не убеждают в том, что в 1515 г. в действительности состоялся ландтаг. О таком ландтаге не сообщают и другие источники того времени.**

60 **AR.** - Bd. 3. - S. 217.

- 61 Там же. - С. 217-218.
- 62 Там же. - В 66. - § 50.
- 63 Там же. - В 89. - § 26-28; В 92. - § 17.
- 64 МЛА. - Вд. 5. - N 185. - S. 507.
- 65 АВ. - Вд. 3. В 66. - § 3; § 15; § 22; § 29; § 35. См. также
- 66 *Regesten aus zwei Missivbüchern...* - N 73.
- 66 Подробнее см. Молвыгин А.Н. Диссертация. - С. 248-250; Молвыгин А.Н. Автореферат. - С. 16-17; История Таллина. - С. 134-135.
- 67 Подробнее см. Мисанс И. Ленекная политика городов... - С. 58-59.
- 68 См. там же. - С. 57.
- 69 См. Leimus I. Jakob Richerdes' myntningsaffär i Finland och i Reval // *Historisk Tidskrift för Finland*. - 1984. - N 2. - S. 107. -108. и след.
- 70 АВ. - Вд. 3. - N 200. - N 201.
- 71 Там же. - В 202.
- 72 Там же. - В 210.
- 73 Об этом свидетельствует послание магистра Ордена Волтера фон Плеттенберга съезду представителей городов в Пярну в 1527 г. (АВ. - Вд. 3. - В 247).
- 74 Там же. - В 210. - § 2.
- 75 Там же. - § 5.
- 76 Протекавшая на этом ландтаге борьба между городами и феодалами по поводу реформации (см. Arbusow L. *Die Einführung der Reformation ...* - S. 438-452; *Feodalia Riga*. - 120.-121. lpp.) еще больше обострила противоречия по вопросам монетного дела.
- 77 АВ. - Вд. 3. - N 207. - § 32.
- 78 Там же. - § 51; § 52. Курс на хорнгульдены, например, был

установлен в размере I рикской марки и 3 шиллингов, в то время как города предлагали его установить в размере 4I шиллинга, т.е. I марки и 5 шиллингов (AR. - Bd. 3. - N 210. - § 5; N 202. - § 9).

79 Там же. - В 247; В 249.

80 Сведения, которые позволили бы предположить, что вопросы монетного дела были затронуты городами и на Валмиерском ландтаге в июне 1526 г. очень неопределенны (Там же. - В 236. - § 14).

81 Там же. - В 269. - § 4; В 270; В 280.

82 Там же. - В 272 ; В 281.

83 В 1547 г. на осуществленные ранее по инициативе ландесгерров изменения в денежном деле ссылается рикский архиепископ Вильгельм в письме к рикскому магистрату (MLA. - Bd. 5. - В 177). Они упоминаются также в постановлении об условиях монетного дела в Инчони, изданном в этом же году совместно архиепископом Вильгельмом и магистром Ордена Германом фон Бриггензеем (там же. - В 265). Следует полагать, что распоряжение монетному мастеру Риги о чеканке 500 марок мелочи, данное Плеттенбергом в 1531 г. (AR. - Bd. 3. - В 292), также связано с введенными изменениями. Поскольку далее в письме магистра Ордена рикскому магистрату запрещается противиться деятельности монетного мастера, можно предположить, что принятые в 1531 г. нововведения города не устраивали.

84

AR. - Bd. 3. - N 291. - § 2.

- 85 Там же. - № 298. - § 2. Идея о перестройке денежной системы на основе стоимости рейнского золотого гульдена возникла не в Ливонии. В 20-х годах XVI в. рейхстагом Германской Империи рейнский гульден был избран в качестве основы, по которой определялась стоимость серебряных монет (Blaich F. Die Wirtschaftspolitik des Reichstags im Heiligen Römischen Reich. - Stuttgart: Fischer, 1970. - S.16-18. См. также Friedensburg F. Münzkunde und Geldgeschichte ..., S. 112 и Кулишер И. М. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. - 5-е изд. - Петроград: тип. Балашова, 1918. - С. 202-203).
- 86 AR. - Bd. 3. - N 301. - § 59; N 302. - § 9; N 304. - § 4.
- 87 Там же. - № 311.; - № 313.
- 88 Там же. - № 308.
- 89 Анализ этих предложений см. Dunsdorfs E., Spekke A. Latvijas vēsture ... - 534.-535. lpp.
- 90 Весной 1532 г. римский магистрат занимался денежными вопросами (AR. - Bd. 3. - № 310; см. также HR(4) - Bd. I. - № 84. - § I; § 7).
- 91 AR. - Bd. 3. - № 317. Практически это означало понижение монетной стопы, используемой для чеканки шиллингов. Чтобы их можно было отличить от соответствующих более высокопробных монет, чеканившихся во втором десятилетии XVI в., шиллингов, выпускаемых по стопе, установленной в 1530-х годах, стали называть новыми шиллингами. См. HR(4). - Bd. 2. - N 677. - § 1; N 680. - § 1 (1537); Revaler Ratvarchiv. - Br. 14. - Bl. 578r(1539).
- 92 Молягин А. Н. Автореферат. - С. 17.
- 93 AR. - Bd. 3. - N 320; N 321; N 322.
- 94 Там же. - № 323. - § 4.
- 95 Там же. - № 328. § 70.
- 96 Там же. - № 337.

- 97 Там же.
- 98 M.L.A. - Bd. 5. - N 139. - S. 443; HR(4). - Bd. 1. - N 414.
- § 12.
- 99 HR(4). - Bd. 2. N 526. - § 1.
- 100 Там же.
- 101 Там же. - В 527. - § 9. Чтобы исправить положение, города предлагали приравнять I Иоахимсталер к 3 ринским маркам.
- 102 Там же. - В 674. - § 4.
- 103 Revaler Ratsarchiv. - Br. 14. - Bl. 95v. - 96r.
- 104 HR(4). - Bd. 2. - N 677. - § 1.
- 105 Revaler Ratsarchiv. - Br. 14. - Bl. 95v.
- 106 Там же.
- 107 HR (4). - Bd. 2. - N 680. - § 1.
- 108 Например, курс упомянутых крузатов был установлен в размере 8 марок. Стоимость же Иоахимсталера была установлена в размере 3 марки и 12 шиллингов, т.е. выше требуемой городами. В условиях, когда содержание серебра в этой монете постоянно уменьшалось, биргерству это было невыгодно. Особенно недовольны были монетные мастера, использовавшие талеры для изготовления местных монет. Их приобретение для этих нужд по установленному курсу не окупалось, что заставляло искать другие источники сырья, которые в тогдашних условиях, как уже отмечалось, были очень ограничены. Подробно этот вопрос разбирался на Ринском городском съезде 1539 г. (Revaler Ratsarchiv. - Br. 14. - Bl. 576v; 578r.).
- 109 M.L.A. - Bd. 5. - N 258. - § 8. - S. 647-648.
- 110 Там же. - В 260. - С. 650-660. В заключительной части этого документа имеется указание, что перечисленные в нём пункты стали предметом обсуждения всех курий.
- III Там же. - С. 654-655.

- I12 VIVA. - N 195. - § 5.
- I13 Mitteilungen, - Bd. 23. - В 50. - § 5; письмо таллинского магистрата тартускому от 3 августа 1546 г. - Центральный таллинский государственный архив. - Ф. 230. - Оп. I. - Л. 245. - Л. 226.
- I14 MLA. - Bd. 5. - N 265.
- I15 Serlitz R. IV-XVI gs. Livonijas monētu depoziits...-104.lpp.
- I16 ЦГИА ЛатвССР. - Ф. 4038. - Оп. 2. - Л. 122. - Л. 41 об.
- I17 Там же.
- I18 Там же.
- I19 Russwurm C. Revals Münzrecht und Münze // Beiträge zur Kunde Est-, Liv- und Kurlands. - Reval: Kluge, 1887. - Bd. 3. - S. 95-99.
- I20 Источники не дают возможности точно выяснить порядок и время принятия этих предложений.
- I21 Russwurm C. Revals Münzrecht... - S. 96-97.
- I22 Молвыгин А. Н. Диссертация. - С. 262-263.
- I23 Russwurm C. Revals Münzrecht... - S. 97-98. Изменение монетной стопы, по которой чеканились разные номиналы, см. также Serlitz R. IV-XVI gs. Livonijas monētu depoziits... - 104. lpp.
- I24 MLA. - Bd. 5. - N 185. - S. 507; Bd. 4. - S. 71.
- I25 Подробнее см. Мисанс И. Денежная политика городов... - С. 66 - 67.
- I26 Briefe und Urkunden... - Bd. 1. - N 10.
- I27 Об этом свидетельствует письмо доктора права Ремберта Гилсхейма магистру Орлена Вильгельму Фюрстенбергу в ноябре 1557 г., где подчеркивается необходимость продолжения поисков соглашения на ландтаге (Quellen. - Bd. 1. - N 5. - S. 15-16).
- I28 Молвыгин А. Н. Диссертация. - С. 267.

129 Это обстоятельство в 1527 г., в письме к магистру Ордена Волтеру фон Плеттенбергу отметили сами горожане (AR. - Bd. 3. - в 249). Однако нельзя забывать, что ландесгерры, в руках которых находилось право на чеканку монет, не раз издавали распоряжения относительно выпуска и обращения монет, не получив на это предварительного согласия ландтага. Срав. с. 85, 94, 97, а также см. ВЗ данной главы.

4. Глава Политика в вопросе о вылаче убежавших в города крестьян

¹ Fritze K. Bürger und Bauern zur Hansezeit: Studien zu den Stadt-Land Beziehungen an der südwestlichen Ostseeküste von 13. bis zum 16. Jahrhundert. - Weimar: Böhlau, 1976. - S. 21. ^{Nachf.}

² См. Дорощенко В. В. Крестьянство и государство в средневековой Ливонии (XII-XVI вв.) // Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решения XXIII съезда КПСС / XVI сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тез. докл. и сообщ. - М.: Ин-т истории АН СССР, 1966. - С. 203-204.

³ См. Виппер Р. История латышского народа. - Т. I. - С. 402-403; Niitena V. Die undeutsche Frage... - S. 267.

⁴ См. Zeida T. Feodāliams Livonijā. - 94. lpp.

⁵ Там же. - С. 93.

⁶ LDB. - Bd. 7. - N 206.

⁷ В этой связи небезынтересно вспомнить ньюль Р. Виппера о том, что рыцарство Хартумаа и Вирумаа, пользовавшееся рядом привилегий по сравнению с вассалами других областей, уже в конце XIV в. применяло долговое обязательство как средство для введения барщины. Этим он объясняет интерес, возросший у рыцар-

ства Северной Эстонии к поимке беглецов. Затем, как считает Р.Виппер, этот прием, вероятно, стал распространяться на юг, при чем ландтаг как место встречи ландесгерров и рыцарей разных областей мог оказаться при этом посредником для пропаганды нового изобретения (Виппер Р. История латышского народа. - Т. I. - С. 330).

8 *Возве Н. Der livländische Bauer...* - S. 358.

9 Подробнее см. *Misāns I. Pilsētu cīņa par zemniekiem...* - 28. lpp.; *Misāns I. Pilsētu naudas politika...* - 83. lpp.

10 История Эстонской ССР. - Т. I. - С. 251-252.

11 Там же. - С. 252. В условиях царившей в Ливонии политической раздробленности беглецу было достаточно пересечь границу местного соседнего государства, чтобы оказаться в положении, когда его возвращение становилось возможным лишь дипломатическим путём (*Švābe A. Zemes attiecību...* - 71. lpp.). Во избежание этих затруднений представители рыцарства земель Рижского архиепископства, Тартуского епископства и Ордена заключили в 1482 г. в Вазмла соглашение о взаимной выдаче убежавших крестьян (*Mitteilungen.* - Bd. 23. - № 25. - S. 101), осуществить которое по ряду причин им, однако, не удалось.

См. Дорощенко В. В. Основные проблемы ... - С. 33.

12 См. *Misāns I. Pilsētu cīņa par zemniekiem...* - 28.-29.

1pp.; *Niitemaa V. Die undeutsche Frage...* - S. 113.

13 См. Дорощенко В. В. Основные проблемы ... - С. 33.

14 См. Лиги Х. Закрепощение крестьян в Эстонии. - С. 131.

15 См. главу I.

16 *Draeger W. Das alte lübische Stadtrecht und seine Quellen*

// *Hanzische Geschichtsblätter.* - 1913. - S. 21-22. В рассматриваемое в диссертации время в Таллине действовал свод законов, который на основе лубекского права был разработан ещё

в XII в. Хотя и он не содержал пункта, официально устанавливавшего один год и один день в качестве срока исковой давности для отклонения требований о выдаче убежавших в города крестьян, таллинский магистрат опирался на эту формулу, чтобы, ссылаясь на любекское право в целом, давать отпор претензиям вассалов. См. Niitmaa V. Die undeutsche Frage... - S. 163.

17 Arndt J.G. Der livländischen Chronik anderer Theil. - Halle: Gebauer Druck, 1753. - S. 169; Caune M. Rīgas pēdējais brutālais konflikts ar Livonijas ordeni // LatvPSR ZA Vēstis. - 1975. - N 8. - 44.-45. lpp.

18 Из-за отсутствия соответствующих источников причины, побудившие Тарту последовать примеру Риги, остаются неясными.

19 Этот факт упоминается в сообщении членов таллинского магистрата И. Геллихузена и Г. Вилемана о переговорах с магистром Ордена, состоявшихся в 1499 г. в Руене. Хотя в документе точно и не указывается ни год, ни место созыва данного ландтага, издатель источника Л. Арбузов-старший описываемые события связывает с Валеским ландтагом 1492 г. (LUB(2). - Bd. 1. - N 779. - S. 584).

20 Там же.

21 Увертки горожан ставили представителей магистратов на ландтаге порой в весьма сложное положение. Так в январе 1503 г. в Валлиере рыцарь Харьюмаа Розен и рыцарь Вирумаа Лоде "по поводу крестьян обрушились на ризкал с громким и вызывающим криком" (АВ. - Bd. 3. - № 21. - § 56; - S. 911. S. 915). "О Розене известно, что на рубеже XV-XVI вв. он имел крупное подворье на территории города Риги (Дорошенко В.В. Очерки аграрной истории ... - С. 288-289).

22 АВ. - Bd. 3. - N 25. - § 27-28.

23 LUB(2). - Bd.1. - N 330(1495), N 713(1496).

- 24 См. Niitemaa V. Die undeutsche Frage ... - S. 142, 145;
Лиги X. Закрепощение крестьян в Эстонии. - С. 131.
- 25 АР. - Bd. 3. - N 15. - § 124-127(1501), N 21. - § 57 (январь 1503).
- 26 Подробнее см. Niitemaa V. Die undeutsche Frage ... - S. 150-151.
- 27 АР. - Bd. 3. - N 46. - § 7.
- 28 Вишпер Р. История латвийского народа. - Т. I. - С. 394. Иная трактовка описываемых событий дана в работе В. Нийтемаа, предполагавшего, что тридцатилетний срок сыска убежавших в Таллин крестьян был зафиксирован уже в упомянутом нами соглашении 1500 г. (См. Niitemaa V. Die undeutsche Frage... - S. 148).
Обострение конфликта между Таллином и рыцарством Харьюмаа и Вирумаа во втором десятилетии XVI в. финский историк объясняет последствиями эпидемии 1504 г., после которой, по его мнению, увеличившийся в Таллине дефицит рабочих рук покрыл усиленный приток деревенского населения (там же. - С. 153).
- 29 Niitemaa V. Die undeutsche Frage ... - S. 153-154.
- 30 АР. - Bd. 3. - N 52. - § 12.
- 31 По мнению В. Нийтемаа представить данный вопрос на рассмотрение ландтага 1512 г. городу помешала обострявшаяся в это время международная обстановка. См. Niitemaa V. Die undeutsche Frage ... - S. 154.
- 32 АР. - Bd. 3. - N 54. - § 60.
- 33 Там же. - § 74-75.
- 34 Там же. - § 60.
- 35 См. там же. - § 74-77.
- 36 Там же. - № 58, № 60, № 61.
- 37 Там же. - № 58, № 63, - § 2.

- 38 Там же. - В 62. - § I.
- 39 Там же. - В 57. - § 41-42.
- 40 См. Niitemaa V. Die undeutsche Frage... - S. 159-160.
- 41 AR. - Bd. 3. - N 64. - § 1-3, § 7.
- 42 Там же. - § 2; Niitemaa V. Die undeutsche Frage ... - S. 162.
- 43 AR. - Bd. 3. - N 66. - § 46.
- 44 Там же. - § 24.
- 45 Там же. - В 67, В 66. - § 47.
- 46 Объясняя причины этого поражения Таллина, необходимо принимать во внимание не только расстановку внутриполитических сил, но и внешнеполитический аспект. Ливонскому ордену пришлось считаться с возможностью принятия участия в назревавшей в это время войне Немецкого ордена против Польши (Подробнее см. Arbusow L. Grundriss der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. - 4. Aufl. - Riga: Jonck und Poliewsky, 1918. - S. 136 - 137). Используя это обстоятельство, рыцарство грозило отказаться выступить в поход, если не будут удовлетворены его требования о безоговорочной выдаче убежавших в Таллин крестьян (AR. - Bd. 3. - N 66. - § 24. ; § 46).
- 47 AR. - Bd. 3. - N 66. - § 47.
- 48 Подробнее см. Niitemaa V. Die undeutsche Frage...-S.165-169.
- 49 HR(3). - Bd. 7. - N 39. - § 290-294.
- 50 См. там же. - В 130.
- 51 AR. - Bd. 3. - N 89. - § 63.
- 52 Niitemaa V. Die undeutsche Frage ... - S. 172-173.
- 53 Там же. - С. 274.
- 54 AR. - Bd. 3. - N 231. - § 50.
- 55 Там же. - В 298. - § 4.

- 56 Там же. - В 304. - § 8. См. также В 301. - § 61.
- 57 Вишпер Р. История латышского народа. - Т. I. - С. 413.
- 58 НВ(4). - Вд. 2. - Н 680. - § 7.
- 59 Более мелкие города, представлявшие собой гораздо меньшую силу, в вопросах о выдаче крестьян в основном подчинялись феодалам. См. Niitemaa V. Die undeutsche Frage... - S. 275.
- 60 См. там же. - С. 279-282; Revaler Ratsarchiv. - Br. 14. - Bl. 260 v.
- 61 Mitteilungen. - Bd. 23. - N 52. - § 6 (1548); N 54. - § 12 (1552).
- 62 Там же. - В 55.
- 63 Там же.
- 64 Там же. - В 57. - § 4.
- 65 Там же. Прямая заинтересованность всех трёх городов в принятии такого постановления объясняется тем, что в 1543 г. в Риге при выдаче убежавших крестьян был установлен такой же исковой срок как в Таллине - один год и один день (VTVA. - В 148). Насчёт Тарту точных данных нет, но не исключено, что подобный порядок во второй трети XVI в. существовал и там. См. Niitemaa V. Die undeutsche Frage... - S. 269-270.
- 66 МЛА. - Bd. 4. - S. 71.

**Список использованных источников
и литературы**

I. Произведения классиков марксизма-ленинизма

- I.1. Маркс К. Дебаты шестого рейнского ландтага // Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. I. - С. 30-84.
- I.2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. - 2-е
изд. - Т. 3. - С. 7-544.
- I.3. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 7. - С. 343-437.
- I.4. Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении на-
циональных государств // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд.
- Т. 21. - С. 406-416.

2. Источники

2.1. Архивные материалы

- 2.1.1. Центральный государственный исторический архив Лат-
вийской ССР. - Ф. 4038. - Оп. 2 (фонд Общества исследователей
истории и старины г. Риги). - Д. 122.
- 2.1.2. Центральный Таллинский государственный архив. - Ф.
230. - Оп. I (фонд Таллинского городского магистрата). -
Д. 245.
- 2.1.3. Bundesarchiv Koblenz. Revaler Ratsarchiv. - Br. 14.
Mikrofilm.

2.2. Опубликованные источники

- 2.2.1. Akten und Rezesse der livländischen Ständetage / Bear-

beitet von O.Stavenhagen, L.Arbusow sen., L.Arbusow jun. und A.Bauer. - Riga: Deubner, Jonck und Poliewsky; Bruhns, 1907-1938. - Bd. 1-3.

2.2.2. Arbusow L. Die altlivländischen Bauerrechte. - Anhang // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. - Riga: Bruhns, 1924 - 1926. - Bd. 23. - S. 89-144.

2.2.3. Arndt J.G. Der livländischen Chronik anderer Theil. - Halle: Gebauer Druck, 1753. - 364 S.

2.2.4. Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558-1562 / Hrg. von F.Bienemann. - Riga: Kymmel, 1865 - 1876. - Bd. 1 - 5.

2.2.5. Hanserecesse / Hrg. durch die Historische Kommission bei der Königl. Akademie der Wissenschaften. - Leipzig: Duncker und Humbolt, 1893 - 1897. - Bd. 7-8; Ibidem / Bearb. von G. von der Roop. - Leipzig: Duncker und Humbolt, 1876 - 1892. - Abt. 2. - Bd. 1 - 7; Ibidem / Bearb. von D.Schäfer. - Leipzig: Duncker und Humbolt, 1881 - 1913. - Abt. 3. - Bd. 1 - 9; Ibidem / Bearb. von G.Wentz. - Weimar: Böhlau, 1941. - Abt. 4. - Bd. 1. - 474 S.; Ibidem / Bearb. von K.Friedland und G.Wentz. - Köln; Wien: Böhlau, 1970. - Bd. 2. - 630 S.

2.2.6. Hansisches Urkundenbuch / Bearb. von K.Kunze, W.Stein und K.Höhlbaum. - Leipzig: Duncker und Humbolt, 1899 - 1916. - Bd. 6 - 11.

2.2.7. Hildebrand H. Bericht über die im Reval'schen Rathsarchiv für die russisch-livländischen Wechselbeziehungen im 15. und 16. Jahrhundert ausgeführten Untersuchungen // Mélanges russes tirés du Bulletin de l'Académie Imperiale des Sciences de St.Petersbourg. - St.Petersburg: Buchdruck der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1872. - Bd. 4. - S.716-802.

2.2.8. Kölner Inventar / Bearb. von K.Höhlbaum. - Leipzig:

Duncker und Humboldt, 1896. - Bd. 1. - 637 S.

2.2.9. Liv- Esth- und Curländisches Urkundenbuch / Hrsg. von F.G.Bunge, H.Hildebrand, Ph.Schwartz, L.Arbusow sen., A.Bulmerincq. - Reval; Riga; Moskau: Kluge und Ströhm; Kymmell; Deubner, 1855-1910. - Abt. 1. - Bd. 1-12; *Ibidem* / Hrsg. von L.Arbusow sen. - Riga; Moskau: Deubner, 1900-1914. - Abt. 2. - Bd. 1 - 3.

2.2.10. Monumenta Livoniae Antiquae. - Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und anderen schriftlichen Denkmälern und Aufsätzen. - Riga; Leipzig: Frantzen, 1844-1847. - Bd. 4 - 5.

2.2.11. Nottbeck F. Fragment einer Revaler Chronik // Beiträge zur Kunde Ehst-, Liv- und Kurlands. - Reval: Kluge, 1894. - Bd. 4. - S. 459-468.

2.2.12. Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbstständigkeit / Hrsg. von C.Schirren. - Reval: Kluge, 1861 - 1865. - Bd. 1 - 5.

2.2.13. Regesten aus zwei Missivbüchern des XVI. Jahrhunderts im Revaler - Stadt - Archiv / Bearb. von G. von Hansen. - Reval: Kluge, 1895. - 162 S.

2.2.14. Johann Renner's Livländische Historien. - Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1876. - 427 S.

2.2.15. Das rothe Buch inter Archiepiscopalia // Scriptores rerum Livonicarum. - Riga; Leipzig; Frangen, 1848. - Bd. 2. - S. 731 - 804.

2.2.16. Russow B. Chronika der Prouintz Liflandt. - Rostock: Seitnern Druck, 1584. - 136 S.

2.2.17. Russwurm C. Revals Münzrecht und Münze // Beiträge zur Kunde Ehst-, Liv- und Kurlands. - Reval: Kluge, 1887. -

Bd. 3. - S. 95 - 99.

2.2.18. Schiemann Th. Revals Beziehungen zu Riga und Russland in den Jahren 1483 - 1505: Briefregesten und Briefe aus dem Conceptbuche des Revaler Rates. - Reval: Kluge, 1885. - 72 S.

2.2.19. Vidzemes tiesību vēstures avoti 1336 - 1551 / Izd. A.Švābe. - Rīga: Latvijas vēstures institūts, 1941. - 591 lpp.

3. Литература

3.1. Монографии и опубликованные диссертации

3.1.1. Дорошенко В.В. Очерки аграрной истории Латвии в XVI веке. - Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1960. - 326 с.

3.1.2. Дорошенко В.В. Торговля и купечество Риги в XVII веке. - Рига: Зинатне, 1985. - 350 с.

3.1.3. Духанов М.М. Остзейцы: Политика остзейского дворянства в 50-х - 70-х гг. XIX в. и критика ее апологетической историографии. - Рига: Лесма, 1978. - 475 с.

3.1.4. Енис Г.А. Из истории архивного дела в Латвии. - Рига: Авотс, 1981. - 212 с.

3.1.5. Зутис Я. Очерки по историографии Латвии. - Рига: Латгосиздат, 1949. - Ч. I. - 259 с.

3.1.6. История Таллина (до 60-х годов XIX века) / Сост. Р.Пуллат. - Таллин: Ээсти раамат, 1983. - 399 с.

3.1.7. История Эстонской ССР / Под ред. А.Вассара и Г.Наана. - Таллин: Эстонское государственное издательство, 1961. - Т. I. - 955 с.

3.1.8. Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. - Конец XV - начало XVI в. - Л.: Наука, 1975. - 359 с.

3.1.9. Кареев Н.И. Поместье-государство и сословная монархия

- средних веков. - С.Петербург: тип. Стасюлевича, 1906. - 438 с.
- 3.1.10. Корсунский А.Р. История Испании IX-XII веков. - М.: Высшая школа, 1976. - 239 с.
- 3.1.11. Булишер И.М. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. - 5-е изд. - Петроград: тип. Балашова, 1918. - 512 с.
- 3.1.12. Пуллат Р., Тарвел Э. История города Тарту. - Таллин: Ээсти раамат, 1980. - 109 с.
- 3.1.13. Рыбина Е.А. Иноземные дворяне в Новгороде XII-XVII вв. - М.: Изд-во Московского университета, 1986. - 176 с.
- 3.1.14. Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544-1648). - С.Петербург: тип. Балашова, 1894. - Т. I. - 717 с.
- 3.1.15. Хачатурян Н.А. Возникновение Генеральных Штатов во Франции. - М.: Изд-во Московского университета, 1976. - 210 с.
- 3.1.16. Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV-XV веках. - М.: Изд-во АН СССР, 1963. - 365 с.
- 3.1.17. Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства XVI - XVII вв. - М.: Наука, 1978. - 417 с.
- 3.1.18. Ahvenainen J. Der Getreidehandel in Livland im Mittelalter. - Helsinki: Keskuskirjapaino, 1963. - 253 S.
- 3.1.19. Arbusow L. Grundriss der Geschichte Liv- Est- und Kurlands. - 4-е Aufl. - Riga: Jonck und Poliewsky, 1918. - 372 S.
- 3.1.20. Arbusow L. Die Einführung der Reformation in Liv- Est- und Kurland. - Leipzig; Riga: Heimsius Nachf., 1919-1921. - 851 S.
- 3.1.21. Below G. von. Territorium und Stadt. - Aufsätze zur deutschen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte. - München;

Berlin: Oldenbourg, 1923. - 257 S.

3.1.22. Blaiich F. Die Wirtschaftspolitik des Reichstags im Heiligen Römischen Reich. - Stuttgart: Fischer, 1970. - 280 S.

3.1.23. Bosse H. Der livländische Bauer am Ausgang der Ordenszeit (bis 1561) // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. - Riga: Kymmel, 1933. - Bd. 24. - S. 281-511.

3.1.24. Bruns F., Weezerka H. Hansische Handelsstrassen. - Textband. - Weimar: Böhlau Nachf., 1967. - 792 S.

3.1.25. Buck H. Das Geld- und Münzwesen der Städte in den Landen Hannover und Braunschweig. - Ein geschichtlicher Ueberblick. - Frankfurt a/Main: Hess in Komm., 1935. - 83 S.

3.1.26. Bunge F.G. von. Geschichtliche Entwicklung der Staatenverhältnisse in Liv-, Esth- und Kurland bis zum Jahre 1561. - Dorpat: Kluge, 1838. - 106 S.

3.1.27. Ciedlak E. Walki ustrojowe w Gdańsku i Toruniu oraz w niektórych miastach hanseatyckich w IV w. - Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Naukowe, 1960. - 371 s.

3.1.28. Daenell E. Die Blütezeit der deutschen Hanse. - Berlin: Reimer, 1906. - Bd. 2. - 561 S.

3.1.29. Dollinger Ph. Die Hanse. - Stuttgart: Kröner, 1966. - 593 S.

3.1.30. Donner E. Der livländische Ordensritterstaat und Russland: Der livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558-1583. - Berlin: Hitten und Loening, 1963. - 320 S.

3.1.31. Dreyer A. Die lübisch-livländischen Beziehungen zur Zeit des Untergangs livländischer Selbstständigkeit 1551-1563. - Lübeck: Schmidt Druck., 1912. - 28 S.

3.1.32. Dunsdorfs E., Spekke A. Latvijas vēsture 1500-1600. - Stokholma: Daugava, 1964. - 812 lpp.

- 3.1.33. Feodālā Rīga / Atb. red. T.Zeids. - Rīga: Zinātne, 1978. - 535 lpp.
- 3.1.34. Friedensburg F. Münskunde und Geldgeschichte der Einzelstaaten des Mittelalters und der Neueren Zeit. - München; Berlin: Oldenbourg, 1926. - 196 S.
- 3.1.35. Fritze K. Bürger und Bauern zur Hansezeit. - Studien zu den Stadt- Land Beziehungen an der südwestlichen Ostseeküste vom 13. bis zum 16. Jahrhundert. - Weimar: Böhlau Nachf., 1976. - 118 S.
- 3.1.36. Gernet A. von. Die Anfänge der livländischen Ritterschaften. - Reval: Kluge, 1895. - 135 S.
- 3.1.37. Gernet A. Verfassungsgeschichte des Bistums Dorpat bis zur Ausbildung der Landstände. - Jurjew (Dorpat): Kluge, 1896. - 201 S.
- 3.1.38. Geschichte der Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurlands von der ältesten Zeit bis auf unsere Jahrhundert. - Mitau: Sieslack, 1879. - T.1. - 312 S.
- 3.1.39. Goetz L.K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. - Lübeck: Waelde, 1922. - 572 S.
- 3.1.40. Hartung F. Deutsche Verfassungsgeschichte von 15. Jahrhundert bis zur Gegenwart. - Leipzig; Berlin: Teubner, 1914. - 174 S.
- 3.1.41. Hollihn G. Die Stapel- u. Gästepolitik Rigas in der Ordenszeit (1201-1562). - Sonderdruck. - Berlin: /o.V./, 1935. - 128 S.
- 3.1.42. Jähning B. Johann von Wallenrode O.T. Erzbischof von Riga, Königlicher Rat, Deutschordensdiplomate und Bischof von Lüttich im Zeitalter des Schismas und des Konstanzer Konzils (um 1370-1419). - Bonn; Godesberg: Wissenschaftliches Archiv,

1970. - 231 S.

3.1.43. Jesse W. Der wendische Münzverein. - Neudruck der Ausgabe von 1928. - Braunschweig: Klinkhardt und Biermann, 1967. - 322 S.

3.1.44. Johansen P., zur Mühlen H. von. Deutsch und undeutsch im mittelalterlichen und frühneuzeitlichen Reval. - Köln; Wien: Böhlau, 1973. - 555 S.

3.1.45. Joseph P. Goldmünzen des XIV. und XV. Jahrhunderts (Disibodenberger Fund): Nebst Urkundlichen Beiträgen zur Münzgeschichte der Rheinlande, besonders Frankfurts. - Frankfurt a/Main: Bär, 1882. - 232 S.

3.1.46. Kentmann R. Livland im russisch-litauischen Konflikt. - Die Grundlegung seiner Neutralitätspolitik 1494-1514. - Marburg: Estländische Druck., 1929. - 80 S.

3.1.47. Kostrzak J. Narodziny ogólnoinflackich zgromadzeń stanowych od XIII do polowy XV wieku. - Warszawa: Poznań; Toruń: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1985. - 153 s.

3.1.48. Latvijas PSR vēsture no vissenākajiem laikiem līdz mūsu dienām / A.Drīzula red. - Rīga: Zinātne, 1986. - 1. sēj. - 399 lpp.

3.1.49. Lenz W. Die auswärtige Politik des livländischen Ordensmeisters Walter von Plettenberg bis 1510. - Riga: Plates, 1928. - 96 S.

3.1.50. Narongiu A. Medieval Parliaments. - A Comparative Study. - London: Eyre and Spottiswoode, 1968. - 306 p.

3.1.51. Mickwitz G. Aus Revaler Handelsbüchern. - Zur Technik des Ostseehandels in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts. - Helsingfors: Harrassowitz, 1938. - 258 S.

3.1.52. Zur Mühlen H. von. Reval vom sechzehnten bis zum acht-

- zehnten Jahrhundert. - Köln; Wien: Böhlau, 1985. - 432 S.
- 3.1.53. Niitmaa V. Die undeutsche Frage in der Politik der livländischen Städte im Mittelalter. - Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1949. - 316 S.
- 3.1.54. Niitmaa V. Der Binnenhandel in der Politik der livländischen Städte im Mittelalter. - Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1952. - 379 S.
- 3.1.55. Pāvulāns V. Satiksmes ceļi Latvijā XIII-XVII gs. - Rīga: Zinātne, 1971. - 234 lpp.
- 3.1.56. Pribram A.F. Materialien zur Geschichte der Preise und Löhne in Österreich. - Wien: Überreuter, 1938. - 879 S.
- 3.1.57. Probst G. Österreichische Münz- und Geldgeschichte. - Von den Anfängen bis 1918. - Wien; Köln; Graz: Böhlau, 1973. - 684 S.
- 3.1.58. Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561. - København: Universitetsforlaget, 1973. - 241 S.
- 3.1.59. Richter A. von. Geschichte der dem russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen bis zur Zeit ihrer Vereinigung mit demselben. - Riga: Kymmell, 1858. - T.1. - Bd. 2. - 500 S.
- 3.1.60. Sauer H. Hansestädte und Landesfürsten. - Die wendische Hansestädte und die Auseinandersetzung mit den Fürstenthümern Oldenburg und Mecklenburg während der zweiten Hälfte des 15. Jahrhunderts. - Köln; Wien: Böhlau, 1971. - 218 S.
- 3.1.61. Schildhauer J., Fritze K., Stark W. Die Hanse. - 5. Aufl. - Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1982. - 252 S.
- 3.1.62. Schwabe A. Grundriss der Agrargeschichte Lettlands. - Riga: Lancy, 1928. - 359 S.
- 3.1.63. Seraphim E. Livländische Geschichte von der "Aufsege-

lung* des Landes bis zur Einverleibung in das russische Reich.

- 2. Aufl. - Reval: Kluge, 1897. - Bd. 1. - 485 S.

3.1.64. Sprandel R. Das mittelalterliche Zahlungssystem nach hansisch-nordischen Quellen des 13. - 15. Jahrhunderts. -

Stuttgart: Hiersmann, 1975. - 226 S.

3.1.65. Suhle A. Deutsche Münz- und Geldgeschichte von den Anfängen bis zum 15. Jahrhundert. - Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1971. - 258 S.

3.1.66. Švābe A. Zemes attiecību un zemes reformu vēsture Latvijā. - Novilkums no Zemkopības ministrijas izdevuma "Latvijas agrārā reforma". - Rīga: Bez izdevn., 1930. - 172 lpp.

3.1.67. Transehe-Roseneck A. von. Zur Geschichte des Lehnwesens in Livland // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. - Riga: Kymmel, 1903. - Bd. 18. - S. 1-309.

3.1.68. Varakauskas R. Lietuvos ir Livonijos santykiai XIII-XVI a. - Vilnius: Mokslas, 1982. - 329 p.

3.1.69. Waschinski E. Währung, Preisentwicklung und Kaufkraft des Geldes in Schleswig-Holstein von 1226-1864. - Neuminster: Wachholts, 1952. - 245 S.

3.1.70. Wernicke H. Die Städtehanse 1280-1418: Genesis, Strukturen, Funktionen. - Weimar: Böhlau Nachf., 1983. - 204 S.

3.1.71. Zeids T. Feodālisms Livonijā. - Rīga: LVI, 1951. - 143 lpp.

3.2. Статьи и тексты докладов

3.2.1. Дорошенко В.В. Цены на продукты сельского хозяйства в Ливонии XV в. // История СССР. - 1959. - № 2. - С. 158-169.

3.2.2. Дорошенко В.В. Действие "революции цен" в Восточной Прибалтике в XVI в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной

- Европы 1961 г. - Рига: Изд-во АН ЛатвССР, 1963. - С.114-125.
- 3.2.3. Дорошенко В.В. Основные проблемы аграрной истории Латвии. - Доклад по книге "Очерки аграрной истории Латвии в XVI веке", представленной в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. - Рига: без изд., 1964. - 88 с.
- 3.2.4. Гутнова Е.В. Сословная монархия и крестьянство в Западной Европе XIII-XV веков // Вопросы истории. - 1978. - № 8. - С. 57-71.
- 3.2.5. Гутнова Е.В. Роль бюргерства в формировании сословных монархий в Западной Европе // Социальная природа средневекового бюргерства XIII-XVII вв. - М.: Наука, 1979. - С.50-88.
- 3.2.6. Зейд Т. Характеристика издания источников по истории феодализма в Латвии // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. - Рига: Зинатив, 1970. - С. 345-361.
- 3.2.7. Коттлер В. К характеристике патрициата, бюргерской оппозиции и народного движения в Риге во второй половине XVI в. // Известия АН ЛатвССР. - 1968. - № 6. - С. 13-27.
- 3.2.8. Лиги Х. Закрепощение крестьян в Эстонии // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г. - Рига: Изд-во АН ЛатвССР, 1963. - С. 126-134.
- 3.2.9. Мисанс Н. Денежная политика городов на ливонских ландтагах с конца XV в. по 1561 г. // Феодализм в балтийском регионе. - Рига: ЛГУ им. П.Стучки, 1985. - С. 45-78.
- 3.2.10. Молыгин А.Н. Номиналы мелких монет Ливонии с середины XIII до второй половины XVI вв. и некоторые вопросы денежного дела Новгорода и Пскова // Известия АН ЭстССР Сер. обществ. наук. - 1963. - Т.12. - № 4. - С. 379-389.
- 3.2.11. Молыгин А.Н. Нумизматический материал Эстонии XIII-первой четверти XV веков как исторический источник // Источ-

никоведческие проблемы истории народов Прибалтики. - Рига: Знание, 1970. - С. 23-34.

3.2.12. Пелда К.Р. Особенности распространения монетных кладов на территории Латвийской ССР в XIII - первой половине XVI века // Изв. АН ЛатвССР. - 1977. - № 4. - С. 65-77.

3.2.13. Пелда К.Р. Находки монет XIII-первой половины XVI века в археологических памятниках Латвии // Изв. АН ЛатвССР. - 1977. - № 8. - С. 103-113.

3.2.14. Пасквильский И.П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. - М.: Изд-во АН СССР, 1961. - С. 376-399.

3.2.15. Чаплинский В. Органы государственной власти в Польше XVI-XVII веков // Вопросы истории. - 1977. - № 12. - С. 148-158.

3.2.16. Åbers Z. Landtågs // Latviešu konversācijas vārdnīca. - Rīga: Gulbis, 1933. - 10. sēj. - 19961.-19972. sl.

3.2.17. Biskup M. Die Rolle der Städte in der ständischen Repräsentation des Ordensstaates Preussen im XIV. und XV. Jahrhundert // Preussenland. - 1977. - Jg. 15. - N 4. - S.55-69.

3.2.18. Biskup M. Die Rolle der Städte in der Ständevertretung des Königreiches Polen, einschliesslich des Ordensstaates Preussen im 14./15. Jahrhundert // Städte und Ständestaat. - Zur Rolle der Städte bei der Entwicklung der Ständevertretung in europäischen Staaten von XIII bis zum XV Jahrhundert / Hrag. B.Tüpfel. - Berlin: Akademie Verlag, 1980. - S. 163-193.

3.2.19. Brevern G. von. Die politische Stellung der livländischen Städte im Mittelalter // Archiv für die Geschichte Liv-, Esth- und Kurlands / Hrag. von F.G.von Bunge. - Dorpat:

Kluge, 1844. - Bd. 3. - Hft. 2. - S. 113 - 145. - Hft. 3. - S. 225 - 251.

3.2.20. Bunge F.G. von. Zur Geschichte der Landtage in Liv-
Esth- und Kurland während der bischöflichen und Ordens-Perio-
de // Das Inland. - 1836. - N 2. - S.17-24; N 3. - S. 39-46.

3.2.21. Bulmerincq A. Das Münzwesen der Stadt Riga am Aus-
gang des 15. Jahrhunderts // Mitteilungen aus der livländischen
Geschichte. - Riga: Kymmell, 1924-1926. - Bd. 23. - S.172-194.

3.2.22. Caune M. Rīgas pēdējais bruņotais konflikts ar Livo-
nijas ordeni (1481-1491) // LatvPSR ZA Vēstis. - 1975. - N 8.
- 36.-45. lpp.

3.2.23. Ceplīte R. Livonijas monētu depoziāts Rušīnas ciemā
(jaunākā - 1564. gada monēta) // Numismātika. - Rīga: Zinātne,
1968. - 7.-110. lpp.

3.2.24. Draeger W. Das alte lübische Stadtrecht und seine
Quellen // Hansische Geschichtsblätter. - 1913. - S. 1-91.

3.2.25. Eckardt J. Der livländische Landtag in seiner histo-
rischen Entwicklung // Baltische Monatsschrift. - 1861. - Bd.
3. - S. 38-78, 116-159.

3.2.26. Gernet A. von. Der Ursprung des altlivländischen Land-
tages // Baltische Monatsschrift. - 1896. - Bd. 43. - S. 277-
288.

3.2.27. Górski K. Die Anfänge der Repräsentation der *Communitas
nobilitum* in Polen, im Ordensstaat Preussen und in Ungarn im
Mittelalter // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität
Rostock Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe. -
1968. - Jg. 17. - Hft 1. - S. 19 -24.

3.2.28. Greiffenhagen W. Die altlivländischen Städtetage //
Beiträge zur Kunde Est-, Liv- und Kurlands. - Reval: Lindfors'

Erben, 1872. - Bd. 1. - S. 347-363.

3.2.29. Greiffenhagen W. Reval als Glied der Hansa // Baltische Monatschrift. - 1890. - Bd. 37. - S. 384-407.

3.2.30. Hausmann R. Zur Geschichte des Hofes von St. Peter in Nowgorod // Baltische Monatschrift. - 1904. - Bd. 55. - Hft 10. - S. 193-215. - Hft 11. - S. 257-291.

3.2.31. Hector K. Von den alten Landtagen und von der Stadt Schleswig als Landtagsort und Landstand // Beiträge zur Schleswiger Stadtgeschichte. - 1980. - Bd. 25. - S. 23-58.

3.2.32. Hellmann H. Verfassungsgrundlagen Livlands und Preussens im Mittelalter // Ostdeutsche Wissenschaft. Jahrbuch des Ostdeutschen Kulturrates. - 1956/57. - Bd. 3/4. - S. 78-108.

3.2.33. Hildebrand H. Die hansisch-livländische Gesandtschaft des Jahres 1494 nach Moskau und die Schliessung des deutschen Hofes zu Nowgorod // Baltische Monatschrift. - 1871. - Bd. 20. - N.F. - Bd. 2. - S. 115-136.

3.2.34. Hollander B. Die livländischen Städtetage bis zum Jahr 1500 // Programm der Stadt-Realschule zu Riga. - Riga: Häcker, 1888. - S. 1-55.

3.2.35. Jähning B. Die Rigische Sache zur Zeit des Erzbischofs Johannes Ambundi (1418-1424) // Von Akkon bis Wien. - Studien zur Deutschordensgeschichte vom 13. bis zum 20. Jahrhundert. - Marburg: Elwert, 1978. - S. 84-106.

3.2.36. Jensch G. Der Handel Rigas im 17. Jahrhundert. - Ein Beitrag zur livländischen Wirtschaftsgeschichte in schwedischer Zeit // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. - Riga: Kymmel, 1930. - Bd. 24. - S. 49-146.

3.2.37. Jenšs J. Rigas tirdzniecība ar Poliskavu XVI un XVII g. simtenī // Izglītības Ministrijas Mēnešraksts. - 1937. -

Nr. 1. - 47-55. lpp.; Nr 2. - 152.-164. lpp.

3.2.38. Jens G. Rivalry between Riga and Tartu for the trade with Pskov in the XVI and XVII centuries // Baltic and Scandinavian Countries. - 1938. - Vol. 4. - P. 145-154.

3.2.39. Jesse W. Die Minropolitik der Hansestädte // Hansische Geschichtsblätter. - (1928) 1929. - Jg. 53. - S. 78-96.

3.2.40. Johansen P. Die Bedeutung der Hanse für Livland // Hansische Geschichtsblätter. - 1940/1941 (1941). - Jg. 65/66. - S. 1-53.

3.2.41. Kivimäe J. Zur Handelsgeschichte der Fugger im spätmittelalterlichen Livland: Abraham Greissbeutel in Dorpat 1552-1553 // Scripta Mercaturae. Zeitschrift für Wirtschafts- und Sozialgeschichte. - 1980. - Jg. 14. - Hft 1. - S. 1 - 26.

3.2.42. Kivimäe J. Narva küsimus Liivi ordu politikas aastail 1494-1535 // *Эср. АН БССР Сеп. сөөмөтр. һайк* - 1981. - Т.30. N 1. - С. 29-42; N 2. - С. 179-192.

3.2.43. Koranyi K. Zum Ursprung des Anteils der Städte an den ständischen Versammlungen und Parlamenten im Mittelalter // Album Helen Maud Cam. - Etudes presentées a la Commission internationale pour l'histoire des assemblées d'états. - Paris: Beatrice-Nauwelaerts, 1960. - T. 23. - P. 37-53.

3.2.44. Kostrzak J. Frühe Formen des altlivländischen Landtages // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. - 1984. - Bd. 32. - Hft. 2. - S. 163 - 198.

3.2.45. Kostrzak J. Die Stände Probleme in Alt Livland im 15. Jahrhundert. - Der Vortrag auf der Konferenz "Die Anfänge der Stände in Preussen und seinen Nachbarländern" (München, Mai 1987). - Maschinenschrift.

3.2.46. Landtāgs // Latvju enciklopēdijs. - Stokholma: Trīs

zvaigsmes, 1952.-1953. - 2. sēj. - 1215.-1216. lpp.

3.2.47. Leimus I. Jakob Richerdes' myntningsaffär i Finland och i Reval // Historisk Tidskrift för Finland. - 1984. - N 2. - S. 107-122.

3.2.48. Malowist M. Über die Frage der Handelspolitik des Adels in den Ostseeländern im 15. und 16. Jahrhundert // Han-sische Geschichtsblätter. - 1957. - Jg. 75. - S. 29-47.

3.2.49. Malyusz F. Geschichte des Bürgertums in Ungarn // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. - 1928. - Bd. 20. - Hft. 3/4. - S. 356-407.

3.2.50. Mettig C. Die Hanse und ihre Beziehungen zu Riga. - Drei Vorträge, gehalten im Kaufmännischen Vereine zu Riga am 8., 15. und 22. März 1900. Separatabdruck aus der "Düna-Zei-tung". - Riga: Müllersche Druck., 1900. - 60 S.

3.2.51. Meyer W. Handelsbeziehungen zwischen Holland und Liv-land im 15. Jahrhundert // Baltische Monatschrift. - 1912. - Bd. 74. - Hft. 5. - S.267-285; Hft. 6. - S. 347-362.

3.2.52. Misāns I. Pilsētu cīņa par zemiekiem Livonijas land-tāgos IV gs. un XVI gs. pirmajā pusē // LatvPSR ZA Vēstis. - 1983. - Nr. 7. - 26.-38. lpp.

3.2.53. Misāns I. Pilsētu naudas politika Livonijas landtāgos IV gs. // LatvPSR ZA Vēstis. - 1984. - Nr. 2. - 76.-87. lpp.

3.2.54. Molvygin A. Über die Münz- und Geldgeschichte Estlands vom Beginn der einheimischen Münzprägung bis zum II. Viertel des 15. Jahrhunderts // Nordisk Numismatik Årsskrift. - 1969. - S. 37-65.

3.2.55. Osten Sacken F. Der Kampf der livländischen Städte um die Vorherrschaft im Hansekontor zu Nowgorod bis 1442 // Beiträge zur Kunde Est-, Liv- und Kurlands. - Reval: Kluge,

1912. - Bd. 7. - S. 269-373.

3.2.56. Prēdele J. Livonijas pilsētas Livonijas kara priekšvakarā // LatvPSR ZA Vēstis. - 1960. - Nr. 5. - 13.-20.lpp.

3.2.57. Rauch G. Der Fall Vegesack im Jahre 1550 // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1930. - Tartu: Mattiesens Buchdruck., 1932. - S. 158-196.

3.2.58. Rauch G. von. Stadt und Bistum Dorpat zum Ende der Ordenszeit // Zeitschrift für Ostforschung. - 1975. - Jg. 24. - Hft. 4. - S. 577-625.

3.2.59. Raudkivi P. Liivimaa maapäeva genees aastani 1435 // Изв. АН ЭССР Сес. обществ. наук. - 1985. - Т. 34. - N 1. - С. 78-93.

3.2.60. Raudkivi P. Läänimeeste esindus Liivimaa maapäeval (15. sajandi esimene pool) // Изв. АН ЭССР Сес. обществ. наук. - 1986. - Т. 35. - N 3. - С. 277-286.

3.2.61. Raudkivi P. Linnade osast Liivimaa maapäeva kujune misel // Изв. АН ЭССР Сес. обществ. наук. - 1987. - Т. 36. - N 2. - С. 160 - 171.

3.2.62. Raudkivi P. The place of the Valga (Walk) confederation (desember 1435 - december 1441) in the Livonian statehood // Zapiski historyczne ... (в печати).

3.2.63. Roslanowski T. Polens Städte und Bürgertum am Ausgang des Mittelalters unter besonderen Berücksichtigung der Handelsbeziehungen und des Handelskapitals // Die Stadt am Ausgang des Mittelalters / Hrag. von W.Rauch. - Linz: Donau, 1974. - S. 391 - 417.

3.2.64. Schildhauer J. Der Charakter der Hanse und ihr Verhältnis zu den livländischen Städten // Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтии / Докл. ист. конференц. 25-

27 ноября 1975 г. - Тарту: Тартуский государственный университет, 1975. - С.4 -28.

3.2.65. Stavenhagen O. Die Arbeiten für die Herausgabe der altlivländisch. Ständetagsakten. - Riga: Häcker Druck., 1894. - 32 S.

3.2.66. Stavenhagen O. Die Arbeiten für die Herausgabe der altlivländisch. Ständetagsakten. - Riga: Häcker Druck., 1897. - 23 S.

3.2.67. Stavenhagen O. Die Anfänge des livländischen Städtebundes innerhalb der deutschen Hanse und seine Theilnahme an der Kölner Konföderation // Baltische Monatsschrift. - 1901. - Bd. 52. - S. 43-70.

3.2.68. Stavenhagen O. Der Kampf des Deutschen Ordens in Livland um den livländischen Einheitsstaat im 14. Jahrhundert // Baltische Monatsschrift. - 1902. - Bd. 53. - Hft. 3. - S.145 - 159; Hft. 4. - S. 209 - 228.

3.2.69. Tender A. Müntide ja mõõtude areng Eestis // Eesti majandusajalugu. - Tartu: Akadeemilise kooperatiivi kirjastus, 1937. - 1.kd. - 501. - 542. lk.

3.2.70. Tiberg E. Moskau, Livland und die Hanse 1487 - 1547 // Hansische Geschichtsblätter. - 1975. - Jg. 93. - S. 13-70.

3.2.71. Tiberg E. Die Politik Moskaus gegenüber Alt-Livland 1550-1558 // Zeitschrift für Ostforschung. - 1976. - Jg. 25. - Hft. 4. - S. 571-617.

3.2.72. Töpfer B. Stände und staatliche Zentralisation in Frankreich und im Reich in der zweiten Hälfte des 15. Jahrhunderts // Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus. - Berlin: Akademie Verlag, 1977. - Bd. 1. - S. 233 - 272.

3.2.73. Transehe-Roseneck A. von. Die Entstehung der Schollenpflichtigkeit in Livland // Mitteilungen aus der livländischen

Geschichte. - Riga: Bruhns, 1924-1926. - S. 485-574.

3.2.74. Vegesack S. von. Die Gesandtschaften Wolter von Plettenbergs an den Grossfürsten von Moskau in den J. 1494-97 // Baltische Monatsschrift. - 1913. - Bd. 75. - S. 315 - 340.

3.2.75. Zur Geschichte der Städte Representation auf dem livlandischen Landtage // Das Inland. - 1839. - N 41.

3.3. Неопубликованные диссертации

3.3.1. Казиняэ Д.С. Нарыский вопрос в 1494-1558 гг. Дис.... канд. ист. наук. - Таллин, 1981.

3.3.2. Молыгина А.Н. Лененкое обращение и монетное дело на территории Эстонской ССР в XII - первой половине XVI в. Дис. ... канд. ист. наук. - Таллин; Л. . 1967.

3.3.3. Kuttler W. Patrisiat, Burgeropposition und Volksbewegung in Riga in der zweiten Halfte des 16. Jh. - Inauguraldisertation. - Leipzig, 1966. - Bd. 1.

3.3.4. Tiberg E. Om villkoren for Moskoviens baltiska handel 1487-1547 och handelns roll i utrikespolitiken. Ett bidrag till studiet av forhallanden ur vilka Livlandska kriget utvecklades 1558. - Avhandling. - Uppsala, 1975.

3.4. Авторефераты, рецензии и тезисы докладов

3.4.1. Дорошенко В.В. К исследованию экономических взаимоотношений города и деревни в феодальной Ливонии // Изв. АН ЛатвССР. - 1957. - В 4. - С. 157-168. - Рец. на книгу: Hiltunen V. Der Binnenhandel in der Politik der livlandischen Stadte im Mittelalter. - Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1952. - 379 S.

- 3.4.2. Дорошенко В.В. Ганза и Ливония: Проблемы торговли XII-XVI вв. // Изв. АН ЛатвССР. - 1965. - № 10. - С. 143-147. - Рец. на книгу: Dollinger Ph. La Hanse, XIIe - XVIIe siècles. - Paris. - 1964.
- 3.4.3. Дорошенко В.В. Крестьянство и государство в средневековой Ливонии (XII - XVI вв.) // Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решения XXVII съезда КПСС / XXI сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тез. докл. и сообщ. - М.: Ин-т истории АН СССР, 1986. - С. 202-205.
- 3.4.4. Кивимяэ П.О. Нарва и Ивангород в торговой политике России и Ливонии 1492-1558 гг. // Русское централизованное государство: Образование и эволюция XV-XVIII вв. - Чтения, посвящ. памяти акад. Л.В.Черепнина: Тез. докл. и сообщ. Москва, 26-28 ноября 1980 г. / Редкол. В.Т.Пашуто (отв. ред.) и др. - М.: Ин-т истории АН СССР, Ист. фак. МГУ, 1980. - С. 68-72.
- 3.4.5. Кивимяэ П.О. Нарвский вопрос в 1494-1558 гг. - Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Таллин, 1983. - 18 с.
- 3.4.6. Кивимяэ П.О. О соотношении политических и торговых факторов в русско-ливонских отношениях накануне Ливонской войны // Феодализм в России. - Юбилейные чтения, посвящ. 80-летию со дня рождения акад. Л.В.Черепнина: Тез. докл. и сообщ. Москва, 30 октября - 1 ноября 1985 г. / Редкол. А.А.Преображенский (отв. ред.) и др. - М.: Ин-т истории АН СССР; Ист. фак. МГУ, 1985. - С. 65-69.
- 3.4.7. Молвыгин А.Н. Денежное обращение в Ливонии в первой половине XVI в. // Тез. докл. на юбилейной научной сессии / Государственный Эрмитаж. - Л.: Сов. художник, 1964. - С. 103-104.

3.4.8. Молвыгин А.Н. Ленежное обращение и монетное дело на территории Эстонской ССР в XIII - первой половине XVI в. - Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Таллин; Ленинград, 1967. - 22 с.

3.4.9. Пелда К.Р. Нумизматические памятники как источники экономической истории Латвии XIII - первой половины XVI вв. - Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Рига, 1980. - 25 с.

3.4.10. Раудкиви П.Ф. Генезис ливонского ландтага в первой половине XV века // Феодализм в России. - Юбилейные чтения, посвящ. 80-летию со дня рождения акад. Л.В.Черепнина: Тез. докл. и сообщ. Москва, 30 октября - 1 ноября 1985 г. / Редкол. А.А.Дреображенский (отв. ред.) и др. - М.: Ин-т Истории АН СССР; Ист. фак. МГУ, 1985. - С. 90-92.

3.5. Курсы лекций

3.5.1. Виппер Р. История латышского народа. - Т. I. - Отдел рукописей и редких книг Фундаментальной библиотеки АН Латвийской ССР. - Ф. 25 (Коллекция бывшей Рижской городской библиотеки). - Р II54, I.